

КАЛЕНДАР

ЛЕМКО-СОЮЗА

СОСТАВИЛ
ВАНЬО ГУНЯНКА

1
9
3
5

1
9
3
5

ГАНЧОВЯНКА

ЦІНА 50 ЦЕНТОВ

Краяне

Лемкы-Карпатороссы!

Купуйме и помагайме тым, котры со-
чувствуют и помагают розвитью на-
шой народно-робочой организации
Лемко-Союза, а оминайме тых, котры
идут против интересов робочого народа.

В СОЗНАНИЮ НАША СИЛА!

и

ЛІПША БУДУЧНОСТ!

Открывайте Библиотеки

и

Школы Для Старших!

Учтесе, чытайте и другим объясняйте,
як мы можеме и повинны боротися за
нашы робочы интересы и зашыщати
народны права.

ЦИ МАТЕ ВЫ НА СВОЕМ ПЛЕЙЗИ

Народный Дом?

БУДУЙТЕ НАРОДНЫ ДОМЫ!

Открывайте Русскы Народны Школы!

Закладайте Театральны Кружки!

Организуите робочы оркестры и хоры!

Подбайте о нашу молодеж, ей разви-
тье и науку —

бо

в сознательности молодежи

ліпша

будучност нашего народа!

Книжки в Редакции "Лемко"

* * *

1. Мапа Лемковины на полотні \$2.00
2. " " на папері 0.50
3. Карпаторусский Буквар.
— Ваньо Гунянка 0.15
4. Старый Край — Ваньо Гунянка 0.10
5. Борьба за Национальные Права и
Борьба за Социальную Справед-
ливость—Дръ С. С. Пыжь --- 0.10
6. Мысли о Кооперации—
Родный Лемко 0.10
7. Прикарпатская Русь подъ Чехо-
словацкимъ Режимомъ —
Дръ. С. С. Пыжь 0.10
8. Сім Гріхов Головных—В. Гунянка 0.10
9. Збийска Полянка—Родный Лемко 0.10

ДРАМАТИЧНА БИБЛИОТЕКА

1. Лемковске Весіля и Співанкы 0.10
2. Спаношене Хлопство 0.10
3. Ицко Сват ----- 0.10
4. Муж Умер—Комедия—П.Ф. Телеп 0.10

Карпаторусский
КАЛЕНДАР

Лемко-Союза

— на —

1935

Составил Вацьо Гунянка

ГОД ИЗДАНИЯ X.

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ЛЕМКО-СОЮЗА

КЛИВЛАНД, ОГАИО — 1934

2490 Professor St.

Cleveland, Ohio

Американскы Легальны Свята

1) Каждая недѣля (воскресенье) въ году.

2) 1-го января — Новый Годъ, празднують во всѣх штатах, за исключеніемъ шта.: Массачусетсъ, Аркансасъ, Миссиссиппи и Нью Гемпширъ.

3) 12-го февраля, день рожденія президента Авраама Линкольна, празднують: Коннектикутъ, Нью Джерзи, Нью Йоркъ, Пенсильванія, Делаваре, Каролайна, Вестъ Вирджинія, Иллинойсъ, Индіана, Кензасъ, Мичиганъ, Миннесота, Савтъ Дакота, Нортъ Дакота, Монтана, Ютагъ, Колорадо, Айова Орегонъ, Вашингтонъ, и Вайомингъ.

4) 22-го февраля, день рожденія первого президента Соединенныхъ Штатовъ Юрія Вашингтона — празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штата Миссиссиппи.

5) 30-го марта, Великая Пятница; празднуется въ штатахъ: Массачусетсъ, Миссиссиппи, Пенсильванія, Алабама, Луизіана и Теннесси; въ другихъ штатахъ губернаторы спеціальною прокламаціею проголошуютъ той день святочнымъ.

6) 30-го мая — Декорейшинъ Дей. -- Того дня украшаютъ гробы — могилы погибшихъ воиновъ въ часѣ гражданской войны. Празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штатовъ Аркансасъ, Флорида, Джорджія, Луизіанна, Миссиссиппи, Нью Мексико, Нортъ Каролайна, С. Каролайна и Тексасъ.

7) 4-го іюля — Фортъ офъ Джулай — день проголошенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

8) Въ первый понедѣльникъ сентября — День Труда — Лейборъ Дей, — празднують во всѣхъ штатахъ.

9) Послѣдній четвергъ въ ноябрѣ — День Благодаренія — Тенсгивингъ Дей, праднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шт. Вайомингъ.

10) 25-го декабря — Рождество Христово — латинскій Кризмасъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

Кромѣ вышеназванныхъ праздниковъ, гдѣ-якіи штаты празднують: Ден: Колумба — 12 октября; День штатныхъ и федеральныхъ выборовъ — Элекшинъ Дей — обыкновенно въ первый вторникъ въ ноябрѣ. Кромѣ того, каждый штатъ мае свои отдѣльны праздники.

АМЕРИКАНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Годы

1492. Христофоръ Колумбъ, италіанецъ, открылъ Новый свѣтъ.
1497. Іоаннъ Каботъ, англичанинъ, открылъ континентъ Северной Америки.
1565. Испанцы поселились въ Ст. Августинъ, Флорида, найстарѣйшій теперь городъ въ Соединенныхъ Штатахъ.
1607. Поселеніе Вирджиніи, первая успѣшная колонія въ 13-ти первоначальныхъ стейтахъ, начата англичанами.
1609. Генри Гудсонъ, англичанинъ, находящійся на службѣ голландцевъ, открылъ рѣку Гудсонъ.
1620. Англичане начали заселяти Массачусетсъ.
1647. Массачусетсъ ухвалилъ законъ о устройствѣ публичныхъ школъ.
1664. Англичане забрали голландцамъ город Нью Амстердамъ и назвали его Нью Йоркъ.
1682. Англійскіи Квакеры поселились въ Пенсильваніи.
1733. Англичане начали заселяти Джоржію, послѣднюю изъ первоначальныхъ стейтовъ.
1759. Англичане отнесли окончательную побѣду надъ французами въ Квебекъ.
1775. Началася революційная война противъ Англій.
1775. Битва у Бункеръ Гиллъ между американцами и ангичанами.
1776. Деклярація Независимости отъ Англій, проголошена въ Филадельфіи.
1776. Американцы выиграли битву у Трентон.
1777. Американцы выиграли битву у Саратога.
1789. Американцы при помощи французовъ, отнесли окончательную побѣду надъ англичанами у Йоркставнъ.

1789. Согласно Конституции, Джордж Вашингтонъ сталъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
1803. Соед. Штаты откупили отъ французовъ Луизиану.
1807. Робертъ Фултонъ побудовалъ первый пароходъ.
- 1812—1815. Вторая война съ Великою Британіей.
1819. Флориду купили Соед. Штаты отъ Испаніи.
1819. Первый пароходъ, Саваннагъ, перешол Атлантическій океанъ.
1823. Объявлено доктрину Монро, чѣмъ о-стережено европейцевъ передъ устройваніемъ колоній въ Америкѣ.
1825. Открыто Каналь Ири, черезъ что Нью Йоркъ сталъ торговымъ центромъ Соединенныхъ Штатовъ.
1830. Въ Соед. Штатахъ по разъ первый употреблено съ успѣхомъ первый локомотивъ.
1845. Анектовано Тексасъ.
- 1846—1848. Война съ Мексикою, по которой Соед. Штаты получили югозападны стейты и территоріи.
1848. Открыто въ Калифорніи золото и тамъ начали поселяться американцы.
- 1861—1865. Гражданская война между южными и сѣверными стейтами.
1863. Президентъ Линкольнъ прокламовалъ свободу для негровъ.
1863. Сѣверные стейты выиграли битву подъ Геттисбургъ.
- 1865—1870. Принято 13, 14 и 15 додатокъ до Конституции, дающій неграмъ свободу и право голосованія.
1869. Окончено будову желѣзной дороги, соединяющей Нью Йоркъ съ Санъ Франциско.
- 1882—1902. Запрещено иммиграцію китайскихъ рабочихъ на 10 лѣтъ.
1884. Начато употреблять электрическіи трамваи (стриткаръ).
1898. Анектовано Гавайскіи острова.
1898. Война Соед. Штатовъ съ Испанією, освобожденіе Кубы и присоединеніе Филиппинскихъ острововъ и Порто Рико.
1902. Братья Райтъ вынашли летательную машину.
1914. Окончаніе будовы Панамского Канала.
- 1917—1917. Война Соед. Штатовъ съ Германіей.

1920. Побѣда республиканской партіи на президентскихъ выборахъ.
1923. Смерть Президента Гардинга. Вице-президентъ Кальвинъ Кулиджъ вступилъ на постъ Президента Соед. Штатовъ.
1924. Переизбраніе Кальвина Кулиджа на президентскихъ выборахъ.
1926. Празднованіе 150-лѣтія Американской Независимости.
1929. Крахъ на Американской биржѣ и початокъ страшной депрессіи и безработя.
1932. Провалъ республиканской партіи на выборахъ, выборъ президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.
1933. Президентъ Рузвельтъ и его "Нью Диль," НРА.

МѢСЯЦЪ ПРЕЗИДЕНТОВЪ

Мѣсяцъ февраль можеме назвати мѣсяцемъ великихъ Президентовъ. Въ томъ мѣсяцѣ американскій народъ прадное годовщину рожденія найславнѣйшихъ Президентовъ С. Ш.: Линкольна—12 февраля и Вашингтона—22 февраля. Обѣ годовщины сдѣлалися національными праздниками. Годовщина Вашингтона празднуется во всѣхъ штатахъ, а годовщина Линкольна лемъ въ сѣверныхъ штатахъ.

ДЖОРДЖЪ ВАШИНГТОНЪ былъ первымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Онъ былъ избранъ единогласно Президентомъ въ 1789 году и 30 апрѣля того же года вступилъ на свою должность. Родился 22 февраля 1732 года, а умеръ 14 декабря, 1799 г.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ былъ 16-тымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Избранный Президентомъ въ 1860 году, онъ былъ принужденъ вести страшную войну съ южными штатами, которые изъ-за спора о рабствѣ негровъ оторвались отъ федераціи съ сѣверными штатами и основали свою независимую отъ Сѣвера конфедерацію. Война окончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ и единство Соед. Штатовъ было спасено. Во время войны негры были освобождены отъ рабства. Въ 1864 г. Линкольнъ былъ переизбранъ Президентомъ на слѣдующій срокъ, но 14 апрѣля 1865 года былъ убитъ акторомъ Джономъ Бутомъ.

Родился 12 февраля 1809 года.

Январ

1935

January

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	Н. Г. Обр. Г. Василия В.	14	Илярия
2 В	Сильвестра	15	Павла
3 С	Прор. Малахии	16	Маркила п.
4 Ч	Собор 70 Апостолов	17	Антония ав.
5 П	Нав. Бог. Теопемпта	18	Присти
6 С	Богоявление Господне	19	Мария и тов.
7 Н	34 по С. Д. Иоанна Кр.	20	2 по З.К. Севастиана
8 П	Эмилиана	21	Агнеты
9 В	Св. мч. Полиевкта	22	Винкен.
10 С	Григория прп. и Домет.	23	Раймунда
11 Ч	† Теоодосия Вл.	24	Тимофтея
12 П	Татианы мч.	25	Нав. Ап. Павла
13 С	Єрмила и Стратон. мч.	26	Поликарпа
14 Н	35 по С. Д. Отцев	27	3 по З. К. Иоан. Зл.
15 П	Павла Тив. и Иоанна прп.	28	Леонида
16 В	Пок. Ап. Павла	29	Франца
17 С	† Антония Вел. прп.	30	Мартина д. м.
18 Ч	Афтанасия и Кир. пр.	31	Петра из Н.
19 П	Сич. Макария прп.	1	Игнатия
20 С	† Евфтимия Вел. прп.	2	Мат. Б. Громн.
21 Н	36 по Со. Д. Максима	3	4 по З. К. Власия
22 П	Тимофтея ап., Анастасия	4	Вероники
23 В	Климентия	5	Агаты
24 С	Ксении прп.	6	Тита еп. Дор.
25 Ч	† Григория Бог.	7	Ромульда
26 П	Ксенофонта прп.	8	Иоан. прп. из Мат.
27 С	† Перм. Иоанна Злат.	9	Апольония
28 Н	37 по С. Д. Ефрема	10	5 по З. К. Поп. Сх
29 П	Пер. мощ. Игнатия Б.	11	Появл. МБ. Люрд.
30 В	Трох Св.	12	Григория П.
31 С	Кира и Иоанна безер.	13	Трох Святых

Февраль 1935 February

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 Ч	Трифона
2 П	Стритение Господне
3 С	Симеона и Анны пр.
4 Н	Митаря и Фарисея Ис.
5 П	Агафии мч.
6 В	Вукола прп.
7 С	Парт. и Луки прп.
8 Ч	Феодора Стр.
9 П	Николая мч.
10 С	Харлампия мч.
11 Н	О Блудном Сыні Власия
12 П	Мелетия св.
13 В	Мартина прп.
14 С	Авксентия прп.
15 Ч	Онисима ап.
16 П	Памфила мч.
17 С	Лют. Феодора вмч.
18 Н	Мясопустная Льва
19 П	Архипа ап. и Максима
20 В	Льва еп.
21 С	Тимофея прп.
22 Ч	Найд. мощ. Евг.
23 П	Поликарпа свмч.
24 С	† 1 об. Гл. Иоан. Крест.
25 Н	Сыропустная. Тарасия
26 П	Порфирия св.
27 В	Прокопия
28 С	Василия исповідника

14	Валентина
15	Фавстина и Юв.
16	Юлианны
17	Старозап. Юлиан.
18	Симеона
19	Сух. Маркелина
20	Сух. Льва еп.
21	Феликса еп.
22	Маргар из К.
23	Петра Дам. еп.
24	Мясопустна.
25	Матѳея Ап.
26	Цесария
27	Виктора
28	Александра
1	Альбина еп.
2	Павла м.
3	Сыропуст. Кунег.
4	Андрияна
5	Іоанна від. Хр.
6	Перпетуи
7	Фом. Акв.
8	Іоанна Божого
9	Франциски рим.
10	Вступ. 40 Мучен.
11	Григория В.
12	Григория В. пап.
13	Христины

Март

1935

March

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч	Евдокии прмч.
2 П	Ееодота свмч.
3 С	Евтропия и ин. мч.
4 Н	1 Поста. Гарасима прп.
5 П	Канона мч.
6 В	42 мучеников в Амории
7 С	Василия свмч.
8 Ч	Ееофилякта прп.
9 П	† 40 муч, в Соваст.
10 С	Кондрата и ин. мч.
11 Н	2 Поста. Софрония патр.
12 П	Ееофана исп.
13 В	Пер. мощей Николая
14 С	Венедикта прп.
15 Ч	Агапия мч.
16 П	Савина и Юлиана мч.
17 С	Алексія прп.
18 Н	3 Поста Кирила Ерус.
19 П	Хризанта и Дарии мч.
20 В	О. О. Убитых
21 С	Якова исп.
22 Ч	Василия свмч.
23 П	Николая и тов.
24 С	Захарии и Якова
25 Н	4 Поста Бл. Пр. Бог.
26 П	Собор Ар. Гавриила
27 В	Матроны
28 С	Иляриона прп.
29 Ч	Марка и Кир. прп.
30 П	Юанна Листв. прп.
31 С	Поклон. Ипат. прп.

14	Матильды к.
15	Климента
16	Кирияка м.
17	Суха. Патрикия
18	Кирила
19	Юсифа Обруч.
20	Евфимии д.
21	Венедикта ав.
22	Катерины шв.
23	Феликса м.
24	Глуха. Гавриила
25	Благов. ПДМ.
26	Вел. Суб. Еман.
27	Рунерта
28	Св. Пон. Юанна К.
29	Кирила
30	Квирина
31	Средопост. Бальб.
1	Гугона
2	Франца
3	Ришарда
4	Изидора
5	Винцентия
6	Келестина
7	Чорна. Елифания
8	Дионисия еп.
9	Марии клеоп.
10	Езолииля
11	Льва В. пап.
12	Юлия пап.
13	Герменегильды

Апріль

1935

April

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 Н	5 Поста. Маріи Іег. прп.
2 П	Тита прп. и Амфианы
3 В	Никиты
4 С	Іоанна прп.
5 Ч	Θеодосія Тирского
6 П	Евтихія св.
7 С	Григорія св.
8 Н	Квітна. Иродіона
9 П	Евстахія мч.
10 В	Терентія
11 С	Антипы свмч.
12 Ч	Василія прп.
13 П	Артемона свмч.
14 С	Мартина папы рим.
15 Н	Воскресение Христово
16 П	Світ. Понед. Агапії
17 В	Світл. Вторн. Симеона
18 С	Іоанна Д. прп.
19 Ч	Іоанна Староп.
20 П	Θеодора Трих.
21 С	Януарія свмч.
22 Н	1 Θомина. Θеодора
23 П	† Георгія вмч.
24 В	Саввы
25 С	Марка ев.
26 Ч	Василія свмч.
27 П	Симеона свмч.
28 С	Ясона и Сосипатра ап.
29 Н	2 Мироносиц. Евстахія
30 П	† Якова апостола

14	Квітна Юстина м.
15	Анастасій м.
16	Венедикта
17	Аникита
18	Аполонія м.
19	Георгія
20	Θеодора
21	Воскр. Хр. Анзол.
22	Сотера и Кая мм.
23	Войтеха
24	Фиделиса
25	Ап. св. Іос. Мар.
26	Клита и Марка
27	Петра Кан.
28	Біла. Павла
29	Петра из Вер.
30	Катерини
1	Филиппа и Якова
2	Хр. кн. Атаназ.
3	Цар. К. П.
4	Зн. св. Хр. Фльор.
5	2 по Пасхі Теодора
6	Іоанна
7	Флявии и Домит.
8	Станислава еп.
9	Григорія Наз.
10	Изидора
11	Францишка
12	3 по Пасхі. Панкр.
13	Серватія

Май

1935

May

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

- 1 В Еремея пророка
2 С Аѳанасія ВА.
3 Ч † Θεодосія Печ. прп.
4 П Пелагии прпмч.
5 С Ирины мч.
6 Н 3 по Пасхі. Іова
7 П Явление Чест. Креста
8 В Іоанна Богослова
9 С † Пер. м. св. Николая
10 Ч † Симона Зил. ап.
11 П Мокия свмч.
12 С Епифанія и Герм. патр.
13 Н 4 по Пасхі Самарит.
14 П Изидора мч.
15 В Пахомія
16 С Θεодора освящ.
17 Ч Андроника ап. и Юлий
18 П Θεодота мч.
19 С Патрикия
20 Н 5 по Пасхі. Сліпорожд.
21 П † Костантина и Елены
22 В Василиска мч.
23 С Михаила прп.
24 Ч Вознесение Господне
25 П Третье Об.р Гл. І. Кр.
26 С Карпа ап.
27 Н 6 по Пасхі. Св. Отцев
28 П Никиты еп.
29 В Θεодосія прмч.
30 С Исаакія прп.
31 Ч Ермия и Еремея

- 14 Боафатія
15 Софії и 3 дочерей
16 Пон. св. Д. Бл. Анд.
17 Пасхалиса
18 Сух. Венанція м.
19 4 по Пасхі. Петра
20 Сух. Бернардина
21 Тимоѳея
22 Юлии дѣвы
23 Дезидерія еп.
24 ПДМ. Спов. вір.
25 Григорія VII пап.
26 5 по Пасхі. Филип.
27 Беды В.
28 Августина еп.
29 Юлия д.
30 Вознесение Господ.
31 Петронели
1 Бл. Якова Стр. еп.
2 6 по Пасхі Маркел.
3 Пр. Сер. Ис. Кльот.
4 Квирины
5 Бонифатія
6 Норберта еп.
7 Роберта
8 Медарда еп.
9 Сош. св. Духа
10 Маргареты кор.
11 Варнавы ап.
12 Онуфрія
13 Антонія

Юнь

1935

June

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

- 1 П Юстина мч.
- 2 С Никифора св.

- 3 Н Сош. Св. Духа

- 4 П Св. Тройцы Митроф.
- 5 В Доротея сщмч.
- 6 С Иллариона прп.
- 7 Ч Феодосия влмч.
- 8 П Феодота Страд.
- 9 С Кирила св.

- 10 Н Всіх Святых Тимое.

- 11 П †Варѣоломея и Варнавы
- 12 В Онуфрия
- 13 С Акилины мчц.
- 14 Ч Елисея пророка
- 15 П Амоса пророка
- 16 С Тихона еп.

- 17 Н 2 по С. Д. Мануила

- 18 П Леонтия мч.
- 19 В Юды Фад. ап., Зосима
- 20 С Меѳодия смч.
- 21 Ч Юлиана Тарс. мч.
- 22 П Евсевия свмч.
- 23 С Агрипины мчц.

- 24 Н 3 по С. Д. Рожд. І. Кр.

- 25 П Февронии
- 26 В Давида прп.
- 27 С Самсона прп.
- 28 Ч Пер. мощ. Кира и Іоан.
- 29 П Петра и Павла ап.
- 30 С Собор Апостолов

- 14 Василия
- 15 Боже Тіло

- 16 Св. Тройцы

- 17 Райнера
- 18 Евфрема
- 19 Юлианны
- 20 Сильверия пап.
- 21 Альойзия
- 22 Павлина еп.

- 23 2 по С. Д. Агрип.

- 24 Рожд. Іоанна Кр.
- 26 Вильгельма
- 26 Павла и Іоанна
- 27 Владислава кор.
- 28 Иринея
- 29 Петра и Павла ап.

- 30 3 по С. Д. Павла

- 1 Пр. Крови І. Хр.
- 2 Посіщ. ПДМ.
- 3 Анатолия
- 4 Феодора еп.
- 5 Антония
- 6 Луки мч.

- 7 4 по С. Д. Кир. и М.

- 8 Елизаветы пр.
- 9 Вероники
- 10 7 Братьев мч.
- 11 Пия І. папы
- 12 Іоанна Гл.
- 13 Анаклита

Юль

1935

July

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 Н	4 по С. Д. Космы и Дим.
2 П	† Пол. Рыз. Пр. Бог.
3 В	Якинта мч.
4 С	Андрея
5 Ч	† Кирила и Меѳодия ап.
6 П	† Аѳанасия Антон.
7 С	Ѳомы и Акакия прп.
8 Н	5 по С. Д. Прокопия мч.
9 П	Панкария свмч.
10 В	Антония печерского
11 С	Евфрема мч., Ольги
12 Ч	Прокла и Илария мч.
13 П	Собор Арх. Гавриила
14 С	Акилы ал., Кирика мч.
15 Н	6 по С. Д. † Волод. В. кн.
16 П	Аѳинагена свмч.
17 В	Марины вмчц.
18 С	Якинта и Эмилиана мч.
19 Ч	Макрины и Дия прп.
20 П	† Илии пророка
21 С	Симеона и Иоанна прп.
22 Н	7 по С. Д. Марии Магд.
23 П	Трофима
24 В	† Бориса и Гліба
25 С	Успение св. Анны
26 Ч	Ермолая свмч.
27 П	† Пантелеймона вмч.
28 С	Прохора и др. ап.
29 Н	8 по С. Д. Калиника мч.
30 П	Силы и др. ап.
31 В	Евдокима праведника

14	5 по С. Д. Бонавен.
15	Генрика
16	М. Б. Шкаплер.
17	Алексія
18	Симеона из Л.
19	Винк. из П.
20	Чеслава
21	6 по С. Д. Пракседѳ
22	Марии Магдалины
23	Аполинария еп.
24	Кунегунды
25	Якова ап.
26	Анны
27	Рудольфа Акв.
28	7 по С. Д. Виктора
29	Марѳы д.
30	Руфина м.
31	Игнатия
1	Петра в оков.
2	МБ. Англ.
3	Обр. св. Стефана
4	8 по С. Д. Дом.
5	МБ. Сніжной
6	† Преображение Г.
7	Каѳанія
8	Кирияка м.
9	Романа
10	Лаврентія м.
11	9 по С. Д. Сусанны
12	Кляры д.
13	Гиполита

Август**1935****August****Записки****РУССКИ СВЯТА****ЛАТИНСКИ СВЯТА**

1 С	Рр. Ч. Х.
2 Ч	Перен. мощ. св Ст.
3 П	Исаака и др. прп.
4 С	7 Мол. в Ефесі мч.
5 Н	9 по С. Д. Евсиния мч.
6 П	† Преображение Г. --
7 В	Доментия и Пасива мч.
8 С	Емилиана еп.
9 Ч	† Матѳея апостола
10 П	Лаврентия мч.
11 С	Евпла мч.
12 Н	10 по С. Д. Фотия
13 П	Максима исп.
14 В	Михея пророка
15 С	Успение Пр. Бог.
16 Ч	Пер. нерук. Обр. Господ
17 П	Мирона мч.
18 С	Фльора и Лавра мч.
19 Н	11 по С. Д. Андрея
20 П	Самуила пророка
21 В	Ѳадея апостола
22 С	Агаѳоника
23 Ч	Лупа мч.
24 П	Евтихия свмч.
25 С	Варѳоломея и Тита
26 Н	12 по С. Д. Андриана
27 П	Пимона прп.
28 В	Мойсея пророка
29 С	† Усікновеніе Г. I Кр.
30 Ч	Александра пат. Кон.
31 П	Пол. Пояса Пр. Бог.

14	Евсевия
15	Успение Пр. Бог.
16	Іоакима
17	Яцка в.
18	13 по С. Д. Елены
19	Людвика
20	Вернарда
21	Іоанны
22	Тимоѳея и тов. м.
23	Филиппа Б.
24	Варѳоломея ап.
25	14 по С. Д. Люд.
26	МБ. Честохов.
27	Юзефа
28	Августина
29	Усік. Гл. I Кр.
30	Розалий Лим.
31	Раймунда
1	15 по С. Д. Брон.
2	Стефана кор.
3	Зинона мч.
4	Розалии дівы
5	Лаврентия Юст.
6	Захарии пр.
7	Бл. Мольхиора
8	16 по Д. С. Р. МДМ.
9	Петра Кл.
10	Николая
11	Прота
12	Найсв. Им. МБ.
13	Филиппа м.

Сентябрь 1935 September

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	† Новый Год Церковный
2 Н	13 по С. Д. Маманта мч.
3 П	Анѳима свмч., Теофила
4 В	Вавилы смч.
5 С	Захарии и Елизаветы
6 Ч	Чудо Арх. Михаила
7 П	Созонта мч.
8 С	Рождество Пр Бог.
9 Н	14 по С. Д. Иоак. и Анны
10 П	Минодоры и Митр. мч.
11 В	Θеодоры прп.
12 С	Автонома
13 Ч	Обр. Кр., Корнилия
14 П	Воздвижение Ч. Креста
15 С	Никиты вмч.
16 Н	15 по С. Д. Софии
17 П	Софии, Віры и Надежды
18 П	Евменія прп.
19 В	Трофима и Саввы
20 С	Евст., его жены и дітей
21 П	Кондрата ап.
22 С	Фокии свмч.
23 Н	16 по С. Д. Зач. І. Кр.
24 П	Теклы прмчц.
25 В	Евфросинии прп.
26 С	† Св. ап. Іоанна Бог.
27 Ч	Каристрата мч.
28 П	†Харитона прп.
29 С	Кирияка прп.
30 Н	17 по С. Д. Григория

14	Воздв. Ч. Креста
15	14 по С. Д. ПДМ.
16	Корнилия
17	Знаки св. Франциш.
18	Іосифа
19	Іануария еп.
20	Евстахія м.
21	Матѳея ап.
22	15 по С. Д. Θомы
23	Теклы д.
24	ПДМ. Выкупу
25	Владислава Г.
26	Киприяна и Юстина
27	Космы и Даміяна
28	Вячеслава кор.
29	16 по С. Д. Мих.
30	Іеронима
1	Благ. Іоанна
2	Ангел. Ст.
3	Кандида и Горар.
4	МБ. Рожан.
5	Плакида м.
6	17 по С. Д. Брун.
7	Марка пап.
8	Бригиды д.
9	Людвика
10	Францишка
11	Емилиана
12	Максимилиана еп.
13	18 по по С. Д. Ед.

Октябрь 1935 October

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	† Покров Пр. Бог.
2 В	Киприяна свмч.
3 С	Дионисия А.
4 Ч	Иерофея свмч.
5 П	Харитины
6 С	† Фомы апостола
7 Н	18 по С. Д. Сергия
8 П	Пелагии прп.
9 В	Якова ап.
10 С	Евлампия и Ев.
11 Ч	Филиппа ап., Теофилия
12 П	Прова и др. прп.
13 С	Капа м., Космы прп.
14 Н	19 по С. Д. Ефимия прп.
15 П	Параскевы прп.
16 В	Логина
17 С	Осия пророка
18 Ч	† Луки апостола
19 П	Иоилия пророка
20 С	Артемия вмч.
21 Н	20 по С. Д. Иляриона
22 П	Амеркия еп.
23 В	Якова апостола
24 С	Ареты, Аванасия
25 Ч	Маркиана и Мартирия
26 П	† Димитрия вмч.
27 С	Нестора мч.
28 Н	21 по С. Д. Параскевы
29 П	Анастасия прп.
30 В	Зиновия мч.
31 С	Стахия, Нарк.

14	Каликта пап.
15	Тересы
16	Герарда
17	Маргареты
18	Луки ев.
19	Петра из Ал.
20	19 по С. Д. Иоанна
21	Уршули д и м.
22	Кордули д.
23	Серванда
24	Рафаила Арх.
25	Криспина
26	Евариста пап.
27	20 по С. Д. Фльор.
28	Симеона и Фад. ап.
29	Наркиса еп.
30	Альфонса
31	Вольфганга
1	Всѣх Святых
2	День Задущный
3	21 по С. Д. Губерта
4	Кароля Бором.
5	Захарии и Елизаветы
6	Леонарда
7	Бл. Антония Бал.
8	Гоѳфрида
9	Феодора м.
10	22 по С. Д. Андрея
11	Мартина еп.
12	Мартина папы
13	Станислава

Декабр 1935 December

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Наума пророка
2 Н	26 по С. Д. Аввакума
3 П	Софонии пророка
4 В	Варвары и Иоанна
5 С	† Саввы осв.
6 Ч	Николая св. чудот.
7 П	Амросия еп.
8 С	Патапия еп.
9 Н	27 по С. Д. Гануля
10 П	Мины и Иермогена мч.
11 В	Даниила Столпника
12 С	Спиридона
13 Ч	† Евстратия и Авкс.
14 П	Тирса мч.
15 С	Елевѳонтия свмч.
16 Н	Пред Рожд. Аггея пр.
17 П	Даниила пророка
18 В	Севастияна
19 С	Бонифатия мч.
20 Ч	Игнатия свмч.
21 П	Юлиана мч.
22 С	Анастасии вмчц.
23 Н	Навеч. Рожд. 10 мч.
24 П	Евгении
25 В	Рождество Христово
26 С	Собор Пр. Богородицы
27 Ч	Прмч. Стефана, Θεод.
28 П	Просв. Б. Н. по М. Н.
29 С	Прп. Макария мч.
30 Н	По Рожд. Мчц. Анисии
31 П	Мелании прп.

14	Спиридиона еп.
15	3 Адв. Валерияна
16	Евсевия еп.
17	Лазаря еп.
18	Очикув. МБ.
19	Немесия еп.
20	Θеофила м.
21	Θомы апостола
22	4 Адв. Зенона м.
23	Виктории д.
24	Адама и Евы
25	Рождество Хр.
26	Стефана
27	Иоанна
28	14 т. дїтей убиен.
29	Нед. по Рожд.
30	Евгении еп.
31	Сильвестра
1	Новый Год 1936
2	Макария
3	Геновефы
4	Вмч. Емилияна
6	30 по С. Д. Телесф.
6	Трех Царей
7	Лукияна м.
8	Иоанны д.
9	Северина ав.
10	Юлияны и Васил.
11	Альойсия
12	1 по Трох Цар.
13	Леонтия еп.

1935

Уж минул Рочок старый, як вшытко минат старе,
И бідный го проклинат, а богач благодарит . . .
Бо бідный народ терпіл — без хліба, без роботы,
А богач полный жытя и силы и охоты . . .
Зас иде Рочок Новый, Девятсот Тритцет Пятый
И кличе бідный народ — за себе постояти!
Бо треба нам всім знати, и каждому зособна,
Што без борьбы за право — все будеме голодны . . .
За право бідных людей — на жытя ту на світі,
Боротися мусиме — раз треба розуміти
Всім нам бідным робочым, всей нашой бідной кляссі,
Бо як з біды вымреме — уж буде по невчасі . . .
Мы всі лемкы частичка той бідной массы світа —
Нам разом треба стати за наше право жытя:
Як там на Лемковині, в наших Родных Карпатах,
Так ту, хоц на чужыні, з робочом кляссом стати,
Кляссом труда, будовы, што світ тот будувала:
Фронт еден против войны и против капитала
З робочом массом світа мы мусиме творити,
Коли ищы зме жывы и кед хочеме жыти

ВАНЬО ГУНЯНКА

Двадцет Літ (1914--1934)

Война.

20 ЛІТ тому назад почалася страшна світова війна, котра шаліла понад 4 літа, и за тот час забрала огромны жертвы в людях и их маєтку. Тота страшна світова війна не дастся поровнати в истории з нияком другом войном, бо сама она забрала больше жертв, як всі войны за тысяч літ, разом взяты.

Припомнийме собі огромны чысла жертв той страшной світовой войны. И так:

1. Убитых солдат, записаных	10,000,000
2. Пропавших без вісти	3,000,000
3. Убитых цивильных	13,000,000
4. Раненых	20,000,000
5. Остало сирот	9,000,000
6. Бездомных біженцов	10,000,000
7. Умерло от тифа и инфл.	15,000,000

Потерпіло людей ----- 80,000,000

80 миллионов, то значыт столько людей, як мают всего населения Франция и Италия, дві великы державы світа, разом взяты.

А тепер страты в маєтку:

В самых грошах	\$200,000,000,000
Страта в маєтку	37,000,000,000
Страта через застановленя продукции	44,000,000,000
Страты нейтральных держав	2,000,000,000
Страта через страту людей	67,000,000,000

Страты в маєтку світа .. \$350,000,000,000

Страты маєтковы народов, як видиме, огромны, 350 миллиардов долларов, то страта одной третой добра, богатства всего світа, то страта национального богатства одной наибольшей державы світа, Америки. Вшытко богатство Америки, землю, лісы, богатства в землі, земледіліе, промышленность, будовы и т. д., оцінювали в еден час менше больше на таку сумму. Так, што,

коли бы самой Америкі пришло заплатити кошта и страты той світовой войны, то на каждого американца, от колыскы до найстаршого, припало бы заплатити около 3 тысяч долларов. На каждую душу на світі припало бы около 20 дол., штобы покрыти тоту страту.

Розумієся, никто николи той страты не покрыл, ани покрыти не може. Человічество тяжко покутує, терпіло и терпит страшны недостатки и тягары за минувшу войну и буде ищы долго терпіти, нести тот тягар и біду, за тото страшне преступление против себе.

И ніт такой державы, такого народа, штобы дашто заробил на той страшной войні. Каждая из воюющих держав понесла огромны страты, котрых никто не може выровнати. "Побідителі" ищы больше стратили от "побіжденных." Всі стратили, кромі кучкы людей, капиталистов, котры подвоили, потроили и подесаытерили свои капиталы.

Што заставило народы воювати, убиватися и нищыти свое добро? Нич инше, лем малокультурность, ліпше повісти, фальшива культурность, фальшива культура. Нам здавалося до войны, што мы культурны люде, што Европа выпередила другы части світа в культурі, цивилизации, што она світит цілому світу, што цілый світ должен брати примір от Европы. Мы совсім не думали, до войны и в час войны, о своей культурі. Мы, культурны люде, приміром, были переконаны, што война мусит быти. Вірующы в Бога вірили, што война от Бога, што Бог от часу до часу ссылат войну на народы за их гріхы. Як же тоты люде вірующы понижали того Бога, коли представляли собі его, яко зачинщика страшной войны и мордерства, бога знищыня! Якы же люде были легковірны, коли из одной стороны вірили, што бог найліпше существо, найліпший их отец, наймилосерднійший, са-

ма любов, а з другої країни той бог запричинят страшну війну, жене людей, без вибору, на страшне мордерство и сам помагат єдним мордувати других! И так учыли нас, а мы той науці вірили.

Други, т. з. учены, невіруючы в бога, а природу, тоже нашли собі усправедливіня для войны. Они повідали, што война уж єст в натурі, што в той натурі вшытко веде войну: щуры с щурами, волкы з волками, малпы з малпами, а што человек тыж часть той природы, то он так само мусит вести войну: Раса з расом, народ з народом, человек с человеком. И як старый человек, як далеко сягают памятки жытя человека на землі, от человека пещерного, кудлатого, до культурного, выголеного, все войны были, а с того выходит, же все и будут...

Як тамты віруючы в бога не можут понятти такого культурного бога, котрыйбы не лем не наганял свои діти до взаимного мордерства, але заперечыл того взаимне мордерство — так и тоты другы, “учены,” не хотят припустити, штобы человек дошел до такой культуры, до такого розума, штобы так помудріл, штобы понял, што война несе му біду, несчєстє и смєрть!

Найперше, здаєся мі, што многы из нас, дороги чытателі, віруючы, откинули совсім такого бога, котрый запричинят войну и пхає людей до войны. Такого бога быти не може, штобы мог молитися до него цар Николай и кайзер Вильгельм, и тысячы царских и кайзеровских попов, о побіду русских або німцев, єдних над другыма, о вымордуваня якнайбольше єдних або других! Сегодня мы пришли на того, што таких богов можут ищы представляти африканским або даяким монгольским дикым племенам, а не нам, культурным людям, Не хочєся сегодня вірити тому, штобы цар або кайзер почитали сами такого бога, котрый гнал народы на страшне мордерство. А коли направду в такого бога вірили, то были ищы барз темны люде, замало культурны, штобы предводити двом найбольшым європейским народам. Правдоподобнійше, што они того свого бога мали лем для страху для своих подданных и для своей военной пропаганды. Мы знаме, што кайзер Вильгельм именовал свого бога “німецкым

богом” для ліпшой пропаганды ненависти німцев до других.

Што до другой теории невірующих ученых, што война, як даяка хороба, находится уж в крови, в натурі человека, так тота теория, віра, тоже нигде не суца, бо людска натура мінєтєся разом з ростом культурности, людскости, людского чувства. Культура не стоит на одном місті. Велика розлука в культурности африканского людодіа, а перєсїчного європейця! Уж тот європейец не буде істи мясo человека. Правда, гдєси в Германіи нашлось недавно пару смакошов людского мясa, яко забыток старой природы, но то дуже рідко трафлятєся. Правда и того, што наши білогвардейскы, фашистскы редакторы ищы часом вернут в темны вікы, пишут и смакують дитячы котлеты, но то рідкы люде. Словом, з вынятков тых пару наших запомоговых редакторов, мы, карпатороссы, давным давно освободилися от такой мерзкой привычки, хоробы, як людодіство, разом зо всім культурнійшым уж світoм.

А раз мы уж отдавна не іме людского мясa, то тепер черга освободитися нам от убийства человека. И само собом розумієся, што, з ростом нашей культуры, освободимєся и от того, а тым самым освободимєся от войны. Не загорами тот час, што так само, як тепер мерзко подумати нам з вами о людодістві, так само наши будущы поколіня будут мерзитися войном и всякым убийством.

Лем за самых тых минувших 20 літ, от 1914 до 1934, за час войны, Русской Революции и за повоенный и пореволюційный час, на наших очах, за нашего жытя, в людской натурі, в людской душі, в душі народных масс світа, зашла огромна переміна, культурна переміна, люде отдалилися от войны, от убийства; мимо того, што убийство существует, и война грозит, но того убийство и война стают што раз больше мерзкыма, а тоты, котры хотят того убийства и войны, падають штораз ниже в очах народных масс.

Тоты 20 минувших літ зробили великий переворот в душі народных масс світа. Не треба думати, што до войны не было великих, любящих бідный народ, учителей. Почавшы от Христа, таких учителей

было много, но управление народами, державами, світом, оставало в руках фальшивых, хитрых, лакомых на богатство людей, тоты люде мали власть и силу в руках, и людей, котры хотіли открыти народу очы, преслідували и убивали. Установляли собі права и законы такы, якы им выгодны были. Но все таки при помочы лем самых законов и самой милитарной силы не могли бы утримати массы бідного народа в послушенстві и покорности.

И ту зограло велику ролю духовенство. Давно праві каждая держава мала иншого бога, ліпше повісти богов, бо давнійше кохалися люде в множестві богов. Коли приміром дві державы вели войну, то и богы тых держав билися зо собом. Пануюча клясса увиділа, што при помочы богов дуже легко управляти бідным темным народом и тримати го в покорі и послушенстві. И потому всякым поганским жрецам тых богов, духовенству, правительства, пануючы, давали шыроky привилеи. Так в каждой державі утворилася сильна духовна клясса, котра смотріла за тым, штобы тота бідна масса народа повинувалася богатой, пануючой кляссі. Тота работа духовенства была надзвычай легка, бо из богов утворило страшну силу. Богы насылали бурю, метали громы, ссылали всякы хоробы, войны, чумы, холеры, за непослушенство пануючым. Жрецы так тых пануючых возвеличыли, што уж самых их поробили богами и казали массі вірити в божество пануючых. Римскы императоры почиталися як богы, народ вірил, што они богы.

Именно в тот час выступил Христос, в час найтяжшого рабства, темноты, угнетения бідных масс и цілых народов. Но як видиме, што римска пануюча клясса, римскы императоры были дуже хитры люде. Они знали, што они не в силі управляти другими народами без помочы их духовенства. Мы видиме, што римляне оставили привилегии еврейским книжникам, фарисеям и первосвященникам. Мы видиме, што тоты еврейскы первосвященники, фарисеи, книжники, поставилися против члена своего народа, против Христа. А чом? Не еврейкой религии они пред Христом боронили, але своих классовых привилегий, бо Христос учыл, што всі люде пред богом равны. То-

го они признати не хотіли, и соединилися з римлянами, з угнетателями своего еврейского народа, против бідных еврейских масс и Христа, яко предводителя и учителя тых народных масс. А тоты самы первосвященники, книжники и фарисеи, або шляхетска и духовна клясса еврейского народа, кричала пред своим народом, што они найбільшы патриоты, бо они стоят за законы Мойсея и пророков, а Христос валит тоты законы. Сама масса народа была темна и глупа, пошла за своим врагами, а не за Христом, помогла своим врагам убити своего учителя и своего найліпшого приятеля Христа.

Такым самым патриотизмом, як в тоты часы книжники и фарисеи, затемняют тепер наш народ наши книжники и фарисеи, наше духовенство и наши фальшивы патриоты. Так само мы их находиме в союзі з врагами народа, находиме их в союзі з богатом кляссом, с фашизмом, з Гитлером, со всіма клеветниками на тоты партии, котры хотят добра бідной массі народа, и на лидеров тых партий, а найбільше выступают, агитуют и клеветуют на Сов. Союз, яко робочу державу, державу именно той бідной кляссы. Они прут до войны против той державы. Они кинули бы сейчес миллионы того бідного народа на заріз, єдних на других, найбы мордувалися, найбы вымордували сами своих честных лидеров, штобы лем заховати, спасти свои классовы привилегии. Мы видиме, што наше духовенство так само, як стары фарисеи, спасат привилегии угнетателей, богачов и их самых. Для своей пропаганды употребляют того самого старого патриотизма, религиозных законов, котрых употребляли стары книжники и фарисеи, против Христа и его науки.

Но наши патриоты, хранители тых старых законов, забыли, што мы не жыеме уж в часах римских императоров-богов, а жыеме в XX віку, коли каждому робочому и селянину доступна просвіта, книжка, газета, котра учит его думати и розсуждати о добрі и злі. Што в світі стоит одна найбільша и найсильнійша держава, котра закасувала всякы классовы привилегии, держава робочых и селянских народных масс. И тота держава росне в силу, втоды як другы, классовы державы, тратят свои силы в классовой борбі, в депресии и кризисі. Одна их надія,

война. Надіються, што война цофне народны массы взад, як каждая война, што война застановит прогресс тых народных масс, застановит ей борбу за правдиву свободу и справедливость.

И, здаеся, што мимо того, што народны массы, в послідню страшну войну переконалися, што война не приносить им нич инше, лем смерть, знищыня, біду, хоробу, они бы забыли о том, если не старшы, то молоде поколіня, под впливом патриотичной пропаганды богатой кляссы и духовенства, як приміром забыли уж о страшной войні німці под впливом гитлеровской пропаганды, але в тых остатных 20 літах сталося штоси таке, таке велике историчне событя, котре стало непобідимым муром против войны. Тым огромным историчным событьем

Велика Русска Революция.

Америка, Англия, Франция и Италия записали в свою историю велику побіду над Германиом и Австриом. Меншы державы, як Польша, Чехословакия, Югославия, Румынія, записали "воскресеніе своих национальных, "самостийных" держав, або присоєдиненіе великих территорий, единоплеменных, або иноплеменных народов. И славятся по старому такыма великыма историчныма актами, яко актами великого патриотизма, фактом побідоносней войны, завоюваньом новых территорий и поневоленьом новых народов. Славятся старом славом Александров, Цезаров, Наполеонов.

Нам, пересічным карпатороссам, послі той світовой войны, здавалося, што ниякий народ не вышод так обезславленный из той світовой войны, як наш русский народ. Бо даже побіждены німці мали свого Гинденбурга, котрый мал силу згнести німецку революцию. Мы, русскы, кромі "проклятых" большевиков и их вождя Ленина, никого не мали, штобы спасал Россию и русский народ.

Но якже тоты историчны факты и их слава, в так коротком часі, перемінилися! Гордость, слава милитарных побідителей зышла нанич! А слава русского народа выросла до небывалой высоты в истории світа, в истории народов. Именно, через тоту революцию!

"Славны" побідителі, побідили Германию,

забрали ей колоніи и німецку территорию, але не лем же не побідили войну, а Версальским "миром" засадили глубший корень дальшых, страшнійшых воен. Выграна война, вмісто овочов побіды, принесла им страшный кризис, депрессию, котра выкинула на улицу десятки миллионов безработных. Управителі побідоносных держав хватаются за диктаторскы права, штобы при помочы силы згнести недовольство народных масс. Слава милитарных побід погасла совсім. Их мыслителі, великы писателі, плачут, што не видят ниякого выхода из той біды, што замерат европейска, высока цивилизация. Ниякого выхода ніт. А ту война висит в воздухі: Из одной стороны видят ясно, што така война несе цілковите знищыня, загладу, а из другой стороны не видят ниякого ратунку против той войны, бо они выучыли свои народы, што война мусит быти.

Русский народ побідил найстрашнійшого врага человечества, войну. Побідил войну через революцию. То така велика побіда, якої ищы не знае история. Мы, русскы, маме на што быти горды сегодня.

Нам по войні здавалося, што русский народ найбільше пониженный и упокореный в минувшой войні, што он первый уступил из фронта. Но сегодня нам ясно, што русский народ первый понял велику правду, што его врагы не тоты німецкы робочы и селяне в окопах, а его найбільшы врагы сидят в Петрограді, Москві, его врагы тоты кляссы, котры захватили добра його державы, а его женут на смерть, с иконами на німецкы пушкы. Што його врагы царска династия, поміщкы, капиталисты, духовенство, и што ниякой побіды на фронті он не найде, покаль не отнесе побіду над своима врагамы внутри, и вообще побіду над войном.

И русский народ, через розгром своих внутренних врагов, побіждае войну будовом новой державы и новой культуры, котра кріпне каждый рок и росне в большу силу от войны. Здаеся, што сегодня Сов. Союз уж мае большу силу, як война. Недавно Ллойд Джордж, один из штырох вершытелей судеб человечества в Версалі, заявил, што "еслибы не Сов. Союз, война уж бы была." Што то значыт? То значыт, што Русска Революция побідила войну. Сов.

Союз, найсильніша сьогодні в світі держава не лем не хоче війны, но стоить на дорозі той війны. Тоты, што хотят війны, мусят спішыти, бо если війну отвлечут на яких 10 літ, они не будут мати уж силы ани почати той війны. Сегодня они ищы маюць силу почати, но кончыти будут уж не они, а народы світа, и то покончат з ньом, с тым найбільшым несчасцьом людства, раз на все. Предводителем світових народных масс. их учителем нового жытя, буде Сов. Союз.

Такий переворот в світі зробила Велика Русска Революция в 1917 року. Овоч той революции доступный не лем русскому народу и другим народам Сов. Союза, но всему людству. Через русский народ и його революцию и социялистичну будову, людство побідит найстрашніших своих врагов: Войну и безроботя. Русский народ, своим новым, социялистичном системом своей державы уж побідил войну и безроботя.

Капитализм, социялизм, фашизм.

Люде жыют на землі богатствами, добрами той землі. Повідают, што на місячку люде жыти не можут, бо там лем една выпалена пустыня, зато жытя быти там не може. На землі того жытя ест, бо земля має средства для жытя, великы добра, богатства, на землі и в землі. Люде перерабляют тоты богатства земскы своим трудом, при помочы земледілія и индустрии в продукты, готовы для жытя. Коли ищы люде не знали земледілія и индустрии, жыли дико и жывилися лем дичыном, ци то мясом дикого звіра, ци дикым овочом. Было то жытя тяжке и получене на каждом кроку зо смерцьом от сильнішого дикого звіра, от дикой природы. И здаеся, человек пропал бы в той дикой природі, коли бы му тота природа не дала ліпший розум от других своих творов. Тот розум помог человеку стати хозяином над другими творами природы и ей богатствами землі. Но не у всіх людей тот розум единак розвивался, лем у едних скорше, а у других повольніше. Едны были больше способны, други меньше способны. Тоты больше способны ужывали своего ліпшого розума для себе, штобы собі ліпше и выгудніше жытя устроити от других. И устроювалися ліпше тоты мудрішы, хи-

трійшы, сильнішы, коштом слабших розумом, хитростьом и силом. Устроювалися выгудніше так, што просто захватили земскы добра, яко свою власность, установили такы права, такы законы, таку религию, котры, по просту признавали такой порядок, таку "справедливость" за святу, ненарушыму. Для охраны и обороны такой справедливости zorganizували правительство и милитарну силу для его обороны.

Такий порядок в світі уважался найсправедлившым и найсвятійшым, так пануючом кляссом, як и поневоленом. Коли нашолся даякий мудрый, а справедливый человек, котрый повіл, што такой порядок на світі, штобы мала часть людей контролювала всі земскы богатства, несправедливый и што всі люде должны мати единак право ужывати тых богатств, такого попросту убивали, яко найбільшого збродняра, безбожника, революционера, зрадника державы и народа. И народ так был выученый правительством и духовенством, што свято вірил в такой порядок и таку справедливость и, што инакша справедливость на світі не може быти, бо тота от бога.

Таку справедливость перебрал в наслідстві и капитал от феодализма. (феодализм, стара европейска система, оперта на шляхті, котру цари, королі наділили великыма обшарами землі и лісов. На той землі и в лісах сам пан, ани його родина не робила, а робили невольники-селяне. Шляхтич розпоряджал так землями, ей плодами, як и селянами и их трудом. Шляхта была занята войном, службом королю и охраном той панской, феодальной системы).

Капитал пришол з машыном. Давно, покаль человек не выдумал машыну, перераблял богатства землі на потребны річы руками, потом простыма, ручныма машынами. Но мысль человека не переставала робити, и человек придумовал шторах хитрійшы машыны, а скоро запряг в тоты машыны уголь, потом придумал мотор, запряг нафту, недавно електрику. Як в тых часах земледілія присвоили собі огромны землі-богатства шляхтичы, сильнішы мудрішы, а массу народа зробили рабами невольниками, так само с появлением машыны нашлися сейчас хитрійшы люде, котры присвоили собі тоты машыны, фабрики и земны

Ноябр 1935 November

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч	Космы и Дамияна
2 П	Акиндина мч.
3 С	Акепсима мч.
4 Н	22 по С. Д. Иоаникия В.
5 П	Галакта и Епистим. мч.
6 В	Павла св.
7 С	Иерона и др. мч.
8 Ч	Соб. св. Мих. Аристр.
9 П	Онисифора мч.
10 С	Ораста и др. ап.
11 Н	23 по С. Д. Мины, Викт.
12 П	Иоанна милостивого
13 В	† Иоанна Златоустого
14 С	† Филиппа апостола
15 Ч	Гурия и др. мч.
16 П	† Матѳея ап. и ев.
17 С	Григория еп. чудотв.
18 Н	24 по С. Д. Платона
19 П	Авдия пророка
20 В	Григория Д.
21 С	Введение в Храм ПБ.
22 Ч	Филимона ап., Келикии
23 П	Амфилоха и Григория
24 С	Екатерины вмч.
25 Н	25 по С. Д. Клементя
26 П	Алипия Створп. прп.
27 В	Якова свмч.
28 С	Стефана прпмч.
29 Ч	Пашамона и Филимона
30 П	† Андрея апостола

14	Иосафата еп.
15	Гертруды
16	МБ. Остробрам.
17	23 по С. Д. Сальом.
18	Романа м.
19	Елизаветы
20	Феликса
21	Введ. в Хр. ПБ.
22	Келикии д и м.
23	Климентя пап м.
24	по С. Д. Иоанна
25	Екатерины д. и м.
26	Леонарда
27	Валерияна
28	Здиславы
29	Сасурнина
30	Андрея ап.
1	Адв. Елигия еп.
2	Бибияны д.
3	Франца
4	Варвары
5	Саны еп.
6	Николая еп.
7	Амросия еп.
8	2 Адв. Неп. 3. ПДМ.
9	Леокадии д.
10	МБ. Льорет.
11	Дамасия м.
12	Александра м.
13	Лукии д.

богатства для тых фабрик, в котрых перерабляли тоты богатства на потребны чело-віку продукты. Массу народа, своими законами, выділили совсім из тых земных богатств. Масса бідного народа стала совсім от них зависима, бо в их руках нашлись богатства землі, т. є. средства для жытя людей на землі. Пришло до такого порядка на світі, што тоты, котры захватили тоты земны богатства в свои руки и средства переработки тых богатств на річы потребны людям для жытя, поставили собі свои правительства в державах, установили выгодны для себе законы в державах, "заинтабулювали" на себе тоты земны богатства, и таким способом, така богата группа людей в державі диктуе всім гражданам, цілою массі народа, бо тота масса совсім зависима от тых пару богатых людей, котры контролюют всі річы, потребны для жытя. И они лем втоды уділят тых річей, коли им отдаде свою роботу. И нич бы мы и против такого порядку не мали, найбы они тримали на себе заинтабулюваны тоты богатства, але жебы уділили людям, сколько им потребно для жытя, хоц и за их роботу, але коли они лем втоды нашу роботу, нашу силу потребуют, коли на нашой роботі можут заробити. Коли же не можут на нашой роботі заробити, работы нашой не потребуют, а плоды земскы скорше загниют, як уділят бідному народу, бо повідают, што то их власность и они можут с тума плодами земныма и плодами людского труда робити, што лем хотят. Таке право, закон, устройство, система світовой господарки.

И тота система господарки в индустриальных, промышленных державах трималася долго; а могла триматися зато, бо капиталисты, што не продали из выпродукованных товаров в своей державі, то продавали в другой меньше промышленной, на світовом маркеті. В той світовой торговлі капиталистов крылася и война. Минувшу світову войну запричынила конкуренция двох великих капиталистичных союзов, кооперативов. Из одной стороны англо-французский союз капиталистов, связанный уж с американским, из другой стороны капитал германский, котрый пред войном выкидал штораз то больше на світовы мар-

кеты своих товаров и почал выперати товары англо-американско-французскы. О тоты світовы рынки им рсходилося, а не о даяку свободу, демократию, освобождение поневоленных народов, и т. д., як проповідували народам, штобы их заставити мордуватися.

Никотра страна той войны не выграла, бо тота война была так страшна, завзята, зотяжна, што так обідніла світ, што народы стали жебраками и купувати товаров не были в силі, не лем заграничных, але своих, дома выробленных. И в том крыеся кризис капитализма, на котрый сегодня смотриме и от котрого страдаме.

При помочи машин, капитал може напродукувати товаров велику массу, но кто тоты товары може от него купити? Давнійше меньше продукувал и продавал за границу, сегодня може продукувати больше, а за границу продати не може. В своей державі капиталисты можут продати лем на тоты грошы, котры выплатят робочым, бо всі грошы они мают. Значыт, робочий може купити товару найбільше лем за тоты грошы, што их достане за работу от капиталиста, бо не може грошы подрабляти. Тот, што не робит, гроша не мае, купити не може. Значыт, же тоты робочы, котры у капиталистов, хоцбы и нич не одложили, лем каждого цента, якого заробят у капиталиста, отдавали назад за товар, то тот капиталист може найвеце достати назад тоты грошы, котры дал робочому за работу! А гдеж профит?

Ту уж не лем о профиті не мож говорити, але не може капиталисту вернутися за машины, фабрику и т. д. Перше капиталисты продавали за границу и тото было заробок, профит, сегодня барз мало за границу можут продати.

Думают, што ратуются, як выкидают робочых с фабрик, а на тых, што оставят в роботі, наложат веце работы и дадут им меншу платню, што их товары будут меньше стояти. Ба та чым меньше выдают гроша, тым штораз меньше продают товаров, бо як народ може купити, як не робит и не дадут му гроша? Як може больше купити и тот, котрый робит, як му плату уріжут? Скади народ возьме?

И при такой системі, с каждым днем,

бідніють народны массы, бідніе край, бідніють, банкрутують, грызутся сами капиталисты. И не може поправитися жытя народа при такой системі, нияк не може поправитися так долго, покаль народу не дадут возможность ужывати богатств, плодов земных, продукции фабрик, покаль не заведут такую систему, котра бы тоты богатства справедливо ділила, такую систему, такой закон, по котрому тоты богатства земны належали бы не единицам, а всему народу. Такой порядок, такой закон, што земны богатства, плоды землі, средства продукции, переробу тых богатств, фабрики, належат до всего народа, народ властителем того вышитого — такой порядок зовеса

Социализм.

Уж больше як от сто літ, коли ищы промышленность была слабо розвита, жыли учены люде, котры предсказували кризис, конец капитализма, и што на місце капиталистичного устройства приде устройство, порядок социалистичный, справедливый порядок для народных масс. В своих книжках они доказали, што такой порядок мусит прити, а штобы он скорше пришол, бідный народ, массы робочых, должны організуватися и боротися за тот справедливый порядок. Ищы раз собі повториме: За такой порядок, штобы всі земны богатства, значыт земля, минералы в землі, лісы, фабрики, належали до всіх людей в державі, яко єдной компанії, єдного кооператива, корпорации, а тотя корпорация, кооператив, называла бы ся социалистична держава. Каждый член, гражданин той державы, от маленькой дитины до старика, мал бы свой ровный з другыма гражданами шер того общого богатства, и при його роботі, до какой он способный, был бы забезпеченый средствами жытя до смерти. На сколько тотя держава богата в земледілие и промышленность, настолько богаты граждане плодами земледілия и промышленности. В богатых державах богаты и граждане, при невеликой роботі, забезпечены всі всіма выгодами жытя. В бідной державі должны робити тяжше и обходитися будь-чым, до часу, покаль не зробят своим трудом свою державу богатом. А зрештом, раз земны добра будут в руках народов, то меж ни-

ма конкуренции не буде, так што всі народы світа свяжутся даколи в союз и богатый народы будут ділитися своимы богатствами з бідными народами. То лем для капиталистов интерес нищыти добро, богатство, товар, штобы не стратил в ціні. Для народов такого интереса не буде, ліпше отдати тым народам, што того богатства не мают.

До войны тотя социалистична идея была дуже слаба, а социалистична, робоча партия, хоц была и численна, приміром в Германіи, но дуже слаба идейно. Социализм, то была слаба віра в ліпшу будучность бідного народа, але што тотя ліпша будучность мае прити якисым чудом, без борбы, без жертв. Лідеры социалистов с початком войны зрадили народны массы и сами, яко великы патриоты, пхнули бідну массу на войну. Наибольшыма патриотами показались німецкы социалисты, а тым самым рабами кайзера Вильгельма и німецкых капиталистов, в котрых интересі велася тотя война.

Лем русска социалистична партия розділилася на большинство и меншинство, и то то большинство, назване "большевиками," под лідерством Ленина, заявилося рішительно против войны, а за народну революцию, за социалистичну власть. И як видимо, хоц русска социалистична партия была малочысленна, ищы и розділилася, а она одна перетворила социалистичны теории, социалистичну віру — в діло, в факт, устройство, в социалистичный порядок, в социалистичну державу.

И нам не было ясно тотя велике діло тых людей в России больше як десят літ, покаль капиталистичный світ не охватила страшна экономична, господарска депресия, страшный кризис, безработя, из котрого капитализм не може найти ниякого выхода. Правительства капиталистичных держав тратят голову, якисы реформы придумуют, но лем на помацкы, на сліпо, без пляну на дальше. Не хотят допустити той мысли, што капитализму пришол конец, што ту треба иншого порядку, пляну глядати. О социалистичном порядке не хотят подумати, бо то значыло бы кляссове зровняня, зреченя привилегий и ліпшого жытя от другого, отданя того богатства, котре забрали народу.

Але чуємо о соціялістах и комуністах, яко двох партіях, котры хотят иншого порядку. Так соціялісты як комуністы — хотят того самого соціялістичного порядку. Обі тоты партіи соціялістичны. Обі стремлят до одной цілі, до соціялізма, значыт одобраня земскых богатств от капиталистов и отданя на власность народа. Но соціялісты повідають, што такий порядок дастся завести без революції, особливо там, где панує демократія, где народ має право голоса, то народ сам выбере собі соціялістичне правительство, котре переведе соціялістичный порядок. Комуністы в тото не вірят, они повідають, што пануюча богата клясса, в котрой руках находится капитал, а через капитал вся державна машина, школа, пресса, войско, полиция, оружіє, николи до того не допустит, штобы народ выбрал соціялістичне правительство. А хоцбы даколи и выбрал, то самы тоты соціялісты лідеры, міністры, дадут себе прекупити богачам. Дають доказательства, што такы соціялістичны лідеры уж были міністрами, хоцбы, приміром в Германіи, но ниякого соціялістичного порядку не заводили. Комуністы, напротив, голосят о собі, што они не вірят в свободны выборы, бо при выборах бідну массу избирателей все ошукуют, в капиталистичных школах виховають в капиталистичном духу, набють той молодежи в голову, што при демократии каждый може быти богачом, што каждый має можность и свободу. А тотя можность и свобода фальшива. По науці соціялістов-комуністов лем силом, через революцію, може бідный народ выдерти богатства з рук капиталистов, и лем через диктатуру пролетаріяту, бідного народа, може быти заведений соціялістичный порядок.

В том расходятся соціялісты с соціялістами-комуністами. Ціль их в теории то-та сама, до цілі идут другыма дорогами. Першы (II-гий интернационал) повольном дорогом, дорогом политики, тымчасовой згоды с капиталистами, уступок — комуністи (III интер.) идут радикально, борбом, революціом. Но близость перемены того порядку в світі тепер уж не в силі той або другой партіи, а:

1. В нездалости дальшой капиталистичной

господаркы для жытя челоівчества. На наших очах капитализм гние, роскладатся, люде уж при капитализмі не богатіють, а бідніють.

2. Рост силы и богатства одинокой в світі, але зато найбогатшой, соціялістичной державы, Сов. Союза. Рост Сов. Союза, его силы, богатства, ліпшого жытя для населения соц. державы, то страшный удар по старых порядках. А што найбільше расходится о тото жытя, зато мы видиме, што часть капиталистичной и поповска пресса, ставит найбільше на пропаганду голода в Сов. Союзі.

3. Рост освідомления народных масс. Народны массы освідомлят найліпше кризис капитализма, безроботя, жытый, наочный примір нездалости капиталистичной господаркы.

Фашизм.

В остатных роках штотраз частійше слышмые слово "фашизм," "фашисты". Слово тото походит от староримского слова "фасцисты." То были стражники в старом Римі, пред Христом, котры носили топоры, примочованных до вязкы кыйов. Тотя вязка грубых прутов, кыйов, мала означати, што тоты

Капраль Гитлер 20 літ тому назад.

римскы паны, собраты, тримаються разом. Тотя вязка кыйов служыла якбы за топориско той сокиры, здаєся, што середный кый был топориском той сокиры.

Такы вязкы зо сокирами, котры звались по латині "фасцес," несли на раменах стражники тых старых римских панов, са-трапов, коли не-

вольники выносили тых панов в "лектиках" (в крытых, мягких постелях) на улицу, на гостину от єдного пана до другого, на шпациер, и т. д. Бо треба нам знати, што римский пан, котрый владіл тысячами рабов, невольников, и тысячами рабинь, из каждого поневоленого народа. Лем римляне

были панамі, а в краях, котры завоювали, то панам того народа, священникам, хоц и другой віры, давали даякы привилегии, штобы им помогли тримати бідный народ в карбах, в неволі, в рабстві. И так и было.

Тоты "фаскы", вязкы из кыйов, то был символ, знак, што тоты панове тримаються разом против бідного народа, то был знак панской силы, власти.

Муссолині 20 літ тому.

Скоро послі войны италійский народ зробыл революцию, хотіл освободитися от гнету пануючой, шляхетской и богатой кляссы, но меж народом нашолся зрадник его интересов, котрый даколи стоял за бідный народ, выступал яко социалист, но коли виділ замішаня, близку побіду бідного народа, захотіл славы и власти и продался богатой кляссы и шляхті. А же был человек способный, добрый оратор, взял за собом часть народа, особливо горячой, малодумаючой молодежи, вооружыл тоту молодеж при помочы богатой кляссы, назвал свою тоту банду "фасцисты" и при помочы тых фасцистов здусил революцию бідного народа и захватил власть в Италиі. Тым человеком был Муссолині. Розумієся, што в старом Римі тых фасцистов, котры носили топоры и стерегли римских панов, паны мали за стражников их панского порядку, значыт их панской отчизны, по латині "патрия," зато тоты фасцисты были хранителями "патрии," або "патриотами". От того походит и слово патриот, то значыт тот человек, котрый хранит, стоит за отчизну, за край, державу, против даякого врага. Розумієся, што каждый гражданин хоче стояти за отчизну, за тот край, в котром он рожденный, за край, за землю своего народа. Штож, коли на том людском чувстві патриотизма робят богаче и шляхта великы интересы, робят тоту отчизну своим власностью, своим богатством, и

того патриотичного чувства народа уживають для охраны тых своих богатств и привилегий. Правительство в их руках, маюток державы в их руках, через то вшитко в их руках, школа, пресса, выхованя народа. И тотот правительство, через свои органы, выховуе народны массы в том фальшивом

Муссолині сегодня.

патриотизмі, в фальшивом национализмі, по просту спіит бідный народ тым патриотизмом, показуе народу всяких врагов на около, штобы отвернути ему увагу от той кривды, яку йому робят богаче в його власной отчизні. Передовсім наполняют свой народ ненавистью до вших других сусідных народов. Их газеты, книжки, выховуют народ так, штобы он думал о собі, што он лем мае мати право на світі, а другой народ то варваре. Так приміром учыли римлян стары римскы панове, што лем они, римляне люде, а вшиткы иншы народы варваре, дикуны. А идеалом Муссолиного тоты стары римскы панове. Он учыт, што талияне потомкы тых старых храбрых римских панов, котры завоювали праві цілыи втоты знаныи світ, и талияне мают тепер ити слідами и воювати цілыи світ. Але же ищы их кус за мало для такой работы, то Муссолині приказуе италиянским няням и мамам родити якнайвеще дітей, штобы их было веще як других.

Як видиме, отцом новомодного фашизма италиянский диктатор Муссолині. Он вынаходник того дикого национализма, для ратунку банкротуючого капитализма. Бо то и ест фашизм: Ратунок, остатный ратунок капитализма, як остатный ратунок для римских панов было божество римских императоров. Штобы засліпити темну массу, штобы она не виділа кривд, якы ей чынят римскы панове, то зробили для ней из римского императора "правдивого бога живо-

го," до котрого темный народ молился, хоц мер з голода.

Другым приміром фашизма, то гитлеризм, німецкий фашизм. Коли німецькы богаче, фабриканты, юнкеры поміщики, увиділи, што німецкий народ зачынат прозрівати, што зачынат познавати своих врагов внутренних, што зачынат розуміти, што його біда не походит от заграниці, але такою от його богатой кляссы, по приміру

Гитлер сегодня.

италианской богатой кляссы нашли в бідной массі способного крикача-оратора, Адольфа Гитлера, агитатора и пропагандиста и дали му средства, грошы, штобы он организувал такую партию фашистов для отвернення увагы бідного народа от правдивой причины його біды, а звернул тоту увагу в другу сторону. И не завелися в Гитлері, тым больше, што в Германіи был дуже добрый грунт для такой дикой, ненавистной, национальной пропаганды, бо Германія вышла побіжденной из світовой войны. Тот німецкий фашизм показался далеко дикшиим от италианского, а то зато, што в Германіи были сильнійшы робочы организации и всі тоты организации робочы треба было фашистам згнести. Як Муссолині учит свой народ, што он потомок гордых римских панов и зато италианам належытся цілый світ, так Гитлер учит німцев, што они найвысша, найдоскональша раса, народ, на світі и им належытся пануваня над світом. Запанувати над світом треба через войну и вынищыня вшыткых, кто лем стане німцям на дорозі до того запануваня. Найперше, розумієся, треба поневолити и вынищыти славян, яко найблисших сусідов. А што найвекша славянска держава Россия, треба знищыти Россию. Як Муссолині, так и Гитлер учат свои народы едного: Што мают запанувати над світом. Видиме с того, што они мали бы быти найбільшы друзья, бо оба хотят

того самого. Тымчасом они сходятся лем в одном: Во вражді против робочой державы, Сов. Союза. А коли расходится о маленьку Австрию, то Муссолині и Гитлер поставилися против себе, як найбільшы врагы.

Розумієся, што ни Муссолині, ни Гитлер, не вірят в тоту высшость своих народов, не вірят в завоюваняе своими народами світа, им треба такой науки лем для опяненя бідной массы, для осліпленя высшостью над другыма, будуцыми завоюванями, штобы, як сказано высше, отвернути ей увагу от несправедливостей в самой державі, в самом италианском и німецком народі.

Головна засада фашизма вернути, цофнути народ взад, в темны вікы. Мы видиме,

Сталин 20 літ тому, в Сибірі.

што німецькы фашисты палят всяку прогрессивну литературу, нищат всяку науку, котра в-спомиват дашто о братстві народов, о ровности людей и о ровности граждан в своей німецкой державі. Німецкым фашистам и християнска наука за прогресси-вна, бо учит о ровности людей потому они откидуют совсім християнство, яко не німецку науку, национальну науку, а жыдовску. Натоміст проповідуют поворот до старых, поганских німецких божков и богинь. Повідают учителя фашизма німцам, што християнство учит любви ближнього, а даже любви врага, а стары боги германскы учат ненависти и храбрости, зато стары боги ліпшы. И мают правду, што для німецких капиталистов и для их охранников фашистов стары боги, боги крови, убийства, ненависти, правильны боги. Бо они християнства и так николи не уважали. Тото християнство ужывали тоже лем для ошуканства и выкорыстаня народа. При християнстві мусят быти ищы больше фальшивы, при поганстві они больше открыты.

В Италиі и Германіи, як видиме, тот фашизм открытый и має диктаторску власть

в руках. В других капиталистичных державах меньше открытый, но робит таку саму роботу, значыт охранят богату кляссу, а дусит бідну кляссу народа. До таких дургрядных фашисткых держав належыт Польша, Румынія, Югославія, Австрія (религийный, католицкий фашизм). Болгарія. То в Европі. В Азії Японія, часть Китая (правительство Чиянг Кайшека) и т. д.

И так званы демократичны державы, як Франция, Англія, Чехословакія, тоже фашизмом заражены, но уж в меншой мірі. И Америка пробуе ратувати капитализм фашизмом, бо и в Америкі находятя лідеры, котры проповідуют старый патриотизм, стару систему, яко одинокий ратунок Америки.

Против всего того старого світа, старого патриотизма, старой системы, стоит сильна робоча держава, з новым конституциом, з новым, социялистичном системом, з новым патриотизмом, привязаным не до богатой кляссы, не для охороны интересов богатой кляссы и шляхты, а для охороны, для стражы интересов бідной кляссы, бо власть в той державі, через революцію, захватила бідна клясса народа. Том одиноком державом, то:

Советский Союз.

Уж 17-й рок Сов. Союз в войні с цілым капиталистичным світом. Спочатку тотая война была кровава, но по пару літах интервенции и гражданской войны, тотая война с капиталистичным світом перешла в войну економичну (господарску) и войну душевну. Значыт, в той войні розходится о того: Кто ліпше потрафит газдувати, ци социялисты, ци капиталисты. Кто из двухзавзятых противников переконат массы народа, што его система ліпша, убідит, переконат, словом и ділом.

Нич в той войні о веце не розходится. Кто из тых двух противников докаже народным массам світа, што його державна господарка ліпша для народных масс, што при його системі господарки народ богатіе, штораза ліпше жыє и ліпше обеспечене жытя человека в державі, тот выграт.

Из світовой войны памятаме, што военный штаб союзников доносил того а того дня, о своей побіді, а німецкий штаб доносил о том, яко о своей побіді. Кто был душевно за німцами, то вірил німецкому "бе-

рихту", а кто был душевно за союзниками, то вірил донесеню союзников. Человек, котрый не мірял тоты "берихты" душом, чувством, лем розумом, взял оба берихты, поровнал, и из тых обох "берихтов" вытянул правду. Правда звычайно была така, што никто не выграт так як доносит, але

еден з них все-таки набил дургрого ліпше.

Так и ту, из той войны, яка иде меж тыма двома системами, можеме вытягнути розумом правду таку, што капиталисты набиты ліпше. Бо коли статистика капиталистичных держав показує постоянный упадок продук-

Сталин и Ворошилов сегодня.

ции капиталистичной господарки, то статистика Сов. Союза показує постоянный рост продукции социялистичной господарки. За первых 6 місяців 1934 року, продукция сов. промышленности взросла о 19.7 процент, коли продукция капит. держав не лем не взросла, але шалено упала. Што то значыт? То значыт, што в Сов. Союзі жытя поправляться, богатіе, а в капит. державах погоршатся, бідніе. В Сов. Союзі каждый робит, кто лем хоче, значыт, каждый причыняется своим роботом до державного богатства, в капиталистичных державах десятки миллионов люда не робит, значыт сила тых десятков миллионов пропадат марно. А хоц и голодуют тоты миллионы, то и так лем штоси мусят зісти, значыт ідыт з готового, на страту дургрых, на страту газдовства державы, цілого общества. Коли в Америкі около 30 миллионов душ на рилифі, то хоц их и слабо кормят, што ледво в них душу тримают, хоцбы лем по 10 центов денно, то три миллионы денно, то зробит выше одного миллиарда, значыт тысяч миллионов рочно. Через сам рилиф Америка бідніе на миллиард долларов рочно, на миллиард дол. бідніют через тот рилиф тоты, што

платят податок, што ищы дашто мают. А до того треба додати страту той роботы, котру бы тоты люде зробили для народа, для державы, коли бы робили. Капиталистична система господаркы выкинула их з роботы, а через то позбавила державу их силы, продукци, наложила на тых што робят и дашто мают великий тягар хованя тых безробітних. Могли бы зме назвати тых безробітних людей трутнями, коли бы они по своей вині не робили, а доволно іли и ужывали світа. Но они не робят по вині системы, бо хотят робити, а отжывляються так, што ледво жыют. Они великы мученикы нездалой господарчой системы.

Но не лем тоты безробітны мученикы, а и тоты робочы, котры робят. Тота система така уж абсурдна, што чым больше народа совсім не робит, то тым больше жене до роботы и кладе тяжший тягар на тых, што ищы робят. И тот робочий, што робит, нияк не обеспеченый, ци завтра буде робити, його работа все на волоску висит, а через то и його жытя висит на волоску. Тота непевность роботы, непевность жытя, мучыт каждого з нас в капиталистичной державі, на сміх, она мучыт и каждого капиталиста! И капиталист, богач, непевный при той спекулянтной господаркі, ци он за рок буде ищы богатый.

Тепер каждому из нас насуняся вопрос: Та чомже народ терпит тоту капиталистичну систему, уж тепер, при той людской цивилизации, при том прогрессі, совсім абсурдну и мучительну?

Причына тому — **людска капиталистична душа.**

Повыше вспомнено, што кромі господарской войны, сов. правительство веде войну душевну, то значыт борбу с том капиталистичном душою людства. А тоту капиталистична душа пересякнена капиталистичныма привычками, от котрых дуже трудно ей освободитися. Человік капиталистичной культуры, капиталистичной школы, не може нияк порозуміти, як можна рахуватися с тым, што и другы люде жыют на світі. Человіку капиталистична школа, культура, дала самолюбиву, егоистичну душу, котра спекулюе над тым, жебы лем ей добри было, жебы лем она жыла выгодно, ліпше от другой. Така душа, по ученому, зовяся

“индивидуализм”, дбаня о самого себе, без взгляду на другого. И хоц в єдной родині дбат найперше каждый сам о себе, каждый єден другого старатся подысти, ліпше убраться, дуже часто приходит в єдной родині до маетковых споров, судов, а даже убийств, однако ест и родинный “индивидуализм”, што єдна родина з другом беся о ліпшы кускы землі, о межу, о лісок. Ест и народный “индивидуализм”, што цілый народ выдерат другому народу, слабшому от себе, землю, богатство, нищыт тот слабший от себе народ. Тот народный индивидуализм называтся “национализм”, а острый, дикий национализм, як приміром німецкий, италийский, польский, называтся “фашизм”.

Уж Христос боролся с том самолюбивом душою, с еврейским индивидуализмом и еврейским национализмом, з науком книжников и фарисеев, што лем еврейский народ избранный, а всі другы народы, то гои. Уж Христос воспитувал у своих учениках социалистичну душу, душу любви ближнього, душу общественну, социалистичну. Розумієся, што не лем еврейскы старшыны, але и тогдашня римска власть, власть римских аристократов и кесаров была против той науки, против такой души. Сегодня лем имя нам остало послі Христовой науки, сама наука, коли вышла из пещер, из подземелья на світ, была здоптана, лем имя оставлене для затемнения бідного народа.

Но сегодня, при днешной цивилизации, при грамотности бідного народа, при телеграфі, радию, науку лекше роспространити среди бідного народа, лекше го вылічыти от старых привычек и от таких хороб души, котры му коротят жытя.

Коли было вспомнено о той душевной борбі, яку веде сов. правительство, то тоту борба ведяся с том егоистичном, самолюбном, капиталистичном душою. Побіда социалистичной системы в Сов. Союзі зависіла больше от побіды сов. правительства в той душевной борбі, як от той великой будовы фабрик и заводов.

Если бы Сов. Союзу не удалось очисти народну душу от той науки и привычек капитализма, ціла тоту работа, социалистична будова вышла бы на нич. На тото и надіялися остаткы русской богатой классы и заграничны капиталисты, што капита-

листяну душу русского мужика преробити не можна, што каждый хоче мати свой кусок землі, свое смітя, што русский мужик николи соціялистом не буде. Аж в остатних двох роках, с побідом колхозов, побідила в Сов. Союзі соціялистична душа над душою капиталистичном, а тым самым русский мужик стал найкультурнійшым чоловіком світа. Бо треба знати, што соціялистична культура высша от капиталистичной. Тото мусит признати и каждый думающий, интеллигентный человек. Росходилося до тепер лем о тото, ци люде уж доросли до соціялистичного жытя. В том лем люде несогласны. Єдны утврджают, што люде ищы не доросли до такой культуры, штобы могли справедливо пользоваться богатствами світа, што ищы долго будут жыти по дикоуму, кто больше выдре другим, слабшым, того земного богатства, тот має право жыти ліпше, кто меньше шпекулянтный, меньше пажерный, мусит бідувати, значыт люде честны, pracowиты, мусят на світі бідувати, а шпекулянты неробы жыют собі выгодно, коштом того честного, pracowитого. Для ліпшой шпекуляції того бідного, честного леловіка треба дачым ліпше отуманити. Для того туманеня ужывают чувств того бідного человека, як религийного и национального, штобы им лекше было туманити.

Коли говорят о “демократичной” свободе, то тота “свобода” тоже не для бідного народа, а для шпекулянтов. Они мають тоту свободу, а не честный, бідный народ. Бо што то за свобода, коли вы не можете, як не мате грошы, жыти на світі? Вы хочете заробити тоты грошы, честно заробити, а они повідят, же для вас работы нит. Лем одна свобода вам остае, умерти з голоду. Правда, можете ищы выпросити, выжебрати, жебы затриматися при жыті. Але ци то не понижат достоинство человека, не понижат його честь? Та хочбы и тота помоч, котру дают, не понижат она человека? Ци то культурно?

Выходит, што тота культура, в котрой мы жыеме в капиталистичных державах, культура нисша, а культура соціялистична, где каждого человека уважают за человека и признают каждому равне право до общого земного, природного и перепродукованного для ужытку богатства, кто лем причи-

нятся своим трудом до того богатства. То культура высша и справедливша. И тота культура родится в Сов. Союзі для цілого світа. Родится при великих жертвах народов Сов. Союза. Но тота нова высша, соціялистична культура стоит тых жертв.

Высшость рас...

Много кричат німецкы фашисты, гитлеровці, о высшости германской расы. Но уж сам тот факт, што німці тоту свою высшость розуміют так, што, яко высшы, сильнійшы, мають пановати и угнетати другы, слабшы расы, мають слабшых выкорыстувати — тото уж доказуе их нисшу душевну культуру. Німці смотрят на славян, яко на меньше культурных людей. Но якраз русска революция, Сов. Союз и побіда соціялистичной системы над капиталистичном у славян, бо у русского народа, доказуе, што славяне найкультурнійше племя, русский народ найинтеллигентнійший народ и найхрабрійший народ. Бо ищы стары философы говорили, што тот найхрабрійший, котрый сам себе переможе. Русский народ перемог сам себе, свою некультурность, а стал сегодня найкультурнійшым народом світа, бо русский человек позбылся егоистичного национализма, и своей старой, пажерной натуры, присущой ищы другим народам. Русский народ, організованный в найсильнійшу державу світа, выступил первый в обороні угнетеного человечества, в обороні бідных кривдженых масс світа. И мы бы мали причину быти горды, што мы “найвысша раса”, а не гитлеровці, котры выганяют з души німцев вшытко тото, што припоминает о братстві людей, о любви меж людьми, а німецкий народ показуея податный той гитлеровской науці и дае вестися, з завязаныма очами взад, в темны, середньовічны часы.

Дватцет минувшых літ зробили великий переворот в жыті людском, соткам миллионов людей переменяли душу, из фальшивой, пажерной, кровожадной души — на душу признающу право своему ближньому на справедливое жытя.

И мы, лемкы, пред 20 літами думали иначе, тепер уж многи из нас думают совсім иначе. Думают иначе тоты, котры уж побідили в собі тоту пажерну, капитали-

тичну душу, думають чесно честны робочы. И тоты честны люде, передовсім робочы массы, організуются для борбы за тоту нову, справедливу, соціалістичну культуру, котра веде до ліпшой соціальной справедливости, до братства народів, значыт правдивой національной свободы, а што найголовнійше, раз на все кончыт зо страшным несчастьем челоуічества, з войном.

И робочы світа маюць уж едну сильну, організовану, робочу державу світа, Сов. Союз, котра стоить цілом своим силом за

тоту нову культуру. Зато каждый культурный челоуік, каждый честный рабочий должен быти другом Сов. Союза и все быти готовый выступити в обороні Сов. Союза, перед нападом на него зо стороны империалистов, капиталистов, перед нападом старой культуры на нову, людску культуру. Рост и побіда Сов. Союза, то побіда той новой культуры. Побіда фашизма, то побіда людской темноты, національного гнета и середньовічного рабства.

Ваньо Гунянка.

ВПЕРЕД

Уж и мы, лемкы, вперед идеме
И вредителей уж познаеме!
Идеме вперед простом дорогом,
Стаеме в борбу з нашим ворогом!

Уж видят тоты наши ворогы,
Што уж стаеме на свои ногы!
Видят, же правду, світло, науку
Знищыти не мож на жадну штуку!

Тото доказал наш Зъезд Лемковский,
Тот славный праздник, праздник Юнкерский,
Где делегаты и делегаткы
Рішали справы честно и гладко...

И зас в неділю народа много —
Прибыло в Юнкерс з дальшой дороги:
Пришла Ансонія, Стамфорд, с Пасайка —
Бо Лемко-Союз то уж не байка!

Наш Лемко-Союз сила народа,
Робочой віры, бідного рода!
Голос Союза, то голос массы
Русских из Карпат робочой кляссы!

Лем вперед дальше, Сестры и Братя!
Треба си руки всім нам подати,
Престати сваркы едны з другыма —
Бо тепер наш час, наша гостина!

Юстина Жыдяк

делегатка 3-го Зъезда Л. С.

ИСТИНА

Што то є з вами сестры Лемкыні?
Вшыткы, як една, ту на чужыні,
Чом не станете в ряды едноты
Додати една другой охоты?

Та уж и ганьба столько писати,
Же мы хочеме тыж дашто мати...
А не будеме до того часу
Покаль не сполним свою задачу...

Яка задача, то Вам напишу:
Выбудовати сой власну хыжу,
Але не з глины або желіза
Лем треба всім нам в члены Союза!

А што ся пише и бесідує,
Сколько отділов женских истнує,
На пальцах руки мож зрахувати,
Бо мы не знаме за свое дбати!

Выбийте собі тоты з головы,
Же хлібусь буде с самой полови!
Хліб може быти лем с чыстой муки,
Для жытя треба школы, науки!

А наш учитель, што звеся "Лемко,"
Вымагат от нас дуже маленко:
За два доляры на рок заплаты
Можеме вельо наук черпати —

Може нам в жытю дуже помочы,
Бо он народу отверат очы...

Най дакто повіст, ци не истина,
Што вам ту пише сестра Кристина?...

Кристина Пырч

чл. Л. С., ч. 4, Юнкерс.

Мисли о Лемко-Союзі

ДИН из наших членов писал раз в газеті "Лемко," што Лемко-Союз, то путеводна звізда в густой темноті, в котрой блукат наш карпаторусский народ. И правду мае тот член, правильно, трафно назвал нашу организацию; Лемко-Союз то перва наша зорничка среди темной ночи. Лемко-Союз дае нам нову надію и віру, што мы выйдеме из той темноты на світ. Лемко-Союз, то перва наша, правдиво наша, народна школа жытя. И потому он для нас, всіх сознательных карпатороссов, так дорогой. Для многих из его членов Лемко-Союз так дорогой, што им уж здаеся, што без него не было бы ниякого жытя на світі.

Не знам ниякой другой организации, даже у других народов, штобы в таких тяжких условиях родилася и розвивалася, як наш Лемко-Союз. Дост вспомнути, што и наших пару уж сознательных людей, а даже идейных интеллигентных, не вірило, што из нашей организации выйде дашто, што она може утриматися без даякой помочы, што она може розвитися среди такой темноты и неволі нашего народа. Врагы світла, а приятелі народной темноты, бо в темноті им добри жыеся, як вообще всякой нечистой твари, попросту сміялися над початками нашей работы. А як сегодня уж видиме, всі они помылилися, и тоты сознательны, идейны, пришли давно до нас, а врагов світла, паразитов, трутньов, Лемко-Союз, своим науком, освічат и показуе народу. Ба, они сами летят до того світла и пропадают от него, як цьмы ночны. И мы видиме их в цілої их наготі, во всіх их гріхах головных. Мы тепер аж видиме, што не так чужы ворогы, як свои власны, тоты, што нас языком спасали, виноваты нашей нужді и темноті. Мы переконалися, што жебы освободитися от чужых врагов, угнетателей, найперше мусиме освободитися от своих, от тех, котры держат нас в тяжких ланцах темноты и мракобісія. От них може освободити нас лем правдива просвіта, правдива наука. А тоту правдиву науку, правдиву просвіту не можеме достати з ниякой

иншой страны, от никого иншого, лем от своей организации, лем от Лемко-Союза. Лем Лемко-Союз знае, як подходить до нас с том просвітом, жебы, послі долголітней неволі и темноты, мы помаленки призывчаилися до світла.

Пред нами статут Лемко-Союза. Возме з него пару параграфов, пречытайме и подумайме над нима, розберме. Поможеме собі вытолкувати тоты параграфы. Преконаймеся, што статут, устав, законы нашей организации, Лемко-Союза, боронят нас, што кто против того устава, против тых параграфов, он против организации и против нашего народа, што он наш враг, некультурный вызыскувач, приятель темноты, гріха, враг бідного народа.

Возме собі тот параграф о цілях и задачах Лемко-Союза:

Ціли организации.

"§ 6. Лемко-Союз ставит собі за ціль обединение всіх больше сознательных и прогресивных выхдоцев из Лемковины и их потомков в Соед. Штатах и Канаді: 1) для дружной работы над просвіщеніем, политичным воспитанием и загальным культурным поднятием трудовых лемковских масс в Соед. Штатах и Канаді, штобы таким способом освободити их от жестокого вызыску всякими паразитами и спекулянтами на народной темноті и неорганизованности, и сділати их сознательными борцами за лучшы условия жызни для трудящихся масс Нового Світа.

2) для несения материяльной и моральной помочы лемкам в Старом Краю, штобы они также могли пробудитися к сознательной народной жызни, обединити свои силы и боротися против национального и социального гнета, под яким ныні находится Лемковина, и штобы так могли статися вполні равноправными членами родины свободных славянских народов Европы.

§ 7. Каждый член Лемко-Союза должен уяснити собі, што вслідствие особенно неблагоприятных условий свого историч-

ного розвитку лемки остаються найбільше занедбанymi культурно и найбільше угнетеными среди всіх племен русского народа, и што дорога к их національному и соціальному равноправію веде через розвитие свойой культурно-національной жызни и свого народного языка и через освобождение шыроких народных масс от темноты, всяких забобов и других послідствій их тяжелого прошлого.”

Ци може культурный, сознательный человек выступити против таких благородных, народных задач організації? Повтараєм ищы раз, што не може, а особливо член нашего народа, котрый знає тото положыня нашего народа.

А однако, коли посмотриме коло себе, то увидиме, што тота наша народна організіация, котра выполнят честно тоты свои задачи, має тьму врагов. Сміло можемо повісти, што николи ищы не было у нас, карпатороссов, такой організації, котра бы мала столько врагов, як наш Лемко-Союз.

Што тому причина? Причина ясна: Лемко-Союз веде просвітительну роботу среди нашего народа розумно и честно, ясно высвітлят правду, ясно представляют тяжке положыня карпаторусского народа и причины того тяжкого положыня.

А мы видиме, што мимо того, што положыня наше тяжке, находятся среди нас люде, што им барз добри поводится среди того народа. Што мимо того, што наш народ найбіднійший, а среди нас находятся и чужы люде, котры не могли найти легкого, даремного хліба у свого народа, а у нас го нашли, мимо того, што у нас того хліба так маленько, найменше от всіх других. Мы видиме, што наш народ все бідніє, а они богатіют среди нас. И то так ту в Америці, при наших організіациях, як и в старом краю на наших бідных селах.

Причина — наша темнота, несознательность.

Тоты люде, котры выкорыстуют наш народ, обідняют го, а себе обогащают его добром, не могут стерпіти того, што Лемко-Союз учит тот народ. Такой організації, котра учит народ, они николи не признают, они за організіацию, але за таку, штобы тримала народ в темноті, ищы ліпше затем-

няла. На человека, котрый запротестует против их работы, шмарятя дораз всі, обезоружат го, усунут из такой их організації, если бы он хотіл указати на их подлу работу, на их ошуканство, затемняня, выкорыстуваня, одераня бідного народа.

Но коли з едным человеком было им легко тото зробити, з організіациом им уж дуже трудно. Им николи ищы таке не притрафилося, штобы мали до работы с честном, культурном народном організіациом. Они знали и знут, як боротися с честным человеком, як го треба заплувати, але при честной організації потратили головы.

До сего часу они чулися так беспечны, што совсім не старались тым, што даколи народ провидит, пробудится. Они, каждый из них, старался лем тым, як еден веце скорыстати от другого, як еден от другого ліпший уряд засісти при “запомоговой” організації, як еден от другого ліпшу парافیю достати, и дуже часто дуслися сами за ліпшу половинку народного добра. Доходило меж нима до завзятости, до ненависти, до биткы за тоту ліпшу половинку. Предсідателі с предсідателями, кассиры с кассирами, редакторы з редакторми, протоереи с протоереями, епископы с епископами. Гнес они, благодаря Лемко-Союзу, стают приятелями, годятя меж собом, ділятя, як найсправедливше могут чужым добром. Припоминам собі едну конвенцію нашей запомоговой організації, як на той конвенции дуслися двох кассиров, як еден протоерей подперал свого кассира, як другий кассир смарувал того протоерея, як на него розносил каррикатуры, сегодня тоты кассиры и тот протерей найліпшы приятелі, найтісніше связаны, штобы спасати свои половинкы. Знаме протоереев, што добри з ножами на себе не ишли, а сегодня соединены в одно тіло. Знаме епископов, што роками вели войну едны против других, сегодня сут разом. Православны и греко-католицкы батюшкы, превелебны и другы “патриоты,” от початку нашей эмиграции в Америку вели завзятую войну меж собом. Сегодня видиме, што они обнимаются.

Весь тот переворот среди них, тоту згоду у них, тото единство, запричинил Лемко-Союз. Лемко-Союз бореся протів темноты, бо темнота причина біды нашего народа.

Они соединяются для обороны темноты, бо лем при темноті народа они могут остати на своих позициях. Они тот порозуміли.

В Лемко-Союзі соединяются всі честны, сознательнійшы единиці нашого карпаторурского народа. Их не великы тысячи, не массы. Массы народа, темны, несознательны, остаются ищы при них. Наша задача просвіщати тоту темну ищы массу. Сама масса народа, хоц и темна, але честна, и они то дуже добри розуміют, што тот, котрый порозуміе правду, раз на все перестане быти их жертвом, што раз на все перестане вірити в грушкы на вербі, што за такы грушкы, за такы пусты обіцянкы, зламанога centa не даст.

што тот нечыстота, яку они закоренили в нашом народі, занечыстит нашу организацию, и она почне загнивати. Коли видят даякий боляк, барз радуются. Лем же честны члены Лемко-Союза дораз познают боляк и чыстят.

Три группы членов в Лемко-Союзі.

Як в цілом нашом народі ест три группы людей, так и в нашей организации, в Лемко-Союзі, находиме тоты три группы членов, а именно: — Перва группа: **Идейны, честны и сознательны члены.**

Друга группа: **Честны члены, але ищы несознательны.**

ДЕЛЕГАТЫ III-го СЪЗДА ЛЕМКО-СОЮЗА В ЮНКЕРС, Н. I.

Даколи тоты люде, што тепер передовы члены Л. Союза, были найліпшы их люде, бо то люде честны, принимают до сердца вшытко, што уважают за правду. Тых людей они ужывали яко свого орудия для выкорыстаня массы. Сегодня тоты люде для них уж пропали, бо познали их и их роботу. Тот зробил уж Лемко-Союз.

Они стратили найліпшых людей, Лемко-Союз зыскал найліпшых. В них сила Лемко-Союза. Сила Лемко-Союза в честных людях, в честной и чыстой роботі.

Они и тоты знают и мают ищы надію,

Третья группа: **Здеморализованы, нечестны, пажерны члены, або шкодники.**

Тоты идейны, честны и сознательны члены, перва группа, то фундамент нашей организации. На них стоит вся будова Лемко-Союза. Они не лем держат Лемко-Союз материально, вспомагают, платят з охотом членске, при всякой случайности жертвуют, але они и учат несознательных, и то не лем членов организации, але и других членов нашего народа, котры ищы в организации не стоят. Такы члены не нарикают николи на тяжку роботу яку робят, бо их тішыт

тота робота, для них она легка. Коли такому члену удастся объяснить несознательному товаришу задачу організації, коли удастся му привести в організацію свого товариша, члена нашого народа, он має велику радість и довольство из того. Його радує каждая нова сила в його відділі, каждый новий член. Його тішить каждый успіх його відділа, każde підприємтя, каждый заробок, його тішить рост всей організації, тішить го каждый н-р газети, каждый новий читатель той газети, każde слово в ней, каждая книжечка випущена організаціом. Вы зауважыте, што на відділовых митингах тоты члены все стоят за свою організацію, за выполнения обовязков взлядом центральної організації, бо они дуже добри розуміют, што без выполнения обовязков відділов взлядом всей організації, взлядом ей централі, організація не може сполняти своей просвітительной работы взлядом цілого народа, ани других своих задач, наложених на ню статутом організації. Они знають, што ниякий відділ не може существовати без центральної організації, без газети, літературы, лекцій, організаційной работы центра.

И што мы уж ясно сегодня видиме? Што тоты відділы, где больше тых идейных, сознательных членов, хоц они в членство малочисленны, стоят напереді в нашой організації, а відділы, где тых членов меньше, хоц и численны в членство, а не идут на переді. И материяльне положыня не грат великой ролі. Мы посмотме лем на два канадійскы відділы, на Торонто и Монреал: Тоты члены тых відділов найбіднійшы люде в нашой організації, мало кто из них робит, много из них на реліфі, но каждый, хоц лем часом дашто заробит, несе найперше заплатити свое членске, выполнити свой обовязок до своей організації. Бо то його душевне жытя, душевний корм. Возме Стамфорд. Там наших людей дуже мало, відділ малочисленный, но всі члены того відділа сознательны. И видиме, што они большу роботу робят, як много других відділов по знаных, численных наших карпаторусских колониях.

Такого сознательного члена не треба просити до работы, як не треба просити сознательного нашого лемка до організації. Он

знає, што то його обовязок, зрештом, он з охотом иде, бо його тішить така організація и робота для ней.

Друга группа членов, то лем ищы материял, котрый треба обробити, научити. Тоты честны, а несознательны ищы члены, идут в організацію, бо видят, што ліпшы люде идут, чуют сердцем, што то их організація, для их народа. Але они ищы не розуміют ей задач, не розуміют ей работы и не розуміют, на што она, така організація потрібна. То часть того нашого честного народа, котрый выкорыстуют, ошукують со всіх сторон, кто лем не хоче, але найбільше выкорыстуют и ошукують его такой його "патриоты," то фальшывым патриотизмом, то фальшывом віром, при помочы котрой тягнут из него остатний цент. Задача нашой організації, головна задача учыти тых людей, не лем членов організації, але цілу массу. Из одной стороны організація через газету, літературу, лекции, из другой страны члены той первой группы, на митингах відділов, на підприємтях, в приватных розговорах, учат тоту другу группу, и из той группы выходит штотраз то больше сознательных членов, а тоты зас учат других, и так організація росне, кріпне, а тым самым наберат силы, просвіты весь наш народ, темнота помаленкы переломуеся, а на місто приходит спочатку ищы бліде світло, як предодньом, но оно штотраз яснійше, аж приде тот час, коли и нашому народу проясніе, послі темной ночи наступит ясный день.

Третья группа членов, як уж зме вспомнули, то тоты здеморализованы, пажерны, нечестны члены, або шкодники. Невелика кучка их в нашой організації. Тых людей родила система здирства, ошуканства нашого народа. Их сте виділи все в той группі при церквах, при братствах, при даяких банках, котра то группа старалася яким способом выкорыстати, ошукати народ. Прикликували они, громадили, зганяли народ для тых великих вызыскувачов, а зато все и сами дашто облизали, ци при даякой будові церкви, ци при даяком контракті, ци даяке "комишин," ци хоцбы при даяком підприємтяю, коллекті и т. д. Контролювати их не было кому, або хоц бы кто и хотіл контролювати, та они таку силу мали зо своим попом, котрый тримал темну массу в страху, што честну

контролю недопустили, лем таку, як они сами, сами себе контролювали.

Розумієся, што тоты головны в Лемко-Союз не пришли, бо они дораз зорієнтовалися, што то Лемко-Союз, но тоты, што им даколи помагали в обераню народа, гдекотры пришли. Єдны з них сподівалися, што ту буде можна скорше дашто урвати, бо тот народ, ошуканий там, приде ту. Другы недовольны были даякым поділом, же боссам за дуже, а им замало приходилося. Третьи мали даякы салуны, або муншайн варили, думали собі, што при організації скорше костумеров найдут. В души сміялися зо всякой просвіты. Они знали, што они наймудрійшы, им ниякой просвіты не треба. А народ ест лем на тото, штобы мудрійшы выкорыстали го, яким таким способом.

Но и тепер ту показуєся, што Лемко-Союз не длятого організуєся, штобы им грошы наганяти, а штобы народ просвіщати, штобы научыти народ, як мае боронитися от всяких круков, выкорыстувачов, паже-рачов, шкодников народных. И мы видиме, же хоц им никто того не бесідує, хоц никто на них пальцом не показує, они сами выходят на верх, сами на себе показывают. Вы познате такого члена, бо он рыє под вашим відділом и рыє под цілом організації. Он ничым недовольный, што організіация робит. Знає, што сознательны, честны члены знают го и за ним не пидут, то старатся тых честных, несознательных членов збурити.

У нас, в нашой організації сут и такы типы:

Посварилися с попами, стали безбожниками, коммунистами, потом вступили в Лемко-Союз, где показалися найрадикальнійшыма лідерами, уж так за робочы права стояли, што здавалося, што дораз голову готовы на кобицю класти за робочы интересы, аж их втримувати треба было. А знате, с кым они гнеска? Та с тьма, што недавно на них проклинали! Они уж великы приятелі с попами и білогвардейцями, с врагами народа, бо им не вышло так, як собі рахували, не мали такой корысти и такого гонору в Лемко-Союзі, як сподівалися мати. То зламаны характеры, котры были зламаны том системом неволі, затемнюваня

и ошуканства нашого народа. То тото саме, што нашы духовники переходят из униі на православіє, а из православія вертают зас в католицизм, коли видят, же при католиках ліпше им платят, а як католики престанут, то зас на православіє переходят. А коли при православных, найзавзятійшы православны — так при католиках, найзавзятійшы католики.

Чом тото писати? А зато, бо то дуже важна річ, найважнійша річ знати, познавати людей коло себе, познавати характеры тых, с котрыма маме до работы, познавати своих врагов в жытю. Для організації найважнійша річ, штобы члены знали єдны других, штобы могли познати шкодников. Бо часто, дуже часто трафлятся, што такой шкодник, по причыні того незнання членов членами, достанєся до уряду відділа, и потом такой шкоды наробит, што поправити дуже трудно. Старчыт, коли такой шкодник не здаст рахунку, тай тото рознесєся помеж народ и народ тратит довірія, и рознесєся о Лемко-Союзі, што так само робят, як и другы. И зато шкодника треба открыти и позбытися го, бо шкодник точыт організіацию, бо он ненавидит честну організіацию и честных людей.

Шкодники в оргнізаці то як хробаки в деревині, котры задержуют ей рост и запричыняют высхніня деревины. А наша організіация мусит рости и мусит быти здорова и сильна, бо мае пред собом велику роботу.

О рості Лемко-Союза.

Юнкерский Съезд Лемко-Союза найліпше доказал нам, што наша організіация росне не лем в чысло відділов и членов. Тот рост не так важный. Далєко важнійший рост в свідомость, в сознание членов. Єсли відділы могли прислати на съезд понад 50 делегатов, а тоты делегаты были всі одного духа, одного хотіли, до одного стремили, одно думали, то в том ест огромный прогресс нашой організації, не лем нашой організації, але то доказує несподіваний рост сознания нашего народа. Тото радовало на съезді каждого делегата, радовало каждый відділ и весь наш народ. Бо Лемко-Союз представлят всю нашу карпаторуску, полмиллионну емиграцию в Америкі. Лем наш Лемко-Союз старатся поправити

долю нашего народа, други організації служат тым, котры выкорыстуют тот народ.

Новы віділы, рост членского, рост чытателей газеты "Лемко," доказуе, што и по съїзді наша організіція не лем же не перестала рости, не стоїт на місті, але иде ищы скорше вперед, як до съїзда.

На гдєкотрых плейзах, при гдєкотрых віділах, здаеся тым сознательным членам, што слабнеме, бо их віділ слабне — бо ест много шкодников, котры бунтуют народ и т. д., што членского менше. Но, то неправда! Николи не думайме, што в чыслі членов в віділі его сила! Мы мали такы приміры, што еден віділ наш был організований при помочы протоерея из России, што то около 200 членов. А тот віділ не мал ниякой силы. Сегодня ани половины тых членов, може даяка пята часть из них сознательных, але віділ, по нашому, далеко моцнійший, як перше. Коли христіянство было сильне? втоды, як существовало малыма группами, христіянскими общинами, товариствами, ищы и под земльом не раз мусіло крытися. Втоды, як христіянство было за справедливость для бідного народа. Тото христіянство так было сильне, што полетіли пред його силом престолы, золоты шапкы поганских царей, сама римска империя пред його силом розвалилася. От того часу, коли христіянство перебрало золоты шапкы, богатство, а разом с тым, розуміеся, и шкодников чєловічества, христіянство слабо и до наших дней так ослабло, што першого ліпшого "большевика" боїтся. Бо оно престало быти "віром" бідного народа, а стало "віром" богатой кляссы, стало орудием выкорыстуваня бідной кляссы в руках богатых.

Идея Лемко-Союза, яко идея справедливости на світі, має в собі велику силу. Тота идея уж непобідима сегодня, бо сегодня світло, наука доступна каждому, доступна ажи нам лемкам, всіма забытым, доступна через нашу організіцію Лемко-Союз. И потому тым нашим сознательным членам народа тота наша організіція так цінна, так дорога, бо они уж порозуміли ей роль и силу для нашего народа. И она росне тота сила разом з ростом народного сознания.

IV Съїзд Лемко-Союза.

При конці мая, 1935, значыт всего за пару місяців, должен отбытися Четвертый съїзд Л. С. Он покаже нам, сколько мы взросли от минувшого съїзда, сколько мы взросли за рок. Съїзд отбудеся в околиці найгустійших наших лемковских колоній, при твердом углю, коло Скрантона. Там зыйдутся найліпшы силы нашего народа, радити над его будучностью. Там мы должны показати світу, што мы, лемкы, тоже готовы до борьбы за тото жытя нашего народа, до борьбы за справедливость для всіх, не лем для единиц. Там мы должны показати, што мы уж не рабы, не темнякы, котрых каждый може туманити и выкорыстувати, а равны жытелі землі.

И потому завчасу приготавлиме успіх того нашего Четвертого Съїзда. Каждый из наших віділов должен выслати столько делегатов, сколько на него приходит по числу членов.

Делегатом, ци делегатами, най каждый віділ выберат людей из той первой группы членов: Идейных, честных и сознательных, штобы достойно заступили свой віділ.

Просвітительна робота Лемко-Союза. . .

Наука уж побідила людску біду, нищету, голод и холод. Наука взбогатіла чєловіка. И коли мы ищы сегодня видиме коло себе біду, нужду, холод и голод — то вся причына тых людских бід не в том, штобы не было того, што чєловіку потреба — а причына тых людских бід в том, што бідный народ не розуміе того, што наука побідила біду, он не вірит ищы в тоту правду, бідный народ не вірит в науку и ей силу.

Томас Эдисон, гєній электричества, дал людям огромное богатство. Но тото богатство захватила в руки богата клясса. Бідный народ смотрит на электрику, яко на дуже выгодну лямпочку, он видит лем тоту лямпочку, а не думат о том, яке огромное богатство электрика, яка огромна сила, не думат о том, што тото богатство, тота сила не в його руках, а в руках малой группы людей, котры распоряжают тым богатством, том силом лем для своих профитов, а не для добра всего людства. И так, они богаты, а бідна масса остае бідна и при электричєстві.

Єст наука, котра называється хемия. Тота наука робит чуда, такы чуда, што не ученому хемисту трудно повірити:

В Англии, недалеко міста Лайстон, Михаил Р. Фарадей, внук англійского ученого, уставил собі на своей фармі, в stodолі, великы шафы с шуфлядами, и в тых шуфлядах, при помочы електрикы и хемии, без ниякой землі, росне му корм для худобы и свин. В десятиох днях выросне кукуруза и заколосіе ярец. Тот урожай, в десятиох днях, дуже густый и тяжкий, и худоба страшно го любит и далеко ліпше

в своей stodолі? А газдыня не потребує ити на маркет, або на загороду, бо всяка ярина буде роси в ей кухни!

Але компания має патент на тоту науку, на тоты кабинеты, вы мусите заплатити за тот патент, за електрику, за хемию, жебы сте могли собі такий кабинет вставити. Инакше мусиме умерати з голоду. А же роботы при такой научной системі все буде менше, то нияк не заробите, жебы сте могли заплатити тот патент. Значыт, из той науки корыстают лем богаты, а бідны все бідуют. Богаты знають ціну науки, бідны

Отділ Л. С. в Торонто. (фотография знята по случаю лекции В. Гунянки).

берєся, як от корма, котрый выросне на землі. Пишут, што скоро будут газдыні мати в кухни такы кабинеты, як "айсбаксы," где будут им вырастати свіжы ярины. Уж така компания основана, тот вынаход науки опатентованый, так, же тоты, котры мают грошы, такы кабинеты можут собі набыти.

И што повісте на тоту, же наука доходит до того, што вся работа на землі може перестати — бо фармер, газда, може собі весь корм для себе и худобы выплекати

ей не знають. Богаты захватили науку для службы собі, бідны о того не дбают, науку не цінят и не любят.

И як долго бідный народ не полюбит науку, не оцінит ей, так долго буде бідувати.

Мы, лемкы, и вообще карпатороссы, не лем же не цінили и не любили науку, мы ей ненавиділи! Мы ненавиділи школу, книжечку, газету. Всяке живе, нове слово здавалося нам безбоженством. Для нас лем вшытко того добре было, што старе, што наше дідовске и прадідовске. Наше духо-

венство поддерживало тоту нашу віру в дідовске и прадідовске и клало загату для науки нашому народу, видиме, што ищы до днес кладе нам колоды под ногы, жебы лем зме не крочыли вперед.

Лемко-Союз має одну, велику задачу: Зламати в нашом народі тоту нелюбов к науці у нашого народа и повести го вперед до ліпшого жытя, через науку, через котру дошли и доходят до ліпшого жытя другы народы. Лемко-Союз не лем має за задачу зламати нелюбов народа к науці, але взбудити к ней любов, заинтересовати наш народ науком, переконати го, што лем в науці його спасение. То головна задача Лемко-Союза.

Всіх наук Лемко-Союз дати нашому народу не може, ани до того не береся. Коли в народі буде пробуджена охота до науки, он буде глядати той науки всяди, як глядают ей сегодня народы в Сов. Союзі.

Найголовніше орудие в той роботі Лемко-Союза, то печатне слово, газета, книжечкы, календар. Печатне слово, то найперше орудие в боротьбі против народной темноты.

Наша Газета "Лемко."

Кто чытат газету "Лемко," и чытал и чытат часом другы наши карпаторусскы газеты, мусит признати, што газета "Лемко" инша газета, не така газета, як другы наши газеты. Мусят тото признати наши приятелі и врагы. А чом газета "Лемко" инша газета?

Бо "Лемко", то перша наша газета, котра вышла из народа, и котра стоит за науку для нашого народа, а не за темноту. Газету "Лемко" тримают, из сознания, добровольно, из идеи, для науки — тоты члены нашого бідного, темного народа, котры уж познали, порозуміли тоту правду, што наше спасение в науці, просвіті, а не в темноті.

Другы наши карпаторусскы газеты, так встаром краю як и ту, на эмиграции, держат, утримуют, або наши врагы, для выкорыстаня нашого народа, або як ту в Америкі, удержуе сам народ, але не из сознания, а из несознательности. А зато, коли газета "Лемко", одинока наша народ-

на, карпаторусска газета, веде народ вперед, они тягнут взад. Тота работа корыстна для тых, што выкорыстуют народну темноту.

Розумієся, што сила нашой газеты далеко больша, як всіх других "наших" газет разом взятых, хоц они печатают тых газет соткы тысяч, а мы лем тысячи. Бо коли бы они, ту в Америкі, наши запомогovy організації, приняли такой параграф, што газету предплачат лем тот, котрый хоче из членов, то по всіх тых газетах не остало бы ани сліда, они не собрали бы, разом всі, ани 100 чытателей, ани на платню для редактора за один місяц. Ани кошта одного н-ра газеты не могли бы покрыти добровольном предплатом, хоцбы ей зложили вшыткы разом. Значыт, тоты вшыткы газеты, то плод народной темноты, несознательности. Наша газета "Лемко", то плод сознательной части нашого народа. И потому наша газета цінна для нашого народа, а тоты газеты, котры утримуются из темноты, не лем безцінны, але вредны для нашого народа, бо наражают го на великы материяльны, примусовы выдаткы, а вмісто науки, сіют темноту.

Вартость газеты зависит от редактора. Газету "Правду" редаговал за долги рокы Д-р С. Пиж, остатний рок редаговал другий "редактор". Видаткы на газету тоты самы. Но яка велика рижниця в вартости той газеты!

И зато нам треба знати, што при газеті найважнійший редактор. Не типография, машинерия, а редактор, розум редактора. Несознательны, темны люде судят так, што як напечатано на папері, то уж и газета. А то неправда, бо розходится, што напечатано. Ци тото має даяку вартость для того, што за газету платит, ци не має ниякой вартости. А тотя вартость зависит от редактора.

Несознательны люде, котрых совсім нияка просвіта, наука, не интересуе, не могут порозуміти, нашто то газета, нашто книжка, нашто платити редактора, коли для спасения выстарчыт дост поп и дяк. И они уважают роботу попа далеко важнійшу и труднійшу, як роботу редактора. Тым людем вшытко едно, ци газету пише Д-р Пиж, ци Дзвончик! "Оба дармоіды! Єден наїлся, най другий тепер іст" ... И не могут тоты

люде нияк розуміти, як знаходяться такы глупы лемкы, котры стоять в Лемко-Союзі, платят за газету "Лемко", платят пейду Гунянкі, а он собі с олувком ходит...

Они, бідны, не розуміют, што редактора робота, ищы меж так затемненым народом, дуже тяжка. Така тяжка, што пару літ тому ученый человек, котрый знае наш народ, не мог повірити, штобы редактор "Лемка" мог тоту роботу зробити. И нам здаєся, што газета "Лемко" переламала нашу заотсталость, нашу неохоту, нелюбов к науці, отворила окенко в нашу лемковску темну хыжу, а коли то правда, то той работы на грошы не можна оцінити.

Коли мы хочеме поступати вперед, побороти нашу народну біду, то мы мусиме побороти народну темноту, в котрой сиділ наш народ віками. В той борбі мусят для нас быти найдорожшы тоты люде, котры знають дашто, а готовы з нами разом боротися, учыти нас.

Мы, лемкы, дуже мало таких людей маме. Яко народ заотсталый, мы ниякой иншой науки не ціниме, кромі церковной. И зато мы виховали лем попов. Тоты нашы учены, котры не хотіли быти попами, забралися гет от нас, бо готовых міст не мали, а знали, што просвітительна робота для свого народа дуже трудна. И лем пару людей, с науком и с чувством до свого народа, остало нам таких, што хотят нам помочы, научыти нас, боротися за наше право на жытя, што учат нас правду.

Нам треба розуміти, што тоты люде для нас неоцінены. Як долго мы не порозуміеме того, што они першы люде у нас, так долго будеме мучытися в темноті.

Там, где бідный народ захватил власть в свои руки, а то в Сов. Союзі, русский народ и другы народы в Сов. Союзі порозуміли, што писателі первы люде. Сталин заявил, што писателі, то инженеры людской души. И правда. Коли наша карпаторусска душа така слаба, то вина тому тота, што мы не цінили нияку просвіту. Нашу душу не строили тоты люде, котры хотіли бы, штобы наша душа была сильна для нас.

Нашу душу строили в нас тоты, котры хотіли, штобы наша душа была слаба, покорна. рабска, штобы она была им послушна, штобы они могли панувати над нашим душом

и тягнути з нас корысть для себе. Зато они наполняли нашу душу темными страхами.

Коли мы хочеме быти свободны, поправити свое жытя, мы мусиме пребудувати свою душу, из души рабской, застрашенной — на душу свободну. В том и ест ціль организации, газеты, редактора: Ци они претворяют народну душу из рабской, застрашенной — на свободну — ци застрашают ей ищы ліпше?

Мы видиме, што в нашем народі дотепер цінятся лем тоты организации, газеты, редакторы, котры ліпше знають народ застрашывати. У нас утриманя едной церкви нераз и десят раз больше стоит, як утриманя цілой просвітительной организации. У нас тоты институции, котры будуются на утриманя нашой души в страху, процвітают. Мы зо страху складаме на них миллионы. Тых людей, што нас страшат, платиме по панскы, а коли найдеся такой, што хотіл бы освободити нас от страху, мы го маме за нич.

Просвітительна робота Лемко-Союза заключатся сегодня в печатном слові и в лекциях по плейзах. Штобы лем тоту роботу вести, треба мати таких людей, котры бы могли вести тоту роботу, значыт, штобы знали дашто. У нас тых людей ніт совсім. Як найдеся двох трех, то нам здаєся, што уж за много, што тоты люде не мают што зробити.

Многым нашим патриотам здаєся, што варити "муншайн", то далеко тяжша робота, як выдавати газету "Лемко". Многым здаєся, што отправити службу божу, далеко тяжша робота, як выголосити лекцию о жытю, о світі, о людях.

А оно нам треба знати, што робота редактора, найтруднійша робота — розумієся такого редактора, котрый хоче трудитися для просвіты своего народа. Бо робота такого редактора, котрый выдае газету для затемнения и страху, дуже лекша, як робота попа. Зато така велика рижниця меж поповском газетом, а гезетом народном. И зато поповску газету може еден редактор выдавати и каждый день, бо каждый день може писати того само. Редактор народной газеты мусит ити с прогрессом світа, мусит найперше сам учытися. Редакторы народ-

ных, прогрессивных газет мусят учитися сами, штобы могли дашто написати для народа. Мусят знати передати того, што сами научылися, своим чытателям так, штобы они порозуміли того. Значыт, мусят учитися и от народа того, як треба передавати свои знання народу. Втоды лем их писаня мае вартость, инакше, хоцбы оно было и наймудрйше, а народ не розуміе, таке писаня не вартат нич.

Нам здаеся, што "Лемко" така газета, што она передае народу науку так, што народ розуміе, и потому она мае успіх у народа, потому робит свою просвітительну роботу. Але зато она и стоит много труда, далеко больше, як другы нашы карпаторусскы газеты.

Покаль Л. С. мае лем два тоты орудия просвітительной работы:

Печатне слово и лекции. Печатне слово расходится в тысячах, но оно и так недоступне массі народа. Штобы заинтересовати больше людей, от часу до часу выіде секретар организации, або редактор на лекцию, в колонию. Там уж збересея больше людей из того плейза таких, котры ищы не слышали о нашей организации. Лектор объяснит значыня науки, организации. Народ, порозумівшы, зблизится до организации, заинтересуеся газетом, книжком. Тоты, што были на лекции, расповідают другим своим знакомым, и так иде дальше, вкоренятся в массах идея организации. Тых лекций у нас замало. У нас, при организации, должен бы быти еден такой ученый человек, котрый бы был занятый лем розъездом по плейзах и чытаньом лекций. Он бы мал задачу студиовати сам и престудиоване передавати ясно, зрозуміло, народу. Была бы то наша жыва, подорожуюча школа. При таком постоянном организаторі лекторі, организация вскрипла бы и выросла, так што не лем бы такой организатор был заплаченный, але придбал бы много новых членов организации и чытателей для газеты.

На такого организатора дуже был бы подходящий в Америкі рожденый лемко, знающий лемковску бесіду. А ест такой? Ци не встыдно нам признатися, што мы не маме человека, ту в Америкі рожденного, на пол миллиона нашей эмиграции, котрый интересовал бы ся своим народом, його по-

ложыньом ту и в старом краю? А, здаеся, такого нашего ученого американца або американки нит меж нами.

Коли нашы "патриоты-шкодники" пишут и бесідуют, што в нашей организации занято много работников, то розуміеся, што лем зато, штобы шкодити просвітительной работі. У нас нит людей для той работы. Коли были бы честны, идейны, учены люде, то работы для них дост. И организацию поставили бы так, што она заплатила бы тоту работу. У нас не одного, двоих редакторов треба, а што найменше десят. А у нас их нит. Для нас здал бы ся в каждой нашей карпаторусской колоніи сознательный, ученый, добрый учитель. Но што нам о том говорити! Мы не любиме ищы науку, мы не хочеме науки, мы волиме платити и тримати тых людей, котры нас страшат и затемняют. Мы ненавидиме, не можеме стерпіти едного двоих таких, котры бы нас хотіли дачого научыти, котры хотят поділитися з нами тым, што сами знают. Мы не хочеме нич знати.

И зато работа Лемко-Союза дуже тяжка. Наука Л. С. приходит нам дуже тяжко. Правда, мы зламали первы леды, але того мало. Нам треба людей, котры бы повели работу дальше, нам треба молодых сил, ученых сил. А штобы они нашлися у нас тоты силы, мы мусиме их высоко цінити, мусиме цінити найперше тых, котрых маме, бо як тых не будеме цінити, то новых не найдемe.

Работа Лемко-Союза в старом краю.

Хоц наша организация в поровнанію до нашей эмиграции в Америкі дуже слаба, а мы видиме, што она мае огромну силу моральну, огромне влияние и ту, в Америкі. Тоты нашы лидеры, котры вселяют в нас страх, котры при помочы страху тягнут из массы нашего народа корысти, сами набрали великого страху пред Лемко-Союзом. Народ, хоц помаленкы, двигатся. Уж на каждом плейзі, где ест отділ Л. С., што раз больше таких людей, што не боятся страхов, штораз больше смілых, идейных членов нашего народа, котры открывають очы другим.

Но нам треба знати, што наша организация мае огромне влияние на наш старый

край. Нашим братьям в старом краю здавалося по війні, што они пропали, што их уж так додусят тыма страхами, што ніт ниякой истоты, ниякой організації на світі, котра бы зауялася за нима, упомнулася о их народне право. И довідуються наші братя в старом краю, што их братя за морем організували таку організацію, бойову, робочу, котра стає в обороні свого народа в старом краю.

не може быти босконечна, забыта и дарувана. Што угнетены народы не хотят умерати, што захотят жыти, бо ажи тоты ничтожны лемкы, здавалося давно пропащы, двигают голову.

И нам треба знати того, што мы не сами, што з нами стоят всі угнетены народы, з нами стоит угнетена робоча клясса, а найважнійше, з нами стоит одна, найсильнійша

Василь Підбережняк, родом из Бортного, Горлицкого повіта, член Л. С. ч. 29, в Ансоніи, зо своїм родином.

Не всі знаме, який то переполох зробило в обозах врагов, паразитов и угнетателей нашего народа. Николи они не сподівалися того, штобы ищы и лемкы поднесли голову, уж всіма похоронены, уважаны за мертвых. И, як видите, хоц мы народец невеликий, хоц и організація наша не чысленна, а они прешрашылися больше, як великого народа и великой організації. А чом так прешрашылися, спеціально лемков?

Бо коли они видят, што и лемкы стают из мертвых, то им приходит страх от самой мысли, што и великы народы рушатся, што тота кривда, котру они робят народам,

державы світа, з нами стоит Сов. Союз, в борбі за права бідного, угнетеного народа.

И длятого наш Лемко-Союз мае таку огромну силу среди нашего народа. Длятого, што он стоит за право, за справедливость для огромной массы бідного народа. Она ищы несознательна вся, тота народна масса, но скоро приходит до опамятаня, будится. И коли Лемко-Союз страшный нашим врагам, угнетателям, то не його сила, яко організації, а його просвіта, наука, котра помагат в пробужденію народных масс. Пред пробужденным народом они мают страх, а не пред Л. С.

Наша Молодеж

ШТО з нашим молодежом? Што з нашыма дітми ту, в Америці, што они нас опуцают? Што з молодым поколіньом нашого народа в старом краю?

Подумаіме отповісті собі на тоты вопросы, на дуже важны вопросы, котры тычатся будучности, значыт, продолжыня жытя нашого народа. Мы привыкли повторяти фразу, яку повторяют и други народы, што: "Молодеж будучность народа"... Лем же для других народов то не лем сама фраза, для других культурных народов то закон, а для нас, карпатороссов, остаются тоты слова лем пустом фразом. Бо ци ест ищы даяка группа народа, группа емигрантов в Америці, штобы ту рождена молодеж так совсім не интересовалася судьбом своего народа ту, а ищы меньше в старом краю? Штобы так отвернулася от своего народа, от його языка? Ци мае ищы даякий другой народ, ту в Америці, такы діти, котры бы покончыли средні и вышшы школы, а не заинтересовалися своим народом даже настолько, штобы знали, откаль тоты його родиче пришли, як там, в том краю жыют його стрыкове и теты, його стрыечны и тітечны братя и сестры? Старокрайовый ученый человек, из старокрайовой школы, нияк того порозуміти не може, чом то так ест, што то за школа тота американска школа, што она не може розвити, ци не хоче розвити интерес дитины до ей родного народа. Я памятам, што мы, в старом краю, интересовалися индианскыма племенами в Америці, а ту наша молодеж не интересуеся своим племенем. Не лем своим, лемковским племенем, але не интересуеся совсім русским народом, його культуром, литературом.

Лемко-Союз высылат от часу до часу лектора по наших лемковских колоніях. На таку лекцію о своем народі дуже рідко появится наш американский уроженец або уроженка, хыба же даякий час пребывали в краю. Тоты, што ту рождены, а в краю

выхованы и вернулись в Америку, тоты нашы душом и тілом.

Два раз, в часі многих лекций приключылося, што ту рождены дівчата заинтересувалися лекциом о своем народі: Раз в Гери, где молоде, интеллигентне дівча, стенограферка, дочка Томашовских, цілый час с напруженом увагом слухала лекции о своем народі от початку до конца и по ей лица видно было, што надзвычай заинтересована судьбом своего народа. Один угорский лемко, сознательный член нашей организации, сейчас по лекции просилс чыя то дитина? "Я, гварит, ищы такой дитины не встрітил ту в Америці, штобы так интересовалася своим народом. Ех, жебы то я был ей ровня в літах, то не посмотрілі бым на другу! Мусіла бы моя быти!"

Тоту дитину не зробила таком ни американска школа,

ни тоты американскы книжки, журналы — а зробила ей таком сознательном ей родна мати. Лем потом я перекона л с я, што мати, наша сознательна лемканя. А што дитина любит свою маму, интересуеся тым,

чым интересуеся ей мати, ей родиче. В Лорейн ест больше дівчат, котры интересуются своим народом. В Елизабет дівчына Фучилы, найдеме ищы по иншых наших колоніях, але всі тоты діти, котры интересу-

Др Петро Лабовский сын Юсифа и Наталии Лабовских, родом из Лабовы пов. Нов. Санч, кончыл сего року лікарскы науки.

ються своїм народом, можемо легко порухувати на пальцях двох рук.

Щоб вернути нашу молодеж назад к нам, Лемко-Союз почал издавати Лемко Журнал для молодежи. Нам здавалося, што

Елена Венгрин, донька Амвросия Венгрин из Жегестова и Анны из Дзюбинских, из Верхмлі Малой.

молодеж заинтересується журналом, через журнал своим народом, всім русским народом, його культуром и литературом, а особливо Новом Россиом, котром интересується сегодняя цілий світ. И в том духу мы почали издавати наш журнал. Но молодых лемков не заинтересувало тото, што о нас и о Рос-

сии. — Пиште дашто фони — писали молоды лемкы. — Пиште дашто таке, як в американских журналах, интересны “стори” и вельо “фони” . . . ,
Розумієся, што мы не мали ціли конкуровати с американскыма журналами, их “сториями” и “фонами”, бо раз, што мы их збитовати в тых “сториях” и “фонах” не можемо, а по друге не было смысла “битовати” их. Наша задача была, штобы нашу молодеж заинтересовати своим народом, його тяжкым положыньом, што Америка, то одинокий край, где наша лемковска и вообще карпаторусска молодеж мае возможность покончыти школы, стати интеллигентными, учеными людьми, и што тота молодеж упомнеся о нас, запротестуе пред світом против кривд, чынимых нашему народу.

Были пробы організувати при Л. Союзі отділы нашей молодежи. Здавалося, што так, в своей организации подумают о цілях

той організації. Но оказалось, што им и не в голові ціли той організації, им и не в голові даяка наука о своем народі, им в голові “гуд тайм”. Они розуміют всяку организацию, всякий клуб, всякий кружок лем яко институцию “гуд тайма”.

Коли вспомнути им, што треба бы заняться даяком науком, русском литературом, русским языком, русском новом культуром, они высміют вас.

А посмотриме на их лица, на их будову, то видиме, што они ниякы не сетнякы, выглядают на добры діти. И они з грунту добры, способны діти, ничым не уступають дітям других народностей. И што за причина, што они оставляют нас? Тому больше причин. Але возме лем головны три причины:

1. Наша заотсталость
2. Американска школа и литература.
3. Безвартна русска школа.

Мы, карпатороссы, эмигрували в Америку массово. Эмигровали всі, запорядком, утікали из своего краю массово, пред бідом. Пришли мы ту, в Америку, яко найбільше заотсталый народ в Европі. Мы розуміли тоту свою заотсталость и ганьбилися сами себе. Мы так ганьбилися той нашей карпаторусской заотсталости, што даже не хотіли признаватися до своего краю, не хотіли признатися, откаль мы ту пришли. Єдны из нас признавалися до австрияков, другы до гунгаров, треті до поляков, четверты захотіли уж быти украинцями, а пяты великороссами, лем жебы никто не подозревал, што мы пришли из того найбіднійшого карпатского краю, бо быти бідным, походити из бідного краю и народа, была велика ганьба.

И зато мы ганьбилися себе. И зато наши діти ганьбилися и ганьбятся нас. Ганьбилися и ганьбятся своего народа, его краю, его языка, его народности, его бідноты.

До того ищы американска школа, капиталистична школа, виховувала, нашу молодеж в богацком духі, то значыт в том поняты, што школа и наука мае служыти для зыс-

каня ліпше платной работы, бизнесу, богатства. Наука преподавалася не для самой науки, не для того, чтобы та наука послужила народу, человечеству, его прогрессу, а чтобы, по скончыню школы можна было зробити больше гроша. Большим, высшим человеком уважаний был тот, котрый знал ліпше робити грошы. И потому американска школа учыла робити грошы. Ліпший американец, ліпший патриот был тот, што знал ліпше робити грошы. Идея правдивого американизма быти богатым.

И якже наши діти — діти найбіднійших эмигрантов — могли остати при нас, коли мы были наименшы, наостатнійшы люде в Америкі, бо мы были найбіднійшы? Та и литература американска не могла быти инакша при такой науці. Писатель писал не для науки, не для своей идеи, лем чтобы зробити грошы, бо лем так был уважаний за великого человека и писателя. А чтобы зробил сам грошы, он мусіл писати лем о том, як треба робити грошы, як бідному стати богатым, як бідне дівча взяла великий богач, як богачка полюбила бідака, як там зручно герой обрабовал банк, перлы, дияменты, принцы, принцесы, Монте Карло и т. п. То содержание американских журналов для нашей бідной молодежи. И мимо тых школ, яки она покончыла, она не може думати тверезо, она мечтат о богатстві, як мы бідны карпаторусскы эмигранты мечтаме о небі, о святых и о посмертном счастье. И як они будут заниматься и интересуватися найбіднійшыма людьми?

Наша т. з. **русска школа**, вмiсто дати той молодежи даяке понятия о русской культуре, литературе, лем ліпше доказала им, што мы бідны, и уж ніт для нас ниякого ратунку, лем другий світ, смерть. Из нашей русской школы наши діти довідалися столько, што и тот русский народ мал богатых царей, архиереев и святых. Но не довідалася, што русский народ мае найбогатшу литературу во світі, што та литература родит сегодня нову культуру, высшу культуру справедливости, што при той новой культурі богатым приходит ганьбитися своего богатства. Вмiсто той русской литературы и новой культуры, наша русска поповска школа пре-

поднесла нашим дітям наш душевный корм, а то наши церковны обряды, молитвы и мечты о царстві небесном. Не дивно, што наша молодеж, накормлена в американской школі мечтами о земных богатствах, откинула посмертны богатства русской школы. Вшытко, што ся ей здало с американским, то повіданкы о русских принцах и принцессах, о их богатстві ту, на світі. И кромі тых принцов и принцесс, котры мали "гуд тайм" ту, на світі, нич больше наша молодеж из наших церковных школ в Америкі не вынесла.

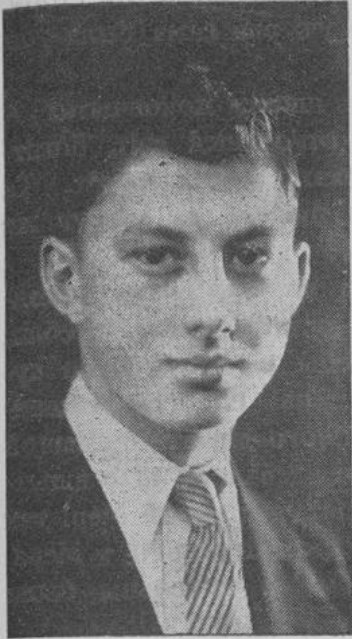
Чытали зме в карпаторусских запомоговых газетах корреспонденцию о конвенции "Русских Православных Клубов" нашей молодежи. Из той корреспонденции довідали зме ся о великом "гуд таймі", вспанялом банкеті, танцю, ажи о дрессах наших дівчат, а не дознали зме ся нич, што та конвенция постановила полезного для нашего народа, для нашей эмиграции, або для нашего старого краю. Наши діти не интересуются нами и нашим старым краем.

Но все-таки можеме поділити нашу молодеж на три части, што до того интереса своим народом:

1. Дуже маленька часть, котра починачт интересуватися своим народом и Сов. Союзом из своей интеллигенции, чувства, идейности. Вспомнули зме высше о таких единицах. Замічае, што тоты, котрых заинтересовала работа, идея, Сов. Союз, яко робоча держава, заинтересовала их бідна клясса народа, они вертают к нам.

2. Друга часть, тоже невелика, интересуются нами в бизнесовых цілях. Наша эмиграция организувала ту, в Америкі, много запомоговых обществ, котры с часом пришли до значных капиталов. Тыма капиталами заинтересованы гдекотры наши молоды американці и подходят к ним с патриотичныма фразами, котрых сами не розуміют, але слышали такы фразы от наших старых патриотов-лідеров и виділи, што при помочи того церковного патриотизма они трималися при тых организациях, то они думают, што и они удержатся.

3. Остатных, огромне большинство нашо-

Мирослав Кобан, студ. унив., сын бывшего председ. Л. С., выхавший в Сов. Союз. коли тота перва группа нашей молодежи буде роснути. Коли наша молодеж порозуміе робочу идею, робочу борьбу за справедливость для бідного народа, коли она порозуміе перву робочу державу світа, Сов. Союз, она верне к нам. Тоты наши молоды, котры уж порозуміли робочу справу, они уж разом з нами. Правда, мало их ест з нами, бо мало ищы порозуміло тоту правду, што быти бідным и боротися за справедливость для бідного народа, далеко высша честь, як "честь" богатства. Коли наша молодеж порозуміе тоту правду, порозуміе честь, то она верне до нас и остане наша.

Наша задача, задача тых родичов, котры уж сознательны кляссово, помагати свим дітям порозуміти тоту правду. Коли они порозуміют, то втоды вернут до нас, мимо того, што мы бідны и угнетены. И лем так можут вернути к нам, а не иначе. Ниякы иншы школы, ниякы патриотизмы их нам не вернут, кромі робочой идеи, робочой правды.

И для нашей радости тота перва группа нашей молодежи росне, росне разом с загальным ростом сознательности робочой кляссы.

Старый Край, наша тысячлітня земля, твердый, родный фундамент под будучность

го поколіня в Америкі, совсім их нич не обходиме мы, стары емигранты, ни наши організації, ни Нова Россия. Они скоро тратятся от нас, росходятся и мечтают, якбы скоро стати богатыма американцами и якнайскорше затерти сліды свого происхождения.

Если мы можеме мати надію, што наша молодеж верне назад до нас, бідных робочых эмигрантов, то можеме мати лем так,

нашого народа. Мы, в Америкі, на чужой землі, на чужом фундаменти, из старого материялу, будуеме, організуемесе, учимесе. Не хочесе вірити, штобы лемкы в краю, на своей землі, из нового материялу, не будували, не організувалися, не училися. Наше молоде поколіня будучность нашего народа в старом краю. Мы, в Америкі, віриме в тото наше молоде поколіня, віриме в його творчу силу, бо тото наше поколіня в старом краю, то будучность нашего народа. Для молодого поколіня буде открытый цілый світ и його богатства, чекат го ліпше жытя, як маме мы, стары, але оно само з неба не упаде, в што мы стары вірили. Тото ліпше жытя треба устроити, причынитися до будовы того жытя, боротися за него. Мы, стары лемкы в Америкі, віриме, што и наша лемковска молодеж в старом краю возмесе організувано до будовы того жытя и борбы за него.

Ваньо Гунянка.

ЗА ДЗЯБОМ

МЕРА барз шумне дівча. Хоц в Америкі трудно найти не шумне дівча. То не в старом краю, што сут шумны и нешумны дівчата. В Америкі шыткы шумны дівчата. В Америкі дівчата не ділят на шумны и брыдкы, лем на легкы и тяжкы. Яку хочеш? Легку, ци тяжку? Часом мода выйде на тяжкы, але веце легкы в моді. Тепер уж отдавна иде мода на легкы дівчата. Наши лемковскы дівчата не тяжкы, бо то горского поколіня, а знате, што люде в горах мусят быти легкы, бо якбы по вершках могли ходити. И зато уж сама природа так дала, што люде в горах легкы, а в долинах тяжкы. Люде в горах двигают ноги в гору, як ходят, а люде на долинах волочат ноги за собом.

Зато и наши лемковскы дівчата, впервом поколіню, отдіичыли по своих родичах тоту легкость и шмыткы ноги. А ноги в Америкі у дівчате найпершы. Голову сфиксуе, гамбу сфиксуе, але ноги трудно сфиксувати, нияк не можна сфиксувати. Зато наши лемковскы дівчата не мают ниякого клопоту з ногами. Німку зараз познате, же німка, бо ноги ищы німкам не выроди-

лися, не выгладли, познате, што німка. Але вернийме до Меры.

Мера барз добри учылася в школі. Рада была быти перша. Што ей остало часу от науки, чытала. Чытала “Тру Сторис”, “Правдивы истории”, як бідны дівчата выходят за миллионеров, а як бідне дівча выйде по любви за бідного “бойса”, то праві все им счестя послужыт и гнет збогатіют. Як богаты боссы залюбляюцца до своих секретарок и стенограферок и потом женяцца. И ищы о принцах и принцессах, котры уж счестливы родяцца. Простый человек мусит аж найти счестя в часі свого короткого жытя. А як тоты “тру сторис” и “Лов сторис”, тоты писателі тых “сторис, оповідают, то в Америкі не барз трудно счестя найти. Каждый може найти, а особливо молоде, шумне дівча. И зато Мера была певна, што она скоро того счестя найде. Раз, же учыцца добри, тичеркы ей хвалят. Друге, же шумна. Каждый бесідуе, же тота Мера шумне дівча. Хоц шыткы американскы дівчата шумны, але Мера ищы шумнійша, гардша от других, шытка, росла. Мері ани повідати того не треба было, бо сама того добри знала.

— Лем жебы скоро тот “гайскул” покончыти, то я собі добрый “дзяб” найду — думала Мера.

— О, мое дівча не таке, як другы американскы дівчата! — хвалился Гриц, Мерин няньо! — То вам така запобіглива, вырахувана, мудра. Она собі добрый дзяб найде. Моя Мера высоко выйде . . .

— Моя Мера барз добри учыцца — повідала мама. — Хоц с того дівчате дочекамся потіхы. А и шумна, цілком на мене подана. Така сама, як я была, як ем дівчыла.

— Вера! — повідала Мера. — Вы сте были проста дівка! Деси сте там коровы доили и грулі окопували . . .

— Та лем ся, дзецко, уч, жебы-с так тяжко не робило, як я робила. То для мене радость велика, што будеш як пані . . .

И Мері все снилися лем солодкы сны: Як то она выйде зо школы, як буде стенограферка, потом сподабатся самому великому боссови, бо буде робити, буде смотріти и за другыма. Босс дораз познат, што Мера инше дівча от других. Так само, як тота стори, што колиси в шові виділа, така сама

стори снилися раз Мері, лем же в той стори, што ся ей снила, то уж она сама была том секретарком.

— Лем жебы скорше школу покончыти! А потом дзяб, счестя, отвореный світ, богатство — як в повіданках, котры чытат. Та преця мусят правду писати, не могут же вшытко цыганити . . .

И покончыла Мера школу, добри покончыла. Няньо и мама остатні центы згребли, кус допозычыли, жебы шумный дресс купити и шумный перстень. На “гредуейшендей” не было шумнійшого дівчате от нашой Меры, няньови и мамі здавалося, што вшыткы люде на ню смотрят, а и самой Мері так здавалося. Радостны были и родиче и Мера, коли вернули до дому и довольны были Америком . . .

— Ой, боже! — гварит мама до няня, коли вышли до свого бедрума. — Ты гвариш не раз, же ліпше было в старом краю! Та гдеж в старом краю мог ес так выховати и выучыти діти, як ту?

— Дай покий — отгрызся няньо. — Хоцбыс што повідала, то в старом краю якоси беспечнійше як ту. Што будеме на старость робити? Уж тепер не робю, хоц ем ищы не такой старый, а як прейде за пятьдесятку, то гудбай работа. И як жыти?

— Ей, ид сомаре! Та маме діти! Добры діти маме, сама Мера нас до смерти доховат. Повідала, што она хоче быти барз богата и буде богата. Уж завтра за роботом пиде . . .

И зараз завтра рано Мера выбралася за роботом по Нью Йорку. А Нью Йорк місто велике, найвекше місто на світі и найбогатше місто и найліпше місто для гляданы счестя. Сам Алл Смит, бідный хлопец, даколи з газетами літал, а тепер перший богач, политик, губернатор, мало мало, же президентом го не выбрали, хоц може и о то барз не стоит, бо нашто му ламати голову с цілом Америком, коли и без того робит великы грошы. Ба, та не лем Смит, але берте першого ліпшого з Волл стрита, то як не он, то його родиче простыма бідаками были; эмигрантами, а смотте, якы они тепер богаче! Каждый в Нью Йорку може быти богачом, лем треба, жебы му кус счестя послужыло. Треба найти счестя. Оно, того счестя, для каждого гдеси ест, гдеси оно го чекат, лем еден здыбе го, а другий не

може скоро здыбати, вельо люда до смерти не здыбат свого счестя.

— Ци я тыж свое дораз найду — думала Мера, коли зышла до “собвею”. — Може я скоро найду, як нашла не една в Нью Йорку. Нераз ем чытала, што пишла служыти до богачов и богатский сын залюбился до ней. Але я служыти не пиду, бо я не до того, я хочу “офис ворк”, там мое счестя. Там аж сут богаты!

Купила Мера газету, перезерат:

“Стенографер”, “стенографер”, “стенографер”...

— Котра мое счестя? Перша, друга, ци третя? — Жебы то я знала, то бым пошла отраз там, где мое счестя. А так, як не знам, то можу там взяти роботу, где не буде мое счестя.—

Выбрала третю “стенографер”... Сила на трена, иде, приіхала. Бо то в Нью Йорку, знате, тот трен лем шмарит людми, уж сут там, где кто хоче. Подходить под тот адрес, смотрит, а там здалека стоить предолгий хвост из дівчат. Соткы дівчат една за другом. Вшыткы пришли глядати счестя в том билдинку. Просится Мера одной, што тоты дівчата хотят?

— Дзяб! То вшыткы стенограферкы! По Мерином тілі аж морозкы прешли. На еден дзяб тельо дівчат! И все новы и новы приходят, покаль Мера подумала, ци стати в тот хвост ци ніт, то хвост уж о половину прирос и треба было ити гет зо заду ставати.

— Поїду дотого другого офису, може там... Приде там, а там ищы долший хвост. Самы стенограферкы, а и красшы от Меры и ліпше одіты гдекотры.

— Ищы полечу до третього офису, може там мое счестя... Але при третьом офісі ищы долший хвост, як при першых двох.

Сратила Мера 30 центов на ізду и ниякого счестя не нашла, не лем счестя не нашла, але ани босса, ани офису не виділа...

— Та то нич, завтра можеш найти дашто — потішала мама. — Встан рано и ид перша.

Так и зробила Мера. Накрутила годинку на 5 годину, а о шестой уж вышла и купила газету: “Стенографер, стенографер, стенографер”...

— Тот третий офис найближе, полечу там...

Лем ищы дві ждали. Мера была третя.

Помали хвост прибывал. Тоты зо заду завиділи тым передным. Долго ждала Мера, покаль отворили и впустили першы на корридор. Ищы на корридорі треба было ждати, аж нарешті закликали першу, потом другу, а потом и Меру. Подали ей “апликейшен” выполнити и подписати. Мала отповісти на такы вопросы, меж другыма:

“Кельо роков? Якой віры? Якого походжыня? Где роджены ей родиче? Ци ситизины? Ци отец робит? Кто робит в родиці? Ци мают проперти? Ци она “експириенс”? Барз дуже такых “квешчинс” было, но Мера не запамятала вшыткы. А коли отповіла на вшыткы, хотіла почкати на дзяб, повіли ей, што як им буде треба, то они ей дадут знати.

Так выполняли и другы за Мером, десяткы и соткы, як долго боссови хотілося затрудняти тоты дівчата стояньом в хвості и выполняньом апликаций. Не знати, ци он тото робил для даякой приятности, ци треба му было такой реклямы? Ищы Мера походила так цілый тыжден за офисовым дзябом, покаль не пришло ей в голову, же она може и не достане такого дзябу, якого хоче и якого учылася? Же може ей счестя не в офісі, а може в шторі даде?

Цілы наступны два тыжні ходила наша Мера по шторах, потом ищы два тыжні по фабриках, но ани сліда ниякого дзябу и ниякого счестя! Ани одного centa не нашла за цілый тот час! Уж ся ей здавало, што она певно до тых дівчат належыт, што не мают счестя, але скоро таку мысль от себе отганяла. А в дома уж ей перестали потішати. Няньо и мама не могли порозуміти, як то Мера не може найти дзябу. Што инше эмигрант, неученый и уж старый, але з високом школом американка! Не могло им тото в голові поміститися. Гнівачо уж на Меру смотріли и сварилися. Ани на стриткару уж ей не хотіли дати...

— Покаль не найдеш дзябу, ани centa ти не дам — повіл раз Мері няньо. — До 18 літ зме тя ховали и одівали и тельо гроша на школу выдали, та ищы тепер ты будеме задармо ховати? — нарикала мама.

Нич не выходило, лем даде службы глядати. Часом и на службі у богатых може мой “лак” быти... Пустилася Мера за службом. Але и тоту барз тяжко было найти.

Аж зголосилася до якоїсї християнської організації, за котрої протекцієм можна було достати службу у богатых. Коли тота організація дала писмо, свідоцтво, што дівча добре для служби у богатых, то мож было достати “гомворк” у богатых, а без такого писма не мож было достати. Достала Мера таке писмо и походила з ним по пару богачах, аж у едних взяли ей робити “гомворк”.

Барз тяжко треба было робити: 18 румов чыстити, начыня мыти, а вшытко мало світитися, бо то не так, як у бідных. А начыня было вельо. По каждой “парти” не мож было покончыти роботу. А платили за тоту роботу три доляры тыжнево.

Смотріла Мера на богатство, якого ищы не виділа: Перли, дияменты, золоты річы, дороги вазы, але николи ей не пришло в голову, скади онї того богатства взяли, лем все ищы думала, коли то она буде такы річы мати, коли ей “лак” послужыт.

Ищы перешла пару раз из служби на службу, от богачов до богачов, але нигде не усміхнулося до ней тото счестя, о котром читала в книжках. Як жебы дакто заклял!

— Уж певно на службі не мой “лак” — подумала раз Мера и позерала в газеты за иншом роботом.

Вычитала раз, што треба шумных, молодых дівчат для продаваня популярных товаров, без котрых никто не може обыйтися. Мож заробити \$30 и высше на тыжден.

И чом бы не попробувати? Може ту мое счестя — подумала Мера. — \$30 то великы грошы, помогла бым няньови и мамі и самой бы мі остало. —

Пришла до офісу. Просятся, ци отец, мати робит, ци маюť даякий маеток, яку школу мае. Видно было, што сподобалася боссови. Казал ей прити завтра, же завтра буде “тренуваня”, школа, як треба продавати, штобы продати и заробити.

На другий день Мера приходит, а там який дозин дівчат, котры пришли учытися, як треба продавати товар. Товар был розмаитый: Цигары, мыло, пест, розмаиты сокы, ажи якісы патентовы лікарства, перфумы и т. д. Дівчата мали ити по гавзах и так бесідувати, штобы ордеры достали:

“Вы, дорога лейди або сир, знате, який тепер час тяжкий, мой отец не робит, мати

не робит и лем тым жыеме, што я заробю. А як я не достану надост ордеру, то и я страчу дзяб. И што будеме втоды робити? Я знам, што ты не хочеш, штобы я стратила дзяб и штобы наша родина голодувала. Буд така добра, заордеруй дашто от мене! Такой товар наша компанія продае: Ту треба было вырахувати, який товар компанія мае.

От часу до часу босс придумувал иншу “систему”, иншы слова. Єден такой сиділ в офісі, што лем придумовал. Така компанія мае свой “чейн” по больших містах Америки. Таком системом продае массу товаров. Дівчата достають процент от спроданных товаров. Тота веце заробит, што знае ліпше росповісти біду в ей родині, ліпше поциганити костюмера.

Мера слабый бизнес робила, бо не могла циганити. Бесідувала правду, што отец не робит, мати не робит, родина у них велика, істи треба. Зарабляла при такой правді ледво пару доляров. Компанія далеко ліпше на ней зарабляла.

Но една айришка на правду зарабляла по \$30, але знала добри цыганити. Хоц отец робил, то айришка зробила з отца крипля и з мамы крипля, так знала забесідувати, так знала промовити до сердця костюмерам, што все найвеце ордеров принесла и вшыткых збитувала, а босс ей за примір другим ставил. Она нашла свой “лак” ту.

А наша Мера не мала сумліня цыганити. И здаеся до смерти свого счестя, о котром читала, не найде.

Тота айришка найде. Она всяди найде, а Мера не найде. Уж таке право на світі, што тоты, што цыганят, находят “счестя” на світі, а тоты, што не маюť сумліня цыганити, останут без счестя. Ба, але то и цыганити треба знати. Часом Мера хотіла бы поцыганити, а якіси ей не выйде, познаюť по ней, же цыганит. А по той айришкі никто не познат. Зато она находит счестя, а Мера не може.

Біда з Мером и тота, што нияк ей до головы не приходит, што против цыганства и ошуканства треба боротися всім тым, што не можут и не хотят цыганити других.

Ваньо Гунянка.

Образки из Жытя

О Людской Біді

НЕ БОЙТЕСЯ біды, моистевы дзяди, Як вас біда глядат, то вас найде всяди!— жалостным голосом співал сой Сидор Белей Постраханый и до такту хвіялися му помервены, як бы зо страху, до горы стоячы воласы и цибуляты, шыроко отворены, як бы в вічном страху, блідаво-сині очы.— До такту співанкы тряслася тыж суха, незмірной худости, на тонкой шыі, голова — до такту кывалося худе, костисте тіло, живе и пружысте. А як няньо так співал, до такту подтягали му діти, мала трілітна Зоска и малый, шырырочный Ваньо.

Не бойтеся біды моистевы дзяди,

Як вас біда глядат, то вас найде всяди!... пищали тонкыма, смутныма, дитинячыма голосами. А втовды в Сидорі Белею Постраханом стискалося, кырвавило и плакало сердце.— Сидор Белей был так худобный, же не лем в цілом селі, але и на околицу біднійшого хлопа не было. А ищы му жена умерла и діти сироты оставила. Сидор Белей ходил коло хыжы, як блудный. Кождой роботы ся імал, жебы лем діти выжывити, яко тако, ай в зимі кус огріти.— А сам такого дня не памятал, жебы был сытый. Не памятал такого дня откаль сам запамятал.— Бо родиче, ба, дідове, такы самы были бідакы, як и Сидор... — З такого мы проклятого поколіня!— думал Сидор Белей. Аж раз в осени, як вітер през шпары в Белейовой хыжы свистал, в Сидорі Постраханом дыргнуло сердце.

Вийт Николай Мудрый скликал хлопов на раду, Пришол и Белей и покорні стал за плечами вшиткых. А было то пред вийтовом хыжом на луці в неділю пополудни. Вийт, в чорной чузі, в новом калапі, з палицом, посмотріл доокола, отсапнул и так ся озвал:

“Моистевы люде! Скликал ем вас ту, бо

мам вам дашто речы. Штефан Гавран перед смертьом офірувал корову тювну, гарду, красяту, кто выробит святого Николая — жебы го поставити при Ровнях, серед села на бережку, ниже Ваныхы, при Петрі Пастушку.

Тото місце здавалося небощыкови найліпше, а мене, нибы вийта, обрал екзекутором своей волі...

Коли ту святой Николай стане, запросится егомосця, што го посвятит. Небощык Штефан Гавран офірувал, на тоту фигуру святого Николая, здатну ялицю зо свого ліса. Уж ест заціхувана. Тоту ялицю ся зотне, окреше и привезе, але ци ест ту, медже вами, еден, жебы выробити святого потрафил?”

Никто ся не одозвал! Ктожбы ся порывал на таку річ. Виділи люде фигуры по церквях, при дорогах, на отпустах там и гев, як дакто даде был-смотріли на святых, ци на матер Божу, але як, кто, и где тото выробил, о том не думал никто!— Была фигура и дост!

Аджек никто ани мурк!

—Но— гварит захвально вийт— корова шумна и тювна— А я сам додам до того два кирці груль.

Вийт Николай Мудрый был барз богатый.

—Я дам барана— озвался його брат, Фецко Мудрый, тыж богач.

—А я причыню корец овса! гварит Михал Гольый.

—Я полкорця ярцу!— крикнул Семан Бабей.

—Я друге пол!— вырвался Илько Дудана.

—Я паця на мотузку!— рюк Михал Мохнацкий.

—А я штуку полотна, бо знам, же го там баба ма!

—Я дам дуляра сріблом!— повідат Ваньо Кушварка.

— Є, та то не ты, лем тот, штос му гозвзял!— засміялся котрысь, бо Кушварка был знаный, же любил потягнути и выциганити...

Засміялися и хлопи и, не хотячы, посмотрили вшиткы ку Старому Осифови Телехови, што го прозывали Мотыка. На десят сел в около был найбогатший газда и не лем же на великом грунті сидил, двіста овец и пятьдесят штук грубого статку ховал, але з прадіда, діда и отца, и з власной молодости, с крадежы мал мати бочку пінязи в пивници, а тепер хотіл кус выполокати сумліня... Але и пышний бил.

Смотріли на него газдове, а Михал Голый зазвідался:— А вы Телех?—

Я— гварит Телех, помалы думуючы, жебы то поважно выглядало, ажебы люде втишылися и зацікавили, яку то офіру Пану Богу ведля свого гонору даст.— я, гварит, дам десят царских рублів!—

Вшиткы остопіли! Зробилося тихо як бы маком сіял...

—Но, кто ся чує на силі зробити святого Николая?— звідуєся вийт.

Але никто не рюк слова, никто ся не чул на силі зробити фигуру, аж нагло, споза вшиткых плечы, трясучым якбы бідом выдушеным голосом, крикнул Сидор Белей:

—Я!

—Кто? Кто?—

—Сидор! Белей! Сидор Постраханый— отповідали...

—Белей? Сидор?— здивовался вийт.

—Я— гварит Белей.

—А здоляш ты?—

Белейови никто не двоил, бо был бідный.

—О! штожбы не здолял—повідат Кушварка, бо му кус жаль было Белея, же в такой біді жыє, хоц го уважал за бортака, бо не раз го на крадіж нагварял, а Белей не хотіл.— Штобы не здолял? здолят!

—Здолят, здолят,— одозвалися дакотры.

Преця Белей вшитко пробує! И за коваля и за бланаря и за дротара! Зробит!

—Но, вера, як кто ма заробити, то уж най бы заробил Белей—рюк Голый.

—Гей!— мрукнул Фецко Мудрый...

—А вы— Телех, як гварите?

—Є, штож-бым мал гварити? Най там ро-

бит, кто хце. Мі едно. Тому ци другому дам. Як Белей зробит, то його!

—Но то знаш— гварит вийт— завтра зотнеме ялицу.

—А где волиш робити? У мене, ци коло своей хыжы?

—О, при своей хыжы, при дітьох—отпвід Белей.

Хлопи были ради: Найперше были ради, же найбідніший, и то ищы такой страшный бідак ся вспоможе, подруге, же такой, што му и заздросити нее што, а на конец вірили в Белейв талант. При том ради были, же то в них, во власном селі, такой ся нашол, што таку річ змайструє, же не треба по иных селах о такого ся старати, або ажи в місці даде поляка глядати...

—Ге, Белей бідак, але презто голову ма!— повідал Михал Голый.

—Біда го вшиткого научыла— повідал Фецко Мудрый.

—На вшиткы способы—

—Ей хлопе, але оно го тота біда притискала, притискала.

От маленкости! Преця го виджу. Мі уж на штырнадцетый шло, а Белей такой хлопок в кошели літал, порток му выбачте, не шыли, бо не было с чого, а як му кто кус адзимкы або грулю варену шмарил до горы, то вповітря зымал, як пес...

Бо то страшні голодне все было а бідне.

—Но, але тераз ся отгребе! То шытко нич. За тоты десят рублів Телеховых, то сой и поле купити може.

—Баяк?! Купит, ищы кавал!

—Скончылася Белейова біда!

—Хоц добри зіст...

—То нич, лем же то Панбиг небощыка Гаврана так натхнул...

—Може! Але то, знате, и Телех добри робил, же крал; штожбы бідному дал?...

—Красти можеш, але дай! Таке ест Боске право.

—Ано, вера таке!

А Сидор Белей ходил, як пьяный, як бы в яком тумані злотом...

Корова, теля, два кирці груль, баран, корец вивса, два по пул корця ярцу, паця, штука полотна, дуляри— Сидор Белей сам пред собом выповісти не годен—десят Теле-

ховых рублів, десят рублів золотых, царських рублів.

Белей нігда срібного дуляра не виділ, не то золотого рубля — а мал достати таких десят.

Десят!...

Коли пришол до хыж, Ваньо и Зоска сідили на порозі.—

—Діти!— крикнул Белей — Будеме мати корову, теля барана, паця, два кирці груль, корец вивса, два по пул кирця ярцу, штуку полотна, срібный дуляр и десят Телеховых царських рублів!

—Діти!— Але діти не розуміли нич.

Перша Зоска завідала:

—Што будеме мати?

Але Белей уж не повтарял, што будут мати, лем порвал ей на едну руку, Ваня на другу и зачал то едно то друге цілувати и притискати до лица; на конец з велькой радості обернулся на пяті и заспівал:

Повідають люде, же я не мам поля,

На Червеном Вершку - половина моя!

И зачал сміятися, ногами цупкати, подсакувати, головою трясти, аж ся Ваньо розсміял, а Зося престашена, расплакала.

Белей шмарил ей на постіль, як пьяный—нич не уважал, же на вечерю зіл лем еден студений компір, бо веце для него не остало.

А вночы сніло му ся, же коло него такы великы карпелі роснут, же хлоп по них мусит на каракулях ходити...

И рано ищы веселый обудился, якосик не роздумал собі ищы, до какой работы ся зыднал?

Гучало му в голові богатство, што мал достати, а позатым на нич веце не мал місця в голові. Ходил, як блудный коло хыжы, не іл нич, што лем дитьом яко тако поснідати дал.—

Нагло, перед полуднем, пара гнідых вийтовых кони заіхала.

Привезли окресану ялицю на Святого Николая.

—Берже ся дораз до работы— повідат вийтів паробок и звалил трома пред хыжом Белейовом.— Вийт казали повісти, жебы то гнет было.

—Буде— отповіл Белей.

Паробок зложыл телігы, попривязував

ланцы, сіл на сниці, цвікнул бичом по подручнім и рушыл, співаючы.

Ей откаль идеш хлопче? З долины от кони!

А хоцбы от дівчыны, ктож мі заборонит!—

Пришол Ваньо и пришла Зося и станули коло ялового трома. А и Сидор станул тыж.

Кльоц был окрутный, окресанный, олущенный, білый, свіжий, пахнячий.—И дивно, здавалося, як труп. Сидор уж тельо таких кльоцов виділ при будовах, тельо ся по лісах людем напрацувал,—и нігда ся му кльоц не здавал так мертвый, як тот.

Хтіл го ногом рушыти, але ся цофнул, преця то мал быти святой Николай. Доткнул го руком, здал му ся зимнійший, як иншы, якы нераз дотыкал.—

Зобрал го якоси страх аж го затрясло.

—Нема дивоты—подумал—тот то святой..

Смотріл Сидор Белей на трома и зачал собі вспомянати, где яку святу фигуру в церкви виділ.—И припомнул сой молоды літа:

—Ани так не иде Тиса ани Дунай

Як то дівча иде - кед го веде шугай!

Ваньо и Зося смотріли на ялицю, як на диво, аж Ваньо звідался.

—Няню - Што то?

—Святой буде—отповіл Сидор.

—А што то святой?

—Святой,— дзецко,— то святой!

—А — повіл Ваньо, якбы зрозуміл.

—Няню!—одозвалася Зося.

—Што дитя?

—Істи!

—Істи?—А ту в хыжы не было нич. Пару груль варилося на обід, але ищы суровы были.

А веце не было нич.—

Взял Сидор Белей Зосю на руки, притиснул до себе, а горячы слезы вытискалися му з очы.

О, мое бідайство! Знаш, в том тромі яловом маіток лежить! Уж не буде Зося нігда голодна, не буде ей нігда зюзю, приодіта буде! Нігда! Нігда!—

И заплакал з болю над бідом своих дітей..

—Няньо плаче— зауважыл Ваньо.

—Плаче— повторила Зося.

А Белей поставил Зосю на землю, скочыл до хыж, выгребал десик кавалок адзимкы,

дал ей до руки и дале смотріл на кльоц яловый.

Смотріл, смотріл, и не виділ нич!

Жебы лем вийтов паробок заспівал!— Як лем чул здалека голос, здавалося му, же не так страшно з тым святым спячым в яловом кльоці.

—О, ту ест святыи Николай в том тромі, але як го достати?

—Гм! треба буде так само зачати, як зо жолобом або з лавом под стіну... Одміряти и робити...

—Ба — але як?

—Жолоб — то жолоб, а лава — то лава...

—Але ту треба голову, руки, ногы вытесати... Треба вытяти очы, нос, гамбу... А ищы то не хоц-як, бо то у святой особы, и кед бы то лем хоц який святыи, але то перший святыи з самого переду.

То тельо праві, што и святыи Осиф, а не який там Асафат...—

И клякнул Сидор на коліна, знял калап з головы, прежегнался, и на голос зачал молитися:

—Исусе Христе, Сотворителю, допомож, жебым с того трома святого Николая выкресал! Амин!

Потом встал, одгорнул волось с чела и шепнул сой:— Не Святы горці ліпят лем люде.

Вошел до хыжы по сокыру, по свердлик, долото и пилу, по вшытко зная, яке мал, бо сам не знал, што му до той работы потрібно буде.

На обід скочыл грулі отцідити и дитьом дал, а потом кресал, тесал, пилом різал, мірял карбувал до заходу сонця.

Змордуваный, ззяяный — шмарился на постіль.

Оприкрена бо оприкрена работа, але добрый конь рушыт и найтяжшу фуру сіна... А зрештом як мус, то мус!

Ваньо и Зося спали притулены до себе. Ваньо заснул з надгрызеным компером в малой ручці.— Лежали діти скулены под діравом плахтом. Ноч была зимна.

Знял зо себе Сидор Белей гуньку, коротку білу гуньку, бо иншого не мал нич, и поприкрывал ньом діти.

Сам зостал в сердаку.

Але позднійше знял осторожно гуньку з

дітей и прикрыл их сердаком, жебы им было теплійше под волном.

Зачало му ся дримати, а ту діти рушаються. —Ваню! — шепче Зося.

Ваньо спит.

—Ваню! — шепче Зося голоснійше.

—Што? обудился Ваньо.

—Дай мі тоту грульку, што ей тримаш в руці.

—Добри — маш...

—А я ти дам з ней половинку.

—Добри — дай!

Сидор Белей заткал уха руками и отвернул твар ку стіні. Сердце! Вытримай! сердце! стогнал. Заснул твердо, нич ся му не снило; пред свитаньом обудился, клякнул, пацери выгварил, омился, знял деликатно сердак з діти, бо на дворі холод был, а гуньком зас их накрыл, трісками запалил в пещу, сніданя заставил и дораз до работы ся взял.

Мокрый кльоц от росы шарился в ранішней мглі.—

Густа мгла присіла, збералося до дощу, уж покус ситило. Але Сидор не зважал на дощ. Хватил за сокыру и дале ведля знаков, што навыверчал свердлом, зачал цюпати.— Слота зачыналася поволи, якто звичайно быват, переходила в лій.

Але Белей цюпал дальше.

Аж, на порозі, станул Ваньо в кошели и зачал кричати: Няню! няню! Так дощ ліе, подте до хыж!

А за ним выхылила головку Зося:— Няню! так ліе, подте! Але Сидор лем ся усміхнул до діти, руком им кывнул, жебы ся цофнули с порога. Рубал, тесал, а до святого Николая ся молил, жебы тот лій устала. И од полудня якоси вітер хмары порозганял и сонце зъявилося на небі. Велька радость и охота хватила сердце Белей. Небо ся вытерло, сонце вышло, святыи выслушал его просьбы и выпросил Боску Моц о погоду.

Хоц вода текла зо Сидора, різал и пилувал з дубельтовом силом. Уж почало выходити штоси з того кльоца, што му ся здавало, же то голова святого.

И зышло ищы два дни, аж под вечер на четвертый день святыи Николай был сконченый. Так оно ся здавало Белейови. Требало го ищы помалювати, але то глупство. Волосы на біло, бороду тыж на біло,

брови на сиво, очы сивы, лица ружово, варгы на червоно, одіня на фіялково, руки и ноги на оріхово.—

Дораз зрана пиде до вийта по грошы, а накормившы діти, до міста по фарбу скочыт.

* * *

Той ночы мал Сидор Белей крас сон. Снило му ся, же святий Николай, през зелену, квітисту луку ишол, и двое его діти за руки провадил. Ваня по правой стороні, Зося по лівой. Діти до него усміхалися, а зас святий Николай гладил их по головах..

А сонце таке было ясне, же такого сонця Сидор нигда не виділ. Была то неділя тиха и погодна. Ишол святий Николай з дітми през луку, што раз дальше, што раз выше, аж ку облакам, ку ясним, и зникнул деси в хмарах.

Збудился Сидор Белей, охотный и веселый.

Наказал дїтьом, жебы от хыжы не отходили, повіл им, где мают наварене ідо и пишол до вийта.

—Слава Иусу Христу!— озвался Белей и знял покїрно калап.

—Слава во вікы — Но и што там? зазвідался вийт бычим голосом.

—Святий готовый. Пишол бым по фарбы до міста.

—А вера! О фарбах ем чысто забыл! а кельо то треба?

—Ци я знам? Треба жовтой, білою, сивою, фіялковою, червеною и оріховою. Дас-шист фарб треба.

—То дуже.

—Є, та хоцкы лем на оріхову на одіня.

Вийт сягнул до калиты, добыл три коруны, дал Сидорови и гварит:

—На маш, а як дашто зостане, то вернеш!

—Ано так! Зостанте здорови! поклонилс вийтови низко и пишол вперед себе.

Накупил фарб, яких тра было.— Голод му кышками крутил, бо сой с хыжы нич не взял, а хоц му зостало дві шусткы и три грайцары, не сміл вийтовых пїнязи рушыти. А в місті было тельо обарянцив, цясток, бомбонів для діти! В том самом склепі, где фарбы брал. Три разы Белей улицом выходил и три разы вертал! На конец не мог преламатися и купил дїтьом бомбонов за три грайцары вийтовы.—

Постановил, же вийтови повіст, и же му

верне зо заробку за святого.— Цілу дорогу о том думал, а коли на подвірю пред вийтом станул, бракло му отвагы, и не повіл.—

Вийт попризерался на фарбы, покывал головою, одобрал решту грошы, дві шусткы, але же виділ на Сидори замішаня, зазвідался:

—А кельос дал?—

—Дві коруны и три шусткы.—

—Не циганиш?

—Ніт....

—Я ся там зазвідам у Мошка на другу пятницю в ярмарок — рюк вийт.

Белей ся кус затряс, але скоро подумал, же до пятниці уж буде мал грошы за Святого Николая, 3 грайцары верне вийтови, а ищы му и палюнкы поставит, и залагодит го.

— Но уж ид — озвался вийт думно, и отвернулс.

—Зостанте з Богом!— повіл несміло Белей.

—Боже провад!

Ніт! ніт!— Як то Зося вытягне обі рученята до тых бомбонов— як Ваньо ся втішыт!

Ніт! ніт! Най там буде, што хоче, ліпше зробил же купил.

Преця не вкрал лем пожычыл... Верне— ищы вийтови палюнкы заплатит.—

То так буде аж с процентом— ищы з яким! И вытягнула Зося ручки до бомбонов и втішылся Ваньо.

—Добры— гварит Зося—

—Солодкы— гварит Ваньо.

—Няню, то бомбоны?—звідуєся Зося—

—Ци то ся сіє, а потом росне?—звідуєся Ваньо.

А Белей все им давал и давал, аж в паперіку нич не было.

—Нее веце? звідуєся Зося.

—Няню, дайте ищы!—просит Ваньо.

А коли Белей пишол до сусіда пожычыти пару горнят варити фарбу— Зося повідат смутно:—“нее веце”—а зас Ваньо гварит: “Треба было два, або пят посадити, тобы на другу яр выросли...”

Белей вернул з горнятми, заварил фарбы, и на другий день аж до вечера малювал святого Николая. А погода была акурат шумна, же святий высох на дворі.—

А коли уж фігура до знаку висхла, втовды Белей пішов до вийта ознаймити, же роботу покончыл. Было то в середу, а на другий день, в четвер, выпадало свято, и вийт обіцял прити, обызріти святого.

И, пополудни, вийт, з найповажнійшыма газдами, вошел на подвіря Сидора Белея. Кльоц вытесанный з ялиці, нібы святыи Николай, стоял на округлой подставі, што му Белей нароком спорядил.—

Посмотріл вийт, посмотріли иншы газдове и нагло розсміялися вшыткы здоровым, окропным, коньскым сміхом...

Сміялися, аж ся им калапы трясли.

Мудрый, Телех, Кушварка—сміялися голосно и широко....

А зза порога хыжы, зза вхыленых двери, выздріли ку ним престашены и здивуваны Зося и Ваньо—и зас ся скрыли.—

Як ся уж газдове нареготали до сыта и поправили ремені, зазвідал вийт Белея, блідога як труп:

—Што то ест?

Белей, як ся зачали сміяти газдове, найперше не розумід нич, и перший сміх уважал за добрый знак.—Але тепер зрозумід документні.

—Штож то то ест?—повторил вийт...

Напротив тугых, добри отхованых, грубых газдов, под високом фигуром святого Николая, стоял малый, мизерный и худый Белей и трясся на цілом тілі.

—Што то ма быти? третій раз повторил вийт грозно.

Белей хтіл штоси повісти, але му голос застряг в горлі, рявкнул лем, як німый.

—Што, цис скаменіл, ци што?!—рыкнул вийт.

—Гадай ту дораз што то ест?!

—Святыи Николай—выцідил Белей.

—Яловый кльоц помалюваный, не святыи Николай, сомаре еден!—гукнул вийт. Де пінязі—штом ти на фарбы дал? Што?—То ем ти на то дал—жебыс нима яловы тромы фарбувал, га?!

Белей зо страху корчылся пред вийтом...

—Змарнувал ес Гавранову ялицю доцяп!—одозвался вийтов брат, Фецко Мудрый.

—Тоту, што небощык на фігуру офірувал.—повіл Голый.—

—Пошто порывашся до работы, як ей не розуміеш?!—кричал Мохнацкий.

—Басаркутя! Просил тя кто о то?—крикнул Дудана.

—Гей! Гей! Просили мы тя, говедо, гамане еден, голово сомарска?!—гучали хлопи.

Сидор Белей трясся зо страху, бо думал, же го будут бити. Тоты самы люде, што з охоты офірувати хотіли вивса, груль, ярцу, барана... Белей посмотріл на Телеха, бо тыж был в куті, посмотріл на него милосердно, жалостно, як кот, што го хлопці псам хотят шмарити, бо Телех не сміялся, як иншы. Але Телех сплюнул:—тфу! отвернулся и пішов дохыж.

—Но што буде?—озвался Фецко Мудрый.

—Штож бы было?—отповіл му брат, вийт.—Белей ялицю заплатит, грошы за фарбы верне, врубятся иншу ялицю в Гаврановом лісі, и дастся до міста святого зробити. То мусит быти, як амин.

—Мусит!—загучали хлопи!—Воля небощыка свята річ!

—Гей, Гей! Воля небощыжа в дестаменті стоит!

Белей смотріл то на газдов, то на святого Николая и світ му ся в очах обертал наоколо. На конец, повідат:—Якже я вам ялицю заплачу? С чого?

Не змякли хлопскы сердца, але задумалися их мозгы.—

—Но правда,—повідат Голый.—С чоґож заплатит? коли дзяд!—Вера, потвердил Семан Бабей.

А втовды вийт Николай Мудрый завYROкувал гонорні:

—То нич! Отробит то вшытко у мене, ай за тоты грошы, што на фарбы взял. А тераз буд здрав, дзяду! Шкода часу!—

Втовды мала Зося высунулася з за угла, з бомбоном в гамбі, котрый на несчестя деси нашла...

Вийт виділ тото,—и руком показал на дзецко.

—Смотте-ле хлопи!—Белей бідак, бідак—а його діти бомбоны жрут.

—Га—отвернулся нагло ку Белейови, га!—Ци то не за тоты грошы на фарбы, га!—

Белей здеревяніл.—

—Смотте як зблід!—кричал дале вийт.—

Гадай— откаль ес взял на бомбоны дітискам?!
Белей ани слова не годен был повісти.

—Но, откаль?! от фарб? Сякіст една! Кельо ес вкрал?!
Нагло вийт, не знати з якої причыны, змінил голос, перестал кричати и повіл с повагом.

—Но, кельос взял, то твое. Лем мі уж до роботы не ход отрабляти— жебыс мі ищы дашто веце не потягнул!...

Втовды Белей хватил вийта за ноги:
—Пане вийте, пане вийте, скомлил—на раны Христа! Нич ем не взял, лем три грайцары! Най мі даруют, най ся не гнівають! Тит мои діти ищы нигда бомбонов в гамбі не мали, лем тильо, же у инных діти виділи. Най мі пребачат, преця я нигда злодійом не был, ани не буду...

Пане вийте! преця мате діти и знате, як то ест?— Дзецко—то дзецко!... Кров быс му дал спод сердця... Пане вийте, я тоты три грайцары отроблю дубельтово...
Але гордый вийт отвернулся— а за ним

и другы газдове, же то з вийтом тримали. И одышли.
А Белей зостал клячучы при яловом тромі.
Руки зложыл, як до молитвы, голову похылил ку земли.— Долго клячал!
Аж Ваньо звідуеся: — Няню, а што тоты хлопи тельо набесідували?
Белей ошаліл. Як был без калапа, без гунькы, зорвался— и летіл просто в ліс. Не уважал на потоки, на горбки, на камені, лем гнал.

Гонила го жалость и боль... же го зас будут поневірати, як дзяда— же зас буде го дусила біда, голод и холод.. А діти, діти, неодіты— завсе голодны— смутны, найбіднійшы діти в селі...

Нагло Белей упал на землю не долетівшы до ліса— з згрызоты сердце му пукло— упал мертвый!... Поховали го на кошт громады.

В Белейовой хыжы остали дві сироткы.

3 гуральского переоначыл

РУСЕНКО.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Закопанный Талант

Кермеш.

ОНЦЕ сідало за ліс, за Гомольом, остатнима своима лучами освічало лем верхкы гор. На село легла тінь. Звуки вечерного звона замолкли. И остатни люде перешли уж на вечерню.

Каждый днес старался быти на вечерни, бо лем раз в році може видіти тоту отправу— тот парастас, што при вечерни, на кермеш, правлят егомості за помершыма егомостями при той церкви. Зато каждый старался вытягнути своих, хоц и пняных, кермешников.

Як уж мала вечерня кончытся, наш егомость позвыносили з поза олтаря всякы блескучы церковны річы и розложылися з нима на тетраподі серед церкви. А потом вышло пятох егомостьев в блискучых ризах. Поставали в коло, и як зачали співати и кадити зо всіх сторон, та аж люде чудувалися, откаль они такы крас голоса мают. А еден меже нима был такий молодичький

и шумный, што Боже-га. Волося высоке, чорне и кудеряве, лице здорове, румяне, а борода выголена, просинява, аж мило было смотріти.

Вдова Мелька Крилиха стояла на самом порожку, поперед баб. Слухала она жалобного співу егомостів и призералася по них. Не вытримала... Заболіло ей штоси коло седця, обгорнул ей жаль, и расплакалася голосно. Обступили ей бабы, але она закрыла твар фартухом, внурилася ку земли, и ищы сердечнійше заплакала. За ньом почали хлипати и другы бабы.

Никто не знал причыны Мелькиного плачу. Кумы и сусідкы ради бы дознатися, але то было трудно. Люде лем догадувалися и на всякы способы тлумачыли си. Бо чом бы не мала плакати? Три рокы тому лишыл ей небощык Максим, ищы молодом вдовом. Найстаршого сына мусіла оженити молодым,

неполнолітним, а два молодшы роблят при газдовці. Зато єдны не чудувалися. Другы думали, же за небощыком егомостью, што змерли тому два роки, а з Мельком в сусідстві барз красно заходилися. А тепер егомості своима співаючыма голосами, раз за разом выпоминали их имя. Треті зас перешептувалися, же ма жывана невісту, и же сын ей бе. Но напевно никто не мог повісти. И ей свахы, Марина и Орина, хотіли от ней самой почути, чого она так рос жалилася.

Причына Мелькиного Плачу.

По вечерни пришла Мелька домив. Розобралася з недільных лахов, вышла под стіну коло дороги и сіла на лавочку задумана. Ни отталь ни оттамаль присунулася к ней Орина сваха и сусідка Марина. Пришли они зо своей бабской цекавости дознатися дашто.

Не сміли одраз звідатися, зато зашли бесідом далеко, так, же пришло до того, што Орина звідалася: . .

—Але вы чогоси свахо сте днес расплакалися, аж людьом ся вас жаль зробило, а Улька с под берега и веце баб расплакалися за вами. Та чого сте так плакали?

—Боже!. Боже.— Прорекла Мелька плаксивым голосом, а слезы покачалися лицом. —Яка то радость видіти матери свого сына в ризах, при олтарі. Днес, як поставали разом — як золото. . А як заспівали. . Ой. . Жебым так могла як не можу, мусіла бым дати єдного вывчыти. Остатню кроплю своєї крови не жалувала бым. Была бы пред Богом заслуга и перед людми честь. Уж бым спокійно и умерти могла, лем жебы хоц раз видіти свою дитину в ризах перед престолом.— И зас на голос расплакалася.

Перегваряли ей бабы. . Втихомирилася на-конец и зачали бесіду о иншом.

На самом примерку, дрындом зоза угла, вылетіли уці и коровы, втікали они перед выстрілами бича. То Митрусь, наймолодший сынок Мелькы, пригнал коровы с поля, а порожне цідиля перевішене през плечы висіло му по коліна.

Лишыла Мелька бабы, а сама поспішыла помочы повязати Митрусьови коровы.

Мелька скорше повязала на своей стороні, перешла до Митруся и, при жолобі, обняла го мощно и поцілувала в чело под самыма волосами. Давно го не цілувала, што аж Митрусьови чудно ся зробило. Вырвался ей з рук и вылетіл на двор.

Днес Мелька была преполнена новым духом. Она постановила штоси зробити. Никому не повіла, лем роздумувала. .

Мелькина Постанова.

Ноч была ясна и тиха. Легкий вітер шуміл пожовклыми листками на деревах. До села доходил лем глухий виск сов з недалекого ліса. Місяц с под стріхы зазерал през выгляд до хыж. Старалася Мелька заснути, але не могла. Встала она серед ночи, сіла на лавці и без выгляд призералася на місяцом освічену обору, а мысли, што раз то новы, родилися в ей голові.

Поперед очы привиджал ся ей Митрусь в яскравых ризах при престолі. Такий молодицкий, як и тот, што днес был в церкви, с кучерявым волосьом. А голос у него красчудный, чуе його співу, а люде чудуются. Видит Мелька, як во сні, славу от людей, на сердци облекшыня и боский спокій на свои стары роки. . .

И лем жаль ей робится товды, як озрится на Митрусьову постіль и видит го не в ризах, а маленькым, обдертым, с позбиваныма пальцми хлопцом, што спит собі спокійно и не сніеся му нияке чудо, ни кадила, ни клеванія.

Хотіла бы го ищы раз обняти, стиснути и поцілувати, але жаль ся ей робил будити страпленого от літаня за коровами хлопця.

Уж на рано можна было зараз познати, же Мелька не тот, што перед тым. Митруся уж не будила перед доиньом, лем прикрыла го, бо ся скопал. Подоила коровы и збудила го уж на переварене молоко. Перший раз Митрусь ишол на поле по теплом сніданю. Помогла му обутися; от днес цідиля было полніше, точанка на масло векша и бундз брынді векший. И днеска перший раз Митрусь выгнал коровы зо стайні найпозднійше.

Такой перед полудньом зімала Мелька найтукшого когута и загородами понесла

до учителя. Оповіла му о своем намірі, дати Митруся до высших школ, и просила жебы учитель старался ліпше о Митруся, як о други діти, и приватно го учыл, а Мелька зашпарує зато для него каждый тыждень літру масла, и дашто доплатит.

И дакой днес перший раз перегварилася зо женатым сыном о сплату для Митруся. Мало им до сваркы не пришло.

О пару дней Мелька побесідувала през плот з егомостью. Похвалили ей егомость за ей мудрость, а як буде в школах, егомость обіцялися дати всяку пораду. И учитель и егомость учыли ліпше Митруся, але Митрусь все менше знал, як други.

Приготовлялися уж в домі Мелькы цілый Божий рок, складали, ошаджували, лем жебы пришпарувати, бо по вакациях Митро иде до школ. По Петри выпроводили пару волов на ярмак, на покрьта першых выдатков. З великым трудом наконец далося усадовити Митра в місті, в "украинской бурсі." Выдали великы грошы одразу на всякы покупкы и оплаты. Заплатили за книжки, студентске убраня, и станцию з горы заплатили и ксендзу настоятелю што-си вштурили. Потом почали старатися о новы грошы. Братя ходили до ліса. Цілу зиму пересідили в лісі. И с приховку продавали што могли. Доносили до бурсы и свои харчы, але все бракувало, все мало было, хоц в домі Мелькы з рока на рок што раз пустійше ся робило, и все больше усиловалися в роботі. И недостаток в домі уж отчували.

Митро в Школах.

Планно учылся Митро, барз планно. Рок рочно все клясы дубельтувал, а оправдувал себе лем тым, же його палят в школі прото, же руснак, а до того бідный, не ма чым подсмарувати себе в школі, не ма за што достати ласку у профессора. То было што до его жытя в місті.

Але на селі, в студентском мундурі, уж был не тот, што други діти. Тото зараз каждый мог зауважыти. Уж кус панячо бесідувал, инакше як люде в селі, инакший рух собі виробил и инакше ходил, як ходят на селі. Тоты його признакы паньства веце тішыли родину Митра, як його поступ

в науці. Мелька, коли Митро пришол на свята або вакаци, лем за ним позерала, где и як он иде, як поносится, як бесідує. Як други діти го обступили, то Мелька кликала сынов и невісту призритися и поровнати, яка разлица меже ним а другыма дітми, а сама в души оцінювала го, як оброблений диямент меж не окресаным каминьом.

Чудувалися на него люде и хвалили го. Мелька не мала векшой радости, як дакто зо стороны го хвалил. Цілу родину тото побуджало до двиганя труда, до дальшого терпіня, жебы лем удержати го в школі.

Бо лем си подумати о том, же деж-то друга дитина може? А Митро и на клеканію мал уж претенсию зайти, и с почтаром побесідувати, и шандаря не боялся. З будь-якым паном побесідувал, а пан з ним. Наш егомость, отколи Митро почал учащати на клеканію, плекали надію на Митра, бо у них были дівчата. Може ся запознают и даколи, кто може знати?

И бесідували егомость з Митром на всякы темы. Радился раз Митро, где, як, и чогу ему треба бы ся было чепати. Раили егомость, же найкрасше для него буде, як по окончению гимназии поступит до о.о.Василиянов в Жовкві, на практику. До того не могли перехвалити того міста и дуже му о Жовкві оповідали, якы там монастыри и якы церкви. Єдна ест чудова церква малювана в чысто украинском стилю, взорами крестиковых вышивок. А иконы святых малюваны в украинском народном строю, з вышивками.

Не сміл Митро звідатися, ци свята сут малюваны в шараварах козацкых. А егомость лем так не выразно повіл. О той самой церкви росповідал Митрови и настоятель бурсы, тот маленький егомость в окулярах. Тот настоятель выучыл Митра цілой украинской истории и культуры, о значеню и силі католицкой церкви, и для Митра запремерували массу всякой литературы, журналов и газет, с чыстых украинскых "джерел."

Єдно, што гнівало и злостило Митра, то вакаци дома, бо не было нияк раз рады кому с коровами ходити и мусіл лем Митро, а то встыд студентови гнати худобу! Воліл под землю запастися, як встрітити даякого

пана, коли сам гнал худобу. Та уж, што было робити, годился навертати на поли, але жебы мама або дакто выгнал за дорогом. Зато на едны вакації не пришол домив, лем просто з бурси поїхал з другим студентом, ксенжым сыном, деси в другу околицю, а потом прилучылися до якоїси громады украинских туристов-шкарлятников. При той громаді стратил Митро остатни сліды свого жытя в селі, стратил совсім тото огниве, котре вязало го зо жытьом його родного села. В часі тых вакацій отвязался от жытя свого народа раз на все.

Гляданя Міста на Будуще.

Ажи в святом писмі деси стоить, жебы на всяку річ уважати, жебы уважати на талант, же як дакто хоче го откопати, мусит знати як, бо як не зна, то ищы глубше закопат. Здавалося и Мелькі, же Митро, через свою науку, выробит свой талант. Найліпшым талантом она уважала лем священника, зато не позволяла Митрови ани думати, ани не дала розвиритися Митрови по його таланту, по його волі и здобности, лем все наводила го мысліти о духовном стані. Зато з Митром сталося так, як стым талантом, котрый откопують, а не лем не откопають, а ищы глубше закопають.

Мал уж Митро 6-ту ци 7-му клясу гимназии. Як раз в тоты часы нашы села на Лемковині почали переходити на православию. Уж велика част перешла и рух робился дальше. Роздумувала Мелька, якбы ту поступити з Митром. Бо она лем егомостью конечно хотіла видіти свою дитину, бо и во снах виділа го егомостью. И то, жебы был в наших горах, меже нашыма людми. Страх был, як ту ціла Лемковина перейде на православию, то Митрови и парафія розорвесе и боротися буде мусіл з народом и жытя буде му тяжке.

Друга, не менше важна річ, то нове розпоряджыня епископа Коциловского о безженстві священников, т. зв. целибат. Перестал высвящати женатых богословов. Тото не подабалося найбарже Митрови, бо он чул себе здоровым чоловіком свободной волі, не хотіл безженством змарніти свое жытя. А и сам наш егомость, лем зачудувалися на

тото, уж не знали, што дораджати Митрови, бо Митро был гет залюблений до паннусі...

Пришол тепер на вакації домив. Вшыткы радили дома, як мають поступати, Митрови почали гніздитися всякы мысли в голові. Передумал пару неділь над тым, але не мож было нич придумати, ани ниякого выходу найти.

Єдною похмарной неділи додня выбрался Митро зо старшым братом до Перункы, бо там мал мати службу православный батюшко. Хотіл Митро посмотритися и затягнути да-якых информации.

Отправа была под сливком; дробный дош ишол. Люде помокли. В часі службы взял Митро чытати-вірую, и штоси инакше, не по православному прочытал. Озрился на него бородатый батюшко и штоси остро пробормотал. По дорозі домив оповіл брату, же они не вірят в тоты вшыткы догматы, якы узнае католицка церков. Правда, и сам Митро не розумілся на догматах, засадах вір. Он знал лем, што значыт слово "догмат," але так го научыл настоятель бурсы, так писали и тоты газеты, што за Митровы грошы для него выписували.

Дома Митро на розум заявил родині, же он не буде по под сливки отправляти, ани бороду носити и православным не може быти. Та и решта всі дома признали, што православны не мають такой высокої науки и повагы, як католицкы. Он мог на православного ити с третьей клясы, а не з шестой. Шкода тепер принимати по тилькой науці и труді посаду такой низкой позиции. Біда лем тота, же в науці приходило Митрови уж дуже трудно ити в гору, а с финансами уж были доцяп вычерпаны.

Але обрадили ищы дальше пхати што сил и што буде — най буде. Взясся Митро за книжку, жебы ищы пробувати щестя. Може удастся перепхати матуру, а богословскы школы уж му не страшны. Уж брали домив прати и прасувати, жебы не платити в місті, и хліб доносили и дырва, и нагороды лем в натурі довозили.

Мал едну способность Митро. Велику способность, котру, якбы не мама, Митро старал бы ся розвирити; а то тоту, же любил співати, бо и голос у него был сильный и звучный, и добрый слух в музиці. Коли чытал в цер-

кви апостола, то люде напружено слухали а родина и близкы кривны слезили от радости, який то з него крас егомость буде! Аж шыбы в церкви звонили.

Раз был в церкви, под звоницом, диригент містового хору и чул його голосу. Коли вышел с церкви, звідувался, кто то так красно читал апостола:— Тому чоловіку— гварит— треба ити на музичный университет и може потом співати в опері, або по радио и може мати добрый кусок хліба. Таки голоса трудно встрітити.

Тішыло тото Мельку, же пан так выразил-ся о ей сині, але не припустила го до хыжы, жебы не перебунтувал Митра, бо так служыл бы лем людом, а не богу.

Просьба о Помоч.

Знаме, што уж не было чым платити за школу и утриманя Митра в місті, уж и долг затыгли. Мала Мелька в Америці брата, и не было способу, лем звернутися о помоч до него.

Казали самому Митрови написати лист, же як будут видіти в Америці красне письмо Митра, то скорше поможут. Написал Митро, як казали, и прочытал. Не барз тото подабалося братям, бо написал килька слов такых, што николи в жытю их не чули и не знали, але Мелька стала в обороні Митра и гварит:

—А вы што думате, же он буде так писал по просту лист, як Вы? Тот лист написаный по мудрому, най иде так, як ест.

Роспечатал брат в Америці письмо от родины с краю и забылся на него, бо кромі пару незрозумілых слов, было при остатку дописано дословно так.

—Як що бажаєте видіти українську справу на Лемківщині піднесену и желаєте, щоби ваша родина була очищена від кацапщины, и щоби українська справа и культура покрила карпати, то не відпирайтесь помагати всіми зусиллями нашому студенству у старому краю, до котрого то студенства належу и я, ваш сестринок...

Роздумал дост уважно брат и написал зараз письмо, же он с охотом готовый помочы, але жебы не на ксендза, а даякой другой професии учылся, бо приміром, ту в Америці, столько ксежи ест, што не мают

уж што робити и занимаются простым спекулянством; думам, же и там их ест дост, аж за дуже. А и украинской культуры нам не треба, она далася дост нашим людом во знакы в 1914 року.

И як ся згодите на то, дайте знати, а я буду старатися помочы.

Зблід Митро, коли тото письмо му подали. Не отповіл нич на него, лем без відомости родины отписал уйкови пару терпких слов, же он не даст за москвофильскы грошы запродади себе.— Тилько Митро знал и тилько отписал.

Не помог Митрови никто из украинских патриотов, хоц за их справу стоял... лем Мелька затыгла нову пожычку в селі.

Митро Священником.

Не было другой рады, лем ити зас до школы и добитися "парафии." По тяжких клопотах з обох сторон, Митро достался на богословскы науки. Перечыстили Митра на ново из москвофильства, як през решето. Звідувалися го, ци далеко його село от Чорного або Королевы Русской? И ци часом не ходил до Перункы?

Митро не признался до ничего и вывазался з "мовы" и з "идеи" превосходно. Потом, по пару роках, высветили го, яко целибата и достал маленку парафию на Лемковині. До помочы в его жытю якиый комитет при консистории, обовязково предложыл взяти ему до вареня дівчыну из сиротинца, зо Жовквы.

В початках жылося му дост не згорше, покля село не перешло на православие. Тепер аж загоріла в селі борба и ненависть. Збытки и напасти доходили до того, што в вечер на селі страшно было показатися. На клібані по ночах не могли спати зо страху и світили цілыма ночами.

Взял Митро до себе и свою маму, до помочы господині. Сама просилася, бо дома не могла вытримати. Найстарший сын сварился, же на Митра выдал и вытратил вещь як ведля няньового тестаменту належалося, а вшытко през Мельку.

Хотіла бы Мелька, жебы хоц раз пришол Митро отправити до свого села службу, жебы свои люде го виділи, але он не мог при-

ти, все был занятый, та и господиня му не позволяла.

Плакала Мелька нераз, горко плакала при той своей исполненной надії, котру ждала кильканадцет роков годину за годином и на котру вынищыла все свое майно и других при том окривдила.

А чого плакала дознамєся на остатку.

В Брунарах на Отпусті.

Люде грабали овсы под Полянками. Путьом, через село, переходили люде з білыма тлумаками на хырбеті. Василь Привязка вязал снопы, позерал на путь и звідался свого дівчате, што то за люде торочатся путьом от самого рана?

—Є, та не знате, же позарани Спаса. Отпуст в Брунарах. Сам єпископ має быти. А тоты люде аж от Ясла, уж пару дни на перед идут на отпуст.—

Чул Василь, як тамтого линского року пришли люде з брунарского отпусту и сміялися. Сміялися зато, бо был там єпископ Коциловский, и в знак своей миссии обіцувал людом по 25 и 30 дней отпусту, кто обовязуєся бесідувати кожного дня до смерти — Богородице Діво. Казал тым поклякати, але поклякали и тоты, што не обіцувалися гварити. Не хотіли быти горшы як другы.

Розумієся, Коциловский был рад своим успіхом, а люде сміялися з него. Зато Васильови чудно ся робило, як то єпископ учена и велика особа, може зо себе такого блазна встругати перед простым народом. Не ходил николи Василь по отпустах и не мог собі выобразити, якто ест на отпусті, и єпископа ищы не виділ, хоц мал уж вєце як пол копы літ. Заран он мал быти в Брунарах: Иду посмотріти на отпуст — постановил Василь — и переконамєся сам, якто може быти.

Рано, на Спаса, взял Василь хліба и бундз брындзі и пустился през гору на отпуст прирзітися, што то ся там робит и водит.

Гнет, як сонце зышло, Василь увиділ верх брунарской церкви. Звольнил крок, бо за короткий час нашолєся под стінами церкви. Народ шеніталєся зо вшыткых сторон; шопот подобный до шопоту пчол, котры рано вылітуют в поле. З ярмаку доносился крик

и проклоны. Пороззералєся Василь коло церкви. По под дерева на креслах сиділи єгомості в ризах и сповідали. Василь сразу зауважыл якуси отміну. Де сиділ старый єгомость, лысый, в старых ризах, не было при нем никого, дримал и от мух ся оганял. Лем діти зоза дерева на него зазирают. Але коло молодых з кудерявым волосьом, в блескучых ризах, велика тизба: и стары и молоды, ани не може дати си з нима рады.

Єпископа того року не было в Брунарах, а парохом был той самый єгомость, што як был в Рыхвалді на парафии, то повідал, же як шапку найде з лемка, та буде бити.

Васильова Нєсподіванка.

Сіл си Василь на мур, же поснідат дашто. Смотрит, а збочных двери, зо закристии, вылетіл молодой, в жолтицкых ризах з квітами и вычесаным в гору волосьом, єгомость. Не зробил он пару кроков, як гурма народа, дівок и баб обступили го довокла. Прирзілєся ищы раз Василь и штоси близке собі познал в том молодом єгомостю. Зараз припомнул собі, бо познал внем свого товариша молодых роков, Митра, сына Мелькиного. Скочыл Василь з мура, же привитатєся з ним. Уж пару літ го не виділ, але допхатися до него Васильови было уж трудно.

Митро поспішыл скорым кроком к сповідальници, а фалды єго реверенды влеклися за ним.

Нєщєсна, тота туга дівка, што крачала зараз за Митром, зо своима новомодными черевиками, з острыма запятками, приступила край реверенды Митрови, а люде натисли. Затрищала реверенда в крижах и повалили єгомостєя на землю.

—Земле Свята — крикнул Митро, бо дівка прибила запятком реверенду до землі, як колком... Двигли люде Митра; хватил он роздерты фалды своей реверенды до рук, и обернулєся втікати до захристии.

Цофнулєся Василь зараз, жебы тепер не встритити Митра, в тот момент чєсти от людей, як все повтаряла Мелька, а подождал Василь на него, бо хотіл з ним дашто побесідувати. Зашыли, а може перемінили церковники реверенду на Митрі, выпустили

го другима бочныма дверцми и указали му сповідальницю, там за криком. Ледво долетілі до указаної цілі, бо народ обступив го наоколо. Почалася сповід. Пхался и Василь до него, але так го стисли, што не стоял на своих ногах. Тепер пороззерался по людях и виділ, же дакотры не пхаються, жебы быти до сповіди, лем жебы чути, як други сповідаються. Чогоси смішны ся му тоты люде виділи, чогоси практикують на других людях и розберають потом, што чули. А егомості нераз чудуються откаль береся столько безбожников меже людми. Дуже интересны річы могли бы тоты люде оповісти, але нікому не признаються.

Нераз чуют, як дакто сповідатся з людской кривды; егомость кажут жалувати, але як кривда была зроблена егомостью, кажут отдати, бо не розгрішат...

Зробили сте дакому кривду в пользу свою, то гріх ест гріхом, але як зробилисте кривду хоцбы и бідному зато, жебы дати егомостью, або до церкви, гріху не было.

Зробилисте даякий блуд в жытю, то треба вас ищы ту укарати, але не вольно указати на блуд егомостя, бо он сам отповіст перед богом. А меже народ пустили пословицю, жебы не смотріти и не бесідувати о учинках егомостя. И дуже таких річей не можут тоты люде розуміти, и не годятся на таку фальшыву науку; они переконуються, же то лем вшытко для контролі мыслей народа, бо раз трафілося таке, же человек сперечылся на отпусті з егомостью и егомость записал имя того человека.

Сам Василь чул, як якаси баба на голос сповідалася, але не повідала свои гріхы, лем як други грішат, ей сусіды, а кельо она для хвалы божой зробила.

На тото вшытко нияк не мог перечудуватися Василь. Але скоро люде на своих плечах допхали Василя под выглядец.

Перекрестил го Митро, а Василь розсміялся и гварит:

—Ей! та я не до сповіди, лем хочу с тобом видітися и побесідувати.

—О, а то кто?— перестрашено зазірл на Василя Митро.—

—То я, Василь. Твой товариш. Не познаш мя може?

—О Василю!— и розбесідувалися. Митро

вывідался о родном селі, а Василь о жытю Митра. Смутным голосом оповіл з легка свою историю Васильови.— Не вытримана година. Загублена моя доля небоже. Воліл ем быти шевцом!—

Не могли дальше бесідувати, бо люде перли и колиба трищала. А една баба зло смотріла на Василя, як на даякого великого грішника, бо долго сповідался.

Казал Митро Васильови зайти по полудни на клібанский подворец и подождати го на возі зо зламаным подкульком, а зеленым сідлом.

Одышол Василь и пропхался до церкви. Кипень была велика. Як раз трафіл на проповідь грубого егомостя з червеным поясом. Перший раз чул таку цінну науку, якы проповідатся по отпустах. Бабы от взрушаючого слова вискали, заламували руки, плакали и умлівали, бо проповідь была о значыню отпусту перед богом; заслугы каждого участника, хоц бы он ишол на отпуст з лінивства перед домашном роботом або з наміром крадежы, бо он, своим участием, увеличыл торжество устроене во славу божу.

Вышол гет Василь охолодитися и напитися воды. Вошол до одной хыжы за горнятом. Там жыл газда освідомлений новым культуром селянского паньства, егомостью, учителем и дяком. На стіні висіл образ св. Йосафата з подписом “Непоколебимий стовп католицькой церкви,” а на столі лежал календар украинского выдання. Зазірл з цекавости Василь до календаря и прочытал:

“Памятна Картинка.”

“Радісных и смутных переживань в родині, яке нам Провідіння Боже призначило.”—а под тым руком газды дописано.

—Барнуля бігалася на ден перед благовіщыньом.

—Продализме паця за 300 зл. в Грибові.

—Украина крещена в ріці Дніпрі в 988 році.— и т. д.

Вышол Василь на село на ярмак и прешол дорогом кус за село, виділ там пару пяных до безпамяти баб, одну з них познал, бо в церкви перед пару годинами заламувала руки.

Нияк Василь не мог зрозуміти того, што

виділ на отпусті, не сподабалася му така неморальна релігійність, так в народі, як и в самых духовных и не мог вытлумачити си их науку. Перший раз Василь увиділ такий отпуст и аж тепер мог быти свідком того, чому бы сам перечыл нераз. Он виділ, же обманство самых себе не мало бы шырится меже народом. Омерзлися му такы думкы, он не хотіл бы того видіти в народі и треба бы або направити тото, што днес виділ, боротися с тым, або далеко скритися от него, але не знал як и што може тому зарадити.

В домі о. Димитрия.

Поспішыл Василь на клбанский подворец, бо служба дост давно скончена, и сіл собі при возі з поламаным подкульком. Ксенжа ищы бавилися, гуляли и тішылися успіхом отпусту, музыка пригравала. Церковники зас были заняты рахуваньом грошей.

Ждал Василь пару годин. Около 6-й години вышол Митро з господиньом и казал слугови запрячы коні. Привитался з Васильом и господині го представил. Як бы не была подпита, може и зла была бы на Василя, але же была дост пьяна, то было ей обоятно.

—Сідай Василю з нами — одозвался Митро.— Поїдеш до мене на пару днів, будеш видіти мою газдовку, поможеш мі дашто в роботі.—

Посідали. Слуга зятял коні и воз поточылся в сторону Митровой парафии. Около полночы довелися четверо люда на обору о. Димитрия. Выпили по горнятку чаю. Василь вышол зо слугом спати до стодолы.

Над раном, ищы темно было, як с кухні доносилася острый крик господині, а до стодолы чути было лем тихы стоны от болю ци слабости. Не мог Василь познати, што то таке, та звідался слугы.

—О!— повідат слуга— наша господиня велика злостница. Бідна при ней егомостьова мати. Вытерат ньом шыткы куты, за дві кухаркы робит, а ищы до ней дрыляют и николи істи порядно не дадут.—

—Та як то — звідуся Василь — Жебы егомость позволил своей жені так поневірати свою маму?

—Та то не жена — повідат слуга.— То лем тыж служанка така господиня. Она рядит цілом господарком, она и самому егомостьови николи білого хліба не даст істи и постом морит, так як и нас, хоц сама о тым не обойдеса, для себе она все вшытко мае и грошы мае, она сама бере за вшытко и деси высылат до своей кассы.

Нич не гварил веце Василь, лем встал и вошол до кухні. В сінях перешол по нем мороз, бо встрітил Мельку, маму о. Димитрия. Несла она сама дубельтову гальбию пацятам. Чело было подвязане ручником. Ямы чорны по под очы. Позріла змученыма очами на Василя, але зараз одвенулася и не одозвалася до Василя ани одним словом; чул Василь, як на оборі плакала.

Не мог Василь ани з никым побесідувати в том селі, бо господиня кождому за ногами смотріла. Лем пастух повіл Васильови, же вчера, як wybierалися до Брунар, та в поспіху господиня дрылила егомостьовом мамом о стос дров. И вшытко перед ньом замыкают, што от голоду ноги ей попухли.

Митро Василя лем под звоницю закликал и там ся му поскаржыл:

—Скарал мя бог тяжко тым сотвориньом зо Жовквы! Домучыт она мене и маму перед часом! Уж ся мі не роспутати. Вір, же десятому заказал бым закопатися так на ганьбу и на таку біду, як я.

Не мог Василь нич порадити и не хотіл ся дальше остати, ани видіти жытя Матери и сына Крилихы; другого дня выбрался домив. Господиня псов выслала за ним.

Не виділ от товды веце ани Митра, ани Мелькы, ани не може того людом оповісти, што виділ, лем в тайні вшытко тримат.

Закопаний Талант.

Ищы Василь был в краю, як чул, же Мелька померла. Но не хоронило ей пятох егомствів, як ей ся снило даколи, и як пристояло на матер священника, бо господиня не позволила; еден чужий ей хоронил, але людей не было при похороні; ледво нашлося трое люда, котры вынесли ей на місце отпочынку.

Василь был примушений бідом выйти на емиграцию до Канады. Достал Василь недавно писмо от Митра, бо Митро достал

адрес до Василя зо свого села. Не сміл Митро нікому другому поскаржитися крім Василюви, бо он виділ его жытя. Пише и просит поратунку. — Пришлий хоц доляра, бо хоц я меже своим народом и в своем краю, але бідую, як на голой выспі. Душу и тіло точат з мене живцом — Прислал и маленьку фотографию зо себе, на котрой подписано:

— Памятка Закопаного Таланту. —

Показал Василь фотографию краянам, не познал го никто — лем кости до людской скоры складены... Послал му Василь лем два доляры, бо сам без работы и без одложеного centa.

Потом зас Василь достал писмо от родины с краю, с котрого довідался, што Митра в молодом віку бракло на світі. Домучыла го господиня зо Жовквы.

Торжественно похоронили егомості Митра священника, з закопаным талантом. Проповідали — горячо проповідали и єдным голосом отспівали му — “Вічная память.”

Не придался на світі нікому талант Митруся, ни богу ни народу, ни самому йому. Похоронила Мелька талант Митра, а талант похоронил Мельку и ей сына предвчасно.

Єдна господиня зо Жовквы може торжествувати зо своим моцно розвитым талантом. Хоц и она суха, але здорова, виправилася на карпатском воздуху и до смерти ей далеко. Митров доробок спіняжыла и заслала до своей кассы. Она уж трох других Митров похоронила закла похоронила нашого Митра. И вернулася зас до Жовквы, до сиротинця и : призначат ей новому Митрови з Лемковины. Ищы трох прожые и перед часом зожене зо світа; она свой гробарский талант не даст нікому загребсти.

Не знала Мелька откопати для своей дитины талант, лем го закопувала и знищыла газдовство на его закопаня, а егомость своима радами помагали закопати талант ей дитины...

Проходят по дорогой нам Лемковині люде, бадателі творчества, способностей и души нашего народа, глядают и талантов, скристализуваных науком, но тых не можут найти, а повісти им нее кому, же наши кристализуючы таланты торжественно были хоронены подобным Митровому, процессом.

В глубокой траві, на цмитари, на гробі Дмитра, єст памятник, на котром вырыта надпис: Здѣсь почывает о. Димитрий. — Але ніт надпису, котрый должен бы там быти, же:

“Ту похороненый член лемковского народа, котрому, за его молодых літ, закопали его талант.”

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто. Февраль 22. 1934.

Швец

ЮРКО з Надбережка шол польом по под ліс и співал. Співал ни смутно, ни весело, але співал. Ма от дитины такий потяг до співаня, же ци смутный ци веселый, але співат. Тепер вертал до хыж без ниякой мысли, лем в голові му шумит. Шумит му, хоц не пьяный. Світ для него такий непоятый, неприятный и просторікий.

Не пасує му співати. Отец його ищы в гробі не остыл, зато и ліс його співаню не озывался. Але не лем того. Мы добри знаме, чом му днес не до того.

Был ищы маленький, як отец дал го учыти на шевця. Был Юрко 7 літ в терміні. Лем раз на великден приходил отвідіти родину. А родина была велика, штоси аж пятнадцетеро з родичами; зато не пхался часто домив. А вшыткы здоровы были, не такы, як Кочановы, сухотники, хоц не было их лем трое и богатство мали и лакомы были, а все сухы як хорты и слабовиты, на лица не влічыл бы ани капкы крови.

Найгорше с тыма дітискамы было старому Морозови и жені запамятати имя каждого, нераз перекричали вшыткы имена, покля трафили на тото, котре хотіли.

Менше с тым, як газдувал старый Мороз зо своима дітми, лем дост, же дал Юрка на шевця. Майстер виділ способности Юрка, та згодился взяти го на такой угоді, же за три рокы науки Юрко одробит двома роками челядником. А як скончыл своих пят літ, майстер просил го остатися у него на дальше и умовилися оба о платню.

Не так аж занадто, але все такой за два

роки, такий без вибаганок хлопець зашпарувал кус центов, за котры уж мог дашто купити и трафлялося му таке купно.

Як раз, по двох роках, донюс Юркови отец новину, же умер в селі — старый Фецьо, не лишыл никого зо живых, лем незгоршу хыжку под лісом и кавалець загороды; тото вшытко продае егомость, бо му никто за похорон не заплатил, продае за туні грошы, дуже менше як оно вартат, и найкупит, коли уж даякы центы мае.

Юрко обрахувал: Старчыт, та ищы му остае пару центов в кышені. Обозріл углины сам Юрко; были здоровы, лем една сторона на дасі світилася звіздками. Отець помог Юркови вставити новий дах. В середині запровадил порядок по свойому смаку, вставил подлогу и розділил хыжу на варстат, комору, кухню и світлицю до спаня и посідити в неділю. Покупил начыня и стал майстром в своем домі, та на ціле село и околицю, бо не было нияких шевців, и хоць то было за селом, а роботом все был Юрко обкладеный; робил все, и жытя ліпше робил, як найбогатший газда в селі. Потом брата одного взял до себе до помочы.

Але бо и паробок был з Юрка зграбный, як струна, лем же ниж окончыл курс и устроил хыжу и варстат, проходил час женьякы. Уж часом в мыслях оберал си то Горбальову, то Пазину або Катрену зо шолтыства и ставал хоцьколи з будькотром до бесіды, але они не хотіли з ним ани хвильку постояти и побесідувати. Чудно ся нераз робило Юркови, чом то его бы не мали любити. Заховувался честно, з никым николи ся не сварил, нич му не бракувало, зробил си хыжу и кавалець землі, чого никотрый з других газдовскых сынов не зробил, ни не лінивый, ни горбатый, ни роспустный, але не мог догадатися бідный причины.

Ослаб на силах старый Мороз и прикликал до себе Юрка.

— Юрку! одозвался. — Дни мои порахуваны, днес, заран, я вас лишам, не вшыткых на своем місци. Тобі дал я кусок хліба до рук и ты еден мал способность найліпше з нас познати шырший світ; дай надзор над тыма меньшыма дітми. Хоць час от часу прид призрїтися на них, не дай их старшым кривдити. А як подроснут, най

си глядают жытя де можуть. Ты не сід так долго, уж твои роки преходят, а женся... не буду я ти выберати, бо я ти з ньом жыти не буду, смот сам; думам, же каждая найліпша в нашом селі за тя пиде... —

Не далеко втюк старый от правды, бо заслаб ищы больше и закончыл свою дорогу на землі.

Коли Юрко увиділ, же уж для него не остало иншой дороги, лем женитися, .. постановил оженитися. Зашол раз до села. Горбальова дівка черпала при студни воду; помог ей Юрко зачерпнути, и хотіл ей дашто шепнути, та хватил ей за руку. Але она взвискла,хватила коновкы и погнала цвалом домив. Таке саме сталося с Пазиним дівком. О килька дней Юрко зашол вечером на вечиркы и хотіл отпровадити ей, а она без шпасу шурнула локтьом Юркови до грудей и наперед всіх скочыла до хыж. Неприятно робилося Юркови, але пришол ищы раз на вечиркы. И коли молодеж бавилася, выпало в граню так, же Юрко ма поцілувати Нацю Оришкову. Але Наця лем почувла о Юрку, взвискла и закричала с цілою силы: Швець!!. Швець!....

Швець!.. Швець!.. Зашуміло Юркови в ухах. Ани не знал як нашолся на дорозі домив. Швець!.. шуміло Юркови за цілом дорогом. Швець! не дало му спати до рана и тото "швець" приснилось Юркови, як приснул на хвильку.

Стал Юрко до работы с том мыслью: "Швець!.." Тото имя его фаху, котре дае му жытя, помогло му в том, же zdobyлся на свой уголок, все было му близке и миле сердцю. Тепер, хвильями, оно ставало так страшно, же Юрко метал от себе копытами и вшыткым знарядом. Аж в тот вечер зрозуміл, чого он не милый дівкам и чого перед ним утікали.

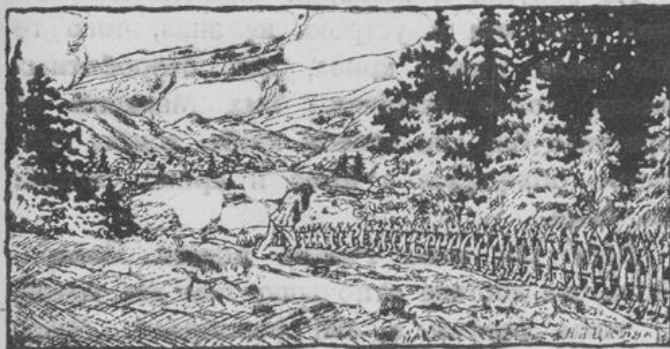
Але он не был впертый и зараз змінил свои пляны, и роздумал, же ему не з гоноровыма и не зо шолтыскыма дівками зачынати, а мусит доберати своей пары, меже старшом и брыдшом верством дівок. Думал, же рече старой дівці Марті, до ней ищы ниякий паробок в жытю не усміхнулся, або назрячой Макрині, за ньом никто не призератся, ани никто ей не возме.

Встрітил Юрко Макрину на дорозі и пробувал до ней озватися. Але она была тыж

на вечирках и чула и виділа, што зробила Наця, зато и она на дорозі зачала кричати: Швец!! Ты, не газдовский сын!.. Швец!!! Чым веце людей сходилося ку ней, она барже врещала: Швец! Швец!

Перша то была для ней рекляма, отколи жыє. И пошла бы за него з охотом, але хотіла показати, же не хлопці ньом гордят, а она хлопцими, остала кричати: Швец!. Инакше она рекла бы, як бы так Юрко вернувся и рюк ей другий раз, але он ишол в свою сторону и не озрілся, а она остала дівчыти.

Зосунул Юрко капелюх на бакер и вертат ся до хыжы, не може смотріти на тот світ, котрый зо вшыткых сторон кричыт за ним: Швец! Бабы, хоц им Юрко не сміл нич гварити, сами выходили, обступили го, як гуси волка и сычали за ним: Швец. Швец.

Иде Юрко польом попод ліс, и тот ліс шумит: Швец. Патыча, што ламалося му под ногами, трищало “швец,” “швец.” и вода в поточку шептала: “швец,” “швец.” Загорнул Юрко гуньку на уха, жебы не чути было, и співат сам, на силу співат, жебы заглушыти себе. Співат штоси о долі и счестю. Співат о той долі, котрой не зна, и о счестю, котре уж зламане. Не може он розобрати того жытя, в такой маленькой голові. Здаєся му, же ся го уж цілый світ одрюк. Думат, ци мае зашмарити шевство и оженился? Ци до смерти остати неженатым шевцом? А коли дошол к своей пустой студеной хыжкі, сіл страпеньй на порог, позріл на звiзды, што в высокости тряслися, позріл на свою стріху, почувся крайном сиротом на том світі и горенько заплакал. Деж му днеска до співаня!...

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто. 14. IV. 1934.

В Объятах Кризы и Темноты

МАКАРИЙ Гуда оженился! Но та што, же оженился? Уж му был час, а каждый жениться мусит, як хлоп до дачого!

Та мусит жениться и зато нич же оженился, лем того біда, же взял таку, што нич не ма, и котру мама не любит; та и нияк не позваляла, оженился на силу, против маминой волі. А якеж и того віно достал, коли мама невісты Маринь ищы на спросинах повіла: — “Дам ти корову, скриню, перину и Марину, — веце ти нич не дам, бо не мам.” —

Гдеже на таке середне газдовство в селі, таке маленьке віно. Але хоц Марина была коморницка дівка, мала вроду, мала честный характер, здорова и роботяча, лем же віна не было, и як бы так никому не полюбилася, та про свое маленьке віно до смерти бы не выдалася, хыбаль зас за коморника, а за газдовского сына николи.

Але зато Марина, по весілю, звлікала до хыж, што лем могла, забрала от мамы остатне, хоц ей не так потребно было як мамі, котра лем того мала, што заробила у людях. А принесла она всячыны на росплодок: всякого зерна, комперов американов, котрых в Гудані не было, всякой розсады, гус и козлятко, принесла и лену, котрый Гуданя не позволила змішати зо своим и все на двох загонах сіяли особно еден от другого, и каждая коло своего особно робили.

Барз криво на того вшытко смотріла стара Гуданя, а на лені, як красший удался невістин, были сваркы не до вытриманя. Одразу содома в хыжы настала аж товды, коли Марина принесла от мамы квочку; хотіла тыж мати даякий грайцар при души... —Невіста куру принесла, жебы ти газдовство розгребла.— Марині того дня шмарила перед ногы кочергу и пец отступила, до котрого николи не припущала Марину. От тепер стала так сторонити от всякой работы, як бы ей нич не обходило, бо ест “нова газдыня.”

“—Газдыня—” выкривила гамбу и розразливо прокричала стара, коли сіла до обиду, што го Марина перший раз варила, и триснула лыжком. —“Газдыня”— шураля все

Марині при всякій роботі. Плакала терпелива Марина, ніколи до сварки не ставала, і нікому ніч не признавалася, перед людьми удавала щасливу і довольну.

Ніколи не повірили бь сте тому, же як сыпала Гуданя овес своим курам, то куры Маринины лем збоку призералися, а не посміли ей зеренце дзьобнути; так уж были научены. Маринины куры все втікали перед курами старої Гудані, бо они уважали себе за низшу кляску, не газдовску...

Навістил Марину і Макария сынок, еден, іпотом другий. Ищы бідный Ванцьо не розуміл, што то таке шкода, як уж выправили го з гусми на поле, ани гусята не розружнил і нераз помішаны пригнал домив, нераз шкоды наробил, за што уж му никто не дарувал.

Призерался так Макарий на свою газдовку, а под сердце як бы го дакто иглами штыхал. Любил свою родину, але жыти при ней не мог, а порадити тому не был в силі; хотіл бы ся хоц на хвильку одвязати от тых мучительных животных незгод і почутися вольным, таким, як за паробка. И пришла му незавидна мысль, выбратися до Канды, в світ за очы, же там забуде родинну незгоду, а і заробит дашто, верне і возьме газдовку в свои руки, а потом инакше зажье.

Постановил і поіхал. Нигде про нич го не бадрували, бо хоц худьй, але здоровый і сильный; навет агенты і канадскы докторы ляпкали го, як добрый товар. Привезли к берегам Канады і посадили в машину, а за штыри дни везли далеко, аж на Весты. Такому роботникови як Макарий, трафилася гнет работа; кус робил на жнивях, пак зас в лісі, где зараблял незгоршы грошы. Коли уж вернул дорогу, выплатил процента, барз часто засылал грошы жені на слугу і яруваня, для діточок на обуву і книжки.

Нераз виділ, як на фрейт-карах, на даху, везутся люде во всякы стороны, і што раз то веце і частійше их виділ. Звідался робочых, с котрыма робил, што то за люде; босс му вытлумачыл, же то такы, што не хотят робити, лем возитися. Макария набрала на то велика злось, нераз для пакости метал за тьма людьми каминьом, бо барз ненавиділ тых людей. Встрілся он с пару крайнами, што тоже глядали даякой роботы, і барз ся му чудно робило,

як другы не можут роботы найти, коли он так робит, што ани в неділю отпочынку нее. А як жена му писала, же як то ест, же ты покус присылаш грошы і робиш, а другы мало пишут і не присылают, ани долги не повертали.

Товды Макарий на таке писмо з погордом отповідал жені, жебы повіла бабам тых хлопов, же в Канаді лем тот роботы нема, кто робити не хоче: я хоц бым свою роботу зараз лишыл, то другу такой зараз достану, бо мам от другого босса обіцяно.

Проклинали бабы і дома і в листах своих мужов, і писали гнівны писма. По Макария писмі перестали вірити своим мужам, котры им писали, же ниякой роботы ніт; але бабы не розуміли, што то значыт безроботя во світі, где ніт своей коморы, ни певниці, ани свого сусіка.

Не розуміл і Макарий ниякой политической економіи і устрою, не знал, чога то бы мала прити криза, хоц безроботных всяди полно встрічал. Тых Макарий не зратувал бы, ани куском хліба, хоцбы гиб, остро обходился з нима і криво смотріл за нима.

Деси так коло Ризтва повіли Макарийови, же достане отпочынку лем два тыжні, і тоты бараки в лісі розобрали. Мусіл Макарий на тоты дві неділі поіхати до найблишого місточка, где нашол незгоршу станцію. Не выходило му выйти на улицу в таком робочом убраню, зато зашол до skleпу, в котром купил нове шпортовске убраня: сами го убрали по найновшой моді, а Макарий лем грошы дал. Наибольше клопоту наробила му краватка за 3 доляры, чыста шолкова, цілый ден вчылся вязати; така шырока была, што застелила му цілы груди, так як даякому княжому сынови! И як ся так зобрал Макарий і вышол на улицу, выглядал хлоп як даякий буржуй... Дівчата усміхалися, стары бабы до бесіды зарывали го. Але Макарий не звертал увагы на нич таке, он лем пляновал, же убраня зашануе і потом до краю вынесе, лем собі ищы гроша приробит, і лем чекал того часу, як агент повіст приходити до роботы.

Минули два тыжні. Макарий крутится коло офісу і звідуеся, коли мае прити до роботы; але по двох неділях одложили на

цілий місяць, а о пару днів вынеслися з офісу, ани никто не знал где, лем картку лишыли з написом — For Rent.—

Другы робочы, што уж были ліпше обзнакомлены зо жытьом в Канаді, кликали Макария до больших міст, где жытя таньше, и упевняли Макария, же уж по той роботі, в котрой он робил, но Макарий вірил сильно, же офис отворят и же робота буде зачата в тот час як обіцяли. Ждал он не місяць, але штыри, а ничего не было, и што раз робилося тикше за роботы. За тот час, нехотячы, Макарий змарніл гроша на жытя в малом місточку.

Почал Макарий товды метатися за роботом, але было запоздно, ани обіцяной, ани новой не было. Сіл до трена, бо битувати не хотіл, и перешол по пару містах; аж як гроша было так коротко, же Макарий почал сам за себе боятися, задзіргнувся фрейта и поїхал свободным світом, сам не знал где и чога, але в той подорожы зышло му зас пару місяців, обїхал цілы “Весты,” а потом и “Ист” Канаду, зробил зо трираз столько дороги як до краю; аж будь-коли плакал, коли просил роботу, але то выштык без найменшого успіха. Не виділ нигде милосердных людей, всяди отпыхали го от себе, як и он отпыхал перше от себе, и каменьом до головы достал от тых людей, котры ищы робили, як и он колиси, а тоты, што бы му рады были помочы, не могли, бо были такы, як и он и разом з ним іздили.

Не раз по пару днів ничего не іли; як часом зашли коло саду, то нарвали яблук або черешен, лем жебы кус заспокоити голод. Макарий был так морально выхованый и застрашений религиом, же ани зо землі нич не поднял, и зато ищы горше бідувал и засыхал..

Раз пошел мытися до озера и вельо волося вычесал на гребень, хватился руком за волосы, пол жмені вытях волося; лізло му купками, на голові остали лем пляцы а потом вылысіл до чыста, як выкошенный нашыма газдами горб.

Уж строился Макарий, же або до краю дастся здепортувати, або што? Але надходили выборы и Макарий дост наслухался всяких обіцянок на роботы по выборах, зато рішыл остатися до повыборов. Ми-

нули и выборы, а поправа не пришла, хоц Макарий доцяп отрясса с центов, але все ищы надію мал на роботу и зато остал цілых три роки без роботы. За тот час от жены достал пару таких писем, што аж му в пятах стыло, але одгрызтися не мог, бо жена не вірила, же роботы ніт. Таж сам ей писал, што в Канаді лем тот не робит, што не хоче робити...

Нашол си на минувшу зиму станцию зо своима краянами. Глядали такой найтуньшой в цілом місті, и нашли в одной украинки бутлегеркы на третом поверху, на поддашу, в так названом “голубнику”. Темне а и студене было то помешканя, огрится на верх не было, лем дым вносил ся на тот поверх. Сонце лем при заході понад дахы впускало жменю своих лучей, и вогко было, а світло електричне слабе, на червено лем світило, як старокраевый планный лампаш.

Для ліпшой економии взяли задного рума, и трох на одной постели спали. Кормилися лем припареным чайом и старым от тыжня хлібом, бо тот был туньший. За тых пару літ тот солодкий чай уж так ся омерз, што Макарийом цілым трясло, ани под нос не мог поднести, такой был запах того чаю обрыдливый, же лем тот сухой хліб жувал, покля не заболіли го зубы. Пошел до шпыталю для безработных. Задармо вырвали одразу два зубы и казали на другу пятницю прийти, же вырвут веце, же сут зопсуты. Вырвали и на другу пятницю зас два, але перед тым бадали го и спущали кров с такого слабаго тіла, яким был тепер Макарий. Зачали му мурынку ходити в голові, прижмурил очы, бо му примеркли и без памяти упал на каменисту подлогу; як приплыла кров до головы опамятался, встал и вернул на свою станцию, але от того часу чул себе ослабленим, не мог ани ногы вытягнути за собом гори тилькыма сходами. Розрушались му здоровы зубы, але тепер без никого, голыма пальцами, повитігал доеден зуб. Тепер не мог ани того хліба твердого істи, лем го мочыл в горячей воді.

Што день, што годину, Макарий чул себе слабшым и спокойнійшым, энергия в нем слабла, кров переставала доплывати. Робился Макарий смирным, як сирота яг-

ня. Не был уж злым. Коли му донесли, же сынок його так розбетярился, же го уж пару раз шандаре брали — нич не горячылся; ани едным рухом не дал знаку занепокінья, коли донесли му, же його жену злы хлопці звели.

Надходила весна 1934 року, але криза не минала, а ищы ліпше обняла свои жертвы и моцнійше притулила их до своих студених грудей. Люде выходили на улицу зо змореныма тваряма; лем маленька надія проблискала в их очах.

Хотіл выйти и Макарий, але не мал в чом. Убраня лем з лат мал зошыте; тота сама краватка, што даколи так здало вкрывала груди, тепер скручена в мотузок... привязувал... привязувал, але уж не мож ей было завязати, воліл новий мотузок завязати. Тых кучерявых волосов, што за нима дівчата мліли, не было, лем поеден волосок іжылся коло уха; в твари ниякой крови не было; зато и встыдался показати на улицу, лем през выглядце позерал.

Хлопці, што жыли з Макарием, выходили на ганок и ждали тепла, жебы могли выбратися дагде в дальшу дорогу, в котрой сподівалися найти жытя, або незавидну смерть, бо лем тоты дві дороги были перед нима открыты. А як пришла весна, в ночну пору вышли за місто з маленькыма тлумачками и коли свиснул фрейт, як вывірky драпалися на него и щезли з виду в незнанных сторонах. Кликали они и Макария, але он нич не бесідувал и нигде ся не выберал. Здавалося му уж, же он дома на своей газдовці, в своей хыжы; думал он о своей долі; мысли його все такы были, же його мати породила го скрыто на тот світ, без права, и же он жые неправильно на том світі, и здавалося му, же дакотры люде певно о том знают, же го так ненавидят и жыти му не дают. Слезы котилися му зжалю, коли пришла му думка, як он несправедливо колиси описувал в листах до краю других, а днес сам не може той правды отперти, ани словом заперечыти. Перший раз и остатний днес справедливо подумал, же тота система, в котрой жыеме, ест смертью и мучытельком бідных и слабых. Остатний раз подумал так, бо што-си, якаси невидима сила потрясла ним и почал живо проходитися по пустой и тем-

рюватою комнаті, нарешті позріл, не хочычы, в притерте бюркове зеркало и з досады засміялся... але в зеркалі засміялася до него лыса и беззуба смерть...

В тот момент Макарий так сам перестрашылся, што го замглило, а ноги му окляпли, якбы дакто подкосил их, мало не упал на подлогу, и лем якымси чутьом до жытя, без памяти дотягся до уборной, открутил кран и повалился без сил в ванну. Студена вода обрызгала и омочыла Макария и очкнула го. Дома не было никого, и никто не виділ, што з ним водилося. Вернул он омочений до своего рума и двери запер за собом.

* * *

О три дни вышла газдыня замітати Макарийов рум, бо тот туній рум лем што третій день замітался и што три неділи міняли плахты на постели. Коли газдыня отворила двери, Макарий сиділ серед квадратовой постелі на турецку моду, задуманий; коли увиділ газдыню, глухим, помертнім голосом розсміялся до ней.

От першого разу газдыня познала, же Макарий зошел з розума. Аж тепер припомнула собі, што он за три дни нигде не выходил и ничего не іл. Цофнулася от дверей и з перестрахом закликала других бордеров, бо сама боялася приступити к Макарийови. Вышли к нему люде и почали з ним бесіду, але он сміялся и бесідувал незвязны річы. Знала тота газдыня пару лемковских родин в том місті и зараз дала им знати, жебы забрали си Макария, бо оглупіл.

Пришли свои люде до Макария, бесідували и прегваряли, но Макарий, якбы сміялся из их рад. Ходил, найвеце в ночы, по улицах, высвитувал и выкрикувал. Тоты самы дівчата, што колиси усміхалися, другом стороном оминали, а бабы озералися за ним и перешептувалися.

Виділи Макарийово нещестя нашы лемкы, але же были заинтересуваны барз в якојси секті, не узнали го за збаламученого, лем вірили так, же в него злый дух вселился, зато отпровадили го до старого батюшки, жебы тот вычытал из него злого духа. Чытал батюшко, што лем мог и знал, и исповідал, и коло олтаря обводил, и до

чашы давал призератися, але на дармо, з Макарийом было все горше и горше.

— Завзятый сатана, не хоче усунутися зо своєю грішної жертвы” — повіл батюшко.

Но никто не нарушал Макария, бо и он никого не чепал, лем чул себе вольным, веселым и сытым. Поліції никто не хотіл скаржыти на него. Аж раз, в нocy над раном, полицмане встрітили Макария, як он серед улицы просто ляпны чертил штоси крейдом. Окружыли го довоккола, бо приняли го за червеного агитатора. Забрали го, але по переведеню слідства и докторском збаданю, отдали до дому умыслово хворых. Побуде там даякий час, а потом, можливо зашлют го бесплатно до старого краю.

И так, верне газда Макарий Гуда на свое газдовство!...

Брыснут слезы матери и жені, коли го увидят... Але як он поведе газдовку и в який способ полагодит родинне жытя...?

Дост на том, же его не буде уж боліти нияка родинна незгода. Тепер у него все зло буде добром. Най грызутся тепер люде сами, як хотят, а он не буде.

Дождался спокойных хвиль, ищы ту на світі, хоц гдeкотры робочы повідают, же в капиталистичной системі робочый не найде добра и спокою.

А Макарий, видите, нашол...

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто, Онт. 22 Март 1934.

Грузинский Шляхтич

КОГО мы ту в Америкі лем не встрітима!

Хыбаль лем наших Карпат и померших!.. Бо живых не лем з наших Карпат можеме встрітити, можеме встрітити и познакомитися з людми припаленыма всякым климатом, будованых на розмаиты фигуры и угла, и челаты и воргаты и приземисты, встрітима жытелей из всіх гор, які лем стырчат понад землю.

В мойом сусідстві жыл еден грузин, або як он звык себе титулувати — “свободный жылец Кавказа” — такой присмаглый, округлой, полной твари и с чорныма, кудерявыма волосами, як баранкова шапка. З роду

Шанахадзых, ци Маталадзых. Познал я го перше, як он мене — а каждый мусіл го познати, же он грузин, так по руху и кости. А хоц бы його самого не виділ, але як зашол на його квартиру, то познал, што ту жыє грузинский шляхтич, а кромі того дознался ціле його жытя.

— Нераз историкы нарикают: — “Яка шкода, же тоты рікы не бесідуют, оповіли бы нам, сколько нима крови поплыло, які бои над нима точылися.” — “Яка шкода, же тоты муры не бесідуют, оповіли бы подробно интересны для нас истории, котрых не знаме”... и так дальше. — А у того грузина так было, што стіны його “гостинной” вшитко оповіли: кто ту жыє, какой народности, професии и віры, а и його историю, от його прадідов, до остатних дней.

Его гостинна была обвішана фотографіями от самой земли до повалы и то так за порядком, што можна видіти цілу историю, як в кино. Найперше його дідове в грузинском строю; а же высокого роду были, то познати было по том, же висіл през груди сак з разнородныма медалями и блищачками. Можна было видіти их богатства и их роскошный дом, побудуваный над ріком Терском, а далеко в вышоті біли вершкы Кавказа. По середині был великий, вымалюваный герб их роду; то нагорода для их предков от царя, за храбрость. Герб, червеный конь и меч. Потом великий портрет его жены, и зас дробны наброскы из его жытя, яко поміщыка-бояра. И одразу велика перемина: Наш шляхтич в якусой Африканьской пустыні, обдертый, з валізочком в руках. Потом зас познате чайнаменский стиль, и наостатку богату Америку. Еден образ из “Русского дня,” на котром он присутствовал. На той фотографии познате уж и наших лемков, по их нужденных и горем зрытых лицах. Ищы можна познати, же он старовірец, бо в куті повішений образок, перед котрым коптит свічка. Што то за святыи, не познате, бо барз мазуратый. На столику, на патыку, віргат брудный прапорец.

Ктож бы такую ясну историю не зрозуміл? Найперше познали зме, же он был поміщыком на Кавказі, потом притисла го революция и он выпырс аж до Африкы, а як опамятался, походил по Пекіні и Шангаю.

Оттамале приїхал до Америки, где зачал активно брати участь в “торжествах,” котры устроювалися яко протесты против робочого правительства в России. Но видно, стратил віру в таку побіду “торжествами”, бо одорвался от своих людей и нашол собі уютный дом в одном Канадском місті, и жыє ту зо женом, котру якоси однашол.

Жыє он тепер инакшом формом жытя, як даколи, жыє спокойно, глухо и нич го не обходит цілый світ, ни свои ни чужы. Жена нигде николи не выходит из кухни. До работы не ходят, бо нич робити не знают и не можут. Росходы покрывають и жытя роблят из якихси старых фондов. Цілыма днями тот грузин с потпертыма боками проходится по коридору, час от часу помыркує собі штоси под носом, а жена в кухни дримле, и так обое думают. А як он находится так до утомленя, иде до “гостинной”, бере зо стола историю Грузии, котру знає на памят, вывертатся на диван, и от початку зачынат чытати тысячный раз, о славі, боях, храбрости и другы любимы историчны замітки. Николи никому до рук той книжки не даст, здаєся, же то найдорокша его цінность. А коли дочытат до конца — отверат зас от початку, и на ново чытат. Потом кладе историю на столічок, очы впре до кутика под повалом и зачынат стиха шептати урывкы русских поетов о Грузии. Наибольше любит початок поемы Лермонтова “Демон.” — “Печальный демон, дух изгнания, летал понад грешной земльой:

И знов, але уж кричыт:— “Грузия — где печальный демон, дух изгнания?!” Потом задуматся и усне и спит до рана не розобраный, світло згасит аж рано. Так звычайно спал, а жена на сидячы ноч продримала. Часом он ей, а часом она его будила, а як побудилися обое, сіли за великий русский самовар, выпили по девят стаканов чаю, розошлися и зас забыли о собі; жена в кухне предримувала, а грузин аж до страпленя проходился з выложеныма на крижы руками.

Не раз то было, як телефоничный звонок позвонил, ци то с конторы, лавкы або портного, грузин прискочыл наремно к телефону, знял трубку, приставил до уха, а в решетку сам перший прокричал:

—“Грузия, где печальны демоны, духы изгнания, летают понад грешной землей.”--

Єдного разу виділ я из свого выгляда, як на его “бек-ярді” безпризорны діти торгали моркву. Пошол я го повідомити и постукал в двери.

Отсунул двери сам грузин и торжественно рюч до мене:

—“Из Грузии, где печальные демоны духи изгнания летают понад грешной землей:”

Я розсміялся, а он вытрищыл на мене очы и затыг двери. Виділ я через шыбу, як шляхтич посмотріл за мною, як за демоном и прошептал другий раз тоты самы слова. Взял зо столика историю Грузии и стиснул ей меже свои тлусты пальці. Вывернулся на диван под лампом, очы впер в свой пункт в кутик под повалом, а в голові, думам, почали му перхати и роитися демоны, духы изгнания...

Діти вычыстили загородку з моркви и деякы річы оттаскали от дому.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто 29 Январ 1394.

Рижница

“Н Е МОЖУ ти представити яка велика рижница меже паробком, а жена-тым!”— Пише мі и захвалює мой, в двое старший от мене, товариш крайн, што зме жыли на одной станции и на одной постели спали. Не давно оженился на фарму. Дальше пише:— Бо лем подумай!.. Як ем не был женатый, та каждый мі дошкулял, жем старый, каждый старался мя даяк назвати. Чул ем не раз, як дівкы крайкы, из темных кутов показували на мя и сміялися, жем старый паробок. А голота дітиска, ани на улицю не дали можности выйти, бо вішалися мі на ковта и звідувалися: “Уйку, а кельо вам літ”?— Тепер як ем ся оженив, та вшыткы на мя смотрят, як на молодого фармаря и молодым фармарьом мя называют. Значыт раз, жем омолодніл.

Або и товды, як ем разом с тобом спал, та ес мало мі ребра не поламал твоима твердыма локтями. Тепер мягонькы рученята мя обоймут. Видиш, одміна велика, лекше жыєся женатому, уж сам не варю

істи, сам не перу. Жыю красше и ліпше. Жену мам сильну, не лем же двигне веце от мене, але як бы кто мя хотіл бити, то оборонит. Але што там тлумачыти! Цілком новыі світ — открыеся женатому — Женся — порадил мі на остатку мой краян.

Деж бы кого не заохотило до женячкы таке писмо, та заохотило, нещесне, и мене. Хоц ем ишы молодой, але такой зараз почал ем ся роззерати за дівчыном по улицях, смотрил ем такой тугой, жебы, як мі пише краян в часі небеспеки могла мя охоронити. Но на мой великий жаль, не трафилася мі така, лем така, што аж ей люде завидували, же такого хлопа достала, як мене, же она не до мойой пары.

Є, нашол ем си и оженился.

Днес ишы лем тыждень по весілю, але мі кусценка инакше выпало, як мому краянови. Краян был старый, коли оженился омолод, я зас молодой, а жена не рече мі инакше лем: “ты старый.” И “ты старый бортаку.”

Хоц повідают, же у фармеркы тверда рука, а про мого краяна мягка, был без зубов, а фармерка дала му зубы в правити и порापанае лице выгладила.

А для мене ишы лем тото счестя, жем не нашол тугу жену, таку як мі радил краян, бо она хоц не фармерске и щупле таке сухе бабеня, але в ней рука як мосяжна, аж на уха мі от ней звонит. Мал я зубы здоровы, та лем тыжден по весілю, а два зубы на самом переді уж выбиты, волося вытаргане, лице зрапавіло, а по под ребра болит от “мягких локтей.” Варити сам не варю, але лем два раз на день ім, як жена зварит и закличе з работы на обід; а прати, што правда, перу зобоих нас.

Отворился передомном цілком новыі світ, як писал краян.

Нияк мі не чудно, же меже паробком а женатым ест рижниця, але чудно мі, же чом меже женатыма ест рижниця?.. Ци може зато, же краян ма жену в місті роджену, а на фармі выховану, а я на фармі роджену а в місті выховану? Ци зато, же он старый з молодом женатый, а я молодой зо старшом? Ци зато, же його жена тукша, та стае до работы, а мое “нисенито” до биткы?

Правду мае краян, велика рижниця меже паробком а женатым и наоборот.

Паробкы сами най ся призрят, ци нїт рижниці; женаты, знам, же лем усміхнутся и признают мою правду, але никому нич най не повідят. А цекавы паробкы на оженіню най вірят мойому краянови и най женятся, бо як бы мі вірили, николи бы ся не оженили, а так най ся женят, а переконуются сами, ци меже паробком а женатым нїт рижниці... Велика рижниця.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто 17 Май 1934.

За Што Убили Семана Чопаря?

СМЕРТИ Семана Чопаря я чул ишы в старом краю. Хоц то было лем на четвертом селі от нас, но правдивой истории о убийстві трудно было довідатися, бо сторонники и фамилия Чопаря представляли убийство в окрутный способ. Их оповіданя мали свідчыти, што там кому-нибудь о смерть не трудно. Родина и близкы Синяков представляли тото убийство в гладкий способ, плакали, коли оповідали о своих кривдах, якы терпіли про Семана. Решта люде из того села бесідували дуже мало, а коли дакто звідувался, стискали плечами, не оповідали як то было, лем коротко отповідали: “Он си на то заслужыл”... И зато никто не знал, кому вірити. Но бесіды Чопаровой родины были розшырены найдальше, бо они найбільше оповідали и их история выглядала найстрашнійше. Не чудо, што коли до нашого села пришол человек с того села, то люде чудно позерали на него от ног до головы, ци часом нема при собі дакой ватляры або косы.

А ту, в Канаді, я встрітил едногo человека с того села и ишы с крайовым страхом позріл ем на него. Помаленкы розбесідовали зме ся и з его бесіды я довідался и познал, што люде в их селі сут людми, як и в каждом нашом селі, без науки, але смирны жытели Карпат. Он не родина ни одной ни другой стороны, зато оповіл мі безсторонно цілу историю от кореня, так и я ту передаю.

Не хочу выявляти имени села, зато най нас не обходит, где то было, дост же было то в нашем лемковском селі, и дост на том, што тота история правдива, а вродило тоту историю наше бідне горске жытя.

Богач Павел Скупка.

Павел Скупка належал до тых газдов в селі, што их звут богачами на цілы горы. И поправді Павлу Скупкі пасувало тото мено: Каждый, кто лем попризерался по обыстях и забудовах Скупкы, мусіл тото признати. Крімі того его богатство складалося з великих грунтов, злученых в еден найліпшій, найровнійший и найурожайнійший, як даякий панський обшар; ліса мал три чверти, а и о грошах люде бесідували, же кто може знати, сколько мае, але же мал барз дуже, вшыткы люде о том знали, лем не знали сколько. Возможно, же и сам Скупка не мал им порахунку. Дост, што Скупкі николи в жытю ничого не забракло, а и зратувал хоцкого. Не был гоноровый. Хотіли сте пожычыти грошей, треба лем было повісти сколько вам треба, навиділо вас несчестя, удалистеся до него, спомог вас, ци добром радом, ци грошами. Не чудо, што коли люде виділи, же у Скупкы грошы не вычерпуются, назвали го богачом на цілы горы. И цілы тоты горы знали о богачу Скупкі, всі газды в повіті уважали го, а и діти по сусідных селах на дорозі го познавали, як вюзя на ярмак, ци на кермеш, а в своем селі всі го уважали.

Як он пришол до такого богатства, никто в селі не мог того розтолкувати; ци оно лишылося му яко спадок по отцу, ци счестя му помогло, ци так мудро знал пригадувати, дост на том, што богатство не выросло з кривды людской; никто в селі одним словом не мог поскаржытися на него, ни родина, ни сусіды, ни богаты, ни біднійшы. Мал всяди Скупка свою честь.

Жебы Скупка был ученый, не можна повісти, бо до школ не ходил, а писати лем друковано писал и лем друковане чытати мог. Але же у него розум был на своем місци, перечыти не можна. Из его учынков и мудрых поступков видно было, што он и святе писмо розуміл ліпше зо вшыткых в селі, хоц до церкви рідко ходил, раз на рок дагде коло великодняя мог го дакто под звонцом видіти. Зато и люде дашто подозривали, але никто не сміл нич гварити, бо не мог бы доказати. Та и на церков николи нияких особных жертв не давал, лем тото, што ся з него належало. Тото не подабалося лем

едной горбатой Теклі, што жыла коло клібани, а занималася ворожбитством. Ёй все привиджалося, же богатство Скупкы походит от чортов, котры лем раз на рок позваляють му ити до церкви. Но на тоту бесіду мало люде звертали увагу, бо каждому треба было нераз удатися за помочом до Скупкы. А раз на все мусиме собі запамятати тото, што рада богатого веце значыт, як грошы бідного.

Трафилося раз ярьом, што Фильо Зас пожычал стовку на приробок, а зо два дни перед ним пожычал еден газда, и так вышло, же пожычены грошы пришло обом в еден ден звернути Скупкі. Посадил Скупка обох сидіти и спросился найперше Филья, ци приробил дашто том стовком для себе. Филья оповіл, в яком обороті были пожычены грошы, и же придбал наних 25 корон... — Зато, гварит Скупка, я проценту от тебе не хочу! — А потом звідался другого газды, килько приробил. А он, с плачом зачал нарікати, же втратил на его грошах. — О, кед ес не знал приробити, та заплат же мі процент.

За таку фильозофию люде го назвали мудрым чловеком, хоц Скупковой мудрости люде не мали міры, бо ищы раз пришлося другому газдови пожычыти у него грошей:

— Та сколько хочеш жебы ти выпожычыти, — звідуе ся Скупка.

— Лем едну стовку. —

— Та я мам цілу стовку, лем едного грайцаря бракуе —

А газда махнул руком и рюк:

— Є, што там грайцар!

— А ты не знаш, небоже, же без едного грайцара стовка не може быти — не знаш ты, што то грошы значат, як так, и зато я тобі не пожычу.

Засміялся сам до себе газда и з голыма руками одышол, бо признал, же глупо повіл. Як видиме, Скупка был мудрый чловек, а як до того додати его богатство, та такому чловеку лем жыти на світі, нич го не болит, нич го не грызе. Але Павльови Скупкі бракувало штоси; Хоц жену мал згодливу, а не чулися занадто задоволены, бо не было у них дітей. Старый Скупка, хоц му не барз тото приятно было, але ся не грыз барз. Он ищы за молодших своих роков взял трох хлопців до помочы, от едного комор-

ника, што мал діточок тилько, як своєю бідою.

Сынове Василя Чопаря.

Всі три брата, сынове Василя Чопаря, от малых хлопців, были забраны на богатство Павля Скупки. Всім тром жытя у богатого Скупки змінилось, бо ту мали што лем хотіли и придумали; дома не было где спати, а ту каждый в особой коморі спал. Перестали уж босо ходити, отпoczynок все мали. Старый уважал на них, до работы людей іднал, так, што брата лем все лекшу роботу робили. Але зато и большого гонору наберали и одважыли будь-кому кривду зробити. Скупка старался поправити и все поучал своих хованців, як родных сынов, бо так себе переконувал все, же то його сынове и обіцял их поділити, кед лем го доховают смерти. Зато каждый из братов старался больше выгудити дачым старому, штобы большу часть достати.

Наймолодший из братов, Семан, был найхытрійший и своєю захланностью старался обманути Скупку и своих братов. Зато при всякой нагоді старался влізти в довіря старому; всяди выявлял открыто к нему свою любов, привязаня и пошану. Часто ціловал старого. При таком конкуренційном жытю минали роки, хлопці росли и доросли до своих роков, т. е. до часу женячки.

Коли пришол тот час, то Скупка оженил и осадил найстаршого на той великой полперечыні под лісами, дал му худобы и побудовал новы будинки. Середушого зас оженил, тоже дал му поля, але зас менше, и далеко за селом, под верхом, разом з мурованым будынком. Повідали, же Скупка дал му мішок грошей. О том мішку грошей люде памятают, бо виділи, як он их нюс на плечах, а жена му помагала нести аж под верх. Коло жениной мамы, вдовы, отпoczyвали на приспі. Вышла стара мати и просит хоц до пригорщ тых грошей, але зят не дал. Закляла мати: "А бодай ти чорты сіли на твои грошы." И як бы в недобру хвилю прорекла, бо як довідалися горлицы купці о грошах в него, выпожычыли от него грошы и побудовали собі в Горлицях каменицю за них, зараз на другой стороні коло стации, там где фиякры стоят. Не

вернули ани цента. Так одразу пропало богатство Скупки в руках середушого Чопаря.

Наймолодший сын Чопаря — Семан.

Помимо того, што старый Скупка не цінил из своих хованцев никотрого ліпше, то и так устроилося само собом, же наймолодшому припали самы головны забудованя и головный грунт Скупки, а до того инвентар жывый и мертвый, от найдробнійшой річы, до машин и коней. Доховал он старого Скупку до смерти не зле, бо Скупка чул себе здоровым и не дал собі кривды зробити, а и зато, бо вшытко богатство мало му перейти на власность аж по смерти Скупки.

По смерти старого, вся газдовка почала плысти по медоті Семана. Люде не уважали го так, як старого Скупку, але Семан зараз тото зауважыл и силом свого богатства и страхом, хотіл собі тоту саму повагу здобыти. Честь люде отдали му лем товды, коли мусіли, от страху. В селі, от того часу, почали точытися процессы, бо Семан о каждого завадил, каждому дошкулил и заорал, поля его почали довжати и шырити з людского. Страхом вырубал не зо своего ліса дерево, силом поставил плот не на своем поли, кади лем ишол и кади виділ, всяди його было. А най никто не пожалуеся, каждому казал носити зо собом мішок на свои кости. В суді никто на него не нашол права. Суд так был занятый його справами, же іднал все двух адвокатов на цілий рок, котры бесперерывно боронили го в суді от надужыть. Не чудо, же богатство, хоц и на кривді, росло. По 36 худобы запушал на зиму, по 60 овец, дві пары коней и дробю без ліку.

А коли почали му родитися сынове, то для каждого новорожденного сына побудовал по новому будинку, и то што раз то новой моды, и переносился в новы будинки, а старых тримал худобу и сіно складал.

Ваньо Кропля.

И тоты вшыткы приходы здавалися Семанови за малы, и зато постановил заставити и других робити на свое богатство. А жыл на Бігунякивці Ваньо Кропля, бід-

нійший газда, але мал велику здобност до купетства; так знал оцінити каждый товар, же як купил, то все с подвойным заробком продал. Лем сам, без капітала, не мог нич зробити ани з хыжы выйти.

Тот человек сподабался Семанови. При-тягнул го раз до себе, почестувал, и гварит: — Може вы, Ваню, згодили бы ся на мое предложыня. Я вас мам за найспособнійшого человека в селі. Добрый з вас купец, але не мате капітала, котрый у мене ест. Я бы вам предложыл грошы, килько треба буде. Заробок на половину и втрата на полови-ну. Правда, у вас ніт кому робити, але я часом вашой бабі могу помочы, як будете заняты... Згода?

— Згода — потвердил Кропля. — У мене ґрунтина не величка и вшытко близко хыжы, та бабско и сама обробит, а и я, як буду дома, поможу. —

На том и почали. Кропля гандлювал, приносил заробкы, з котрыма честно ділил-ся з Семаном. Но Семан удавал недоволь-ного... Грыз себе Кропля и в тых подоро-жах роспился. Семанову половину все при-носил, а своей не было. За тот час вшыт-кого раз штоси помог Семан его жені зро-бити, раз купил для ней соли, а раз запла-тил податок з ґрунта. Але тото все собі записал, коли и килько того было. Пора-хувал каждый найменший крок и наконец заскаржыл Ваня Кроплю до суду. И ни с того ни з ного, як выстріл з мотыкы, зо суду пришоЛ Ваньови выпис з ґрунта. О три тыжні пришоЛ Семан вышмарити старого Ваня зо женом из их власной хыжы. Очы вытрищыл старий Кропля на тото вшыт-ко, ходил, довідувался што, где, и як, ци не дало бы ся направити, але надармо, ледво с плачом допросил ласкы в Семана, же по-зволил му ужывати своей хыжы и загородку под виглядом, и то аж товды, коли Кро-пля обцілувал му ноги. За тоту ласку му-сят обоє стары робити до смерти на Семана.

Тимко Синяк.

В том ґрунті, котрый таким несправед-ливым способом взял Семан от Кроплі, была сполка штырьох газдов на Чершли, под лісом, зароснена крячыном. До той сполкы належал и Тимко Синяк. Он, зо своима сы-нами, в вольных от работы хвилях, розмі-

ряли, за згодом других спольников, на ровны штыри части и свою част выкарчыли, выпалили кряча, зорали и засіяли. А тоты три части других спольников оставалися дальше зарослыма. Тепер, коли Семан пе-ренял ґрунт Кроплі, то и до той сполкы мал право, лем же не признавал за свою часть тото заросле, лем выроблену часть Синяка. И на яр вышоЛ на тото поле, переорал Си-някову озимину и засіял свой посів.

Коли Синяк увиділ што ся стало на его поли, спровадил комиссию повітову. 16 раз зъїзжала комиссия бадати, и на остатку признали правду за Синяком. Коли комис-сия мала розойтися, Синяк звідался: — А кто мае зберати тепер тото посіяне? —

“Ты выробил, маш до поля право, а коли твое поле, то и посів твой и маш право зобрати го” — достал отповідь.

Подрапался клопотливо Синяк и гварит: — Та правда, бо он мою озимину переорал, але он барз завзятый, та ци суд не дал бы мі полицию на час зборов, жебы меже на-ми до биткы не пришло.

Судия гварит: — Як овес пристане и бу-деш го мал косити, дай знати до суду, а мы тобі вышлеме полицию.”

Находили жнива; овес приставал; перед хыжу Семана Чопаря заїзжают його оба адвокаты на самоході; зышли и гварят Семанови: — Мы знаме, же ты завзятый, то як нам добри заплатиш, то мы так зроби-ме, што Тимко полиции не достане в часі збору. —

Вытяг Семан 50 золотых, высадил на воз великого барана и казал слугови завезти адвокатам до Горлиц.

Овес треба было уж косити. ПошоЛ Тимко до суду, але полиции му не дали. На друге рано, додня, вышло трох сынов Тимковых косити овес. Предчутя мали, же днеска готова быти битка, и жебы оминути того, лем двох косило, а третій одразу вязал суровий овес и укладал до драбня. За коротку хвилю выходят с косами два сынове Семана и сам Семан. Усміхнулися сміхом ненависти и закричали, же идут по-мочы косити. И почали з противоположного конца. А старий Семан выдрапался на воз и змітуе снопы з воза на землю. Сын Тимка, што недавно пришоЛ з войска, зачал про-сити, а потом стігати старого з воза, но

не долго перемиляли собі в роботі. Семан шмарился на Тимкового сына, але тот вергнул ним под себе и Семан заревіл бычим голосом; обі группы косаров призералися спочатку, потом сынове Семана скочыли першы на помоч отцу, а коли сынове Тимка увиділи тых, скочыли сами. Середуций сын Тимка прискочыл и без намыслу пустил косу згоры.

Наслідкы были страшны: Коса перешыла старого Семана, всі внутренны органы зо сердцем и вышла концом под ребрами. Коли вытяг косу, махнул ньом ищы по его сынах и поранил их тяжко. Семан богач згыб на місци. Сам убийця шмарил косу и пришол сам просто на постерунок замельдоватися полиции. Пораненых сынов Семана повезено до шпыталя, где они выгоилися, но село от того часу освободилося от их збытков. Стали спокойны. Семан, мертвый, лежал пару дней окровавлений коло воза в змервлених снопах овса, покля не пришла комиссия на збаданя. Сын Синяка был засуженый за убийство на два roky арешту, а то зато, бо Семн наперед заплатил адвокатм их належытость, и они боронили го и по його смерти.

За грунт, выдертый от Ваня Кропли, почала старатися родина из Америки и по долгых куроводах вынашли неправильност и отдали грунт Кроплям.

* ** *

Не могли вытерпіти Синякы Чопарови и не могли на него найти суда, зато розправилися з ним по своему, а люде признали, же он собі на то заслужыл.

По народному розуму наших лемков такий пажерный вызыскач людской крови и труда, не повинен жыти на світі и заслужыл си на згладу зо світа.

А по сознательности и розуму рабочих лемков, не лем такий человек, не лем такий суд, што не може дати справедливости, але и така система, котра выховуе и похвалят вызыскачов, заслугуе на згладу зо світа.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто. 2 Юнь. 1934.

Шпекулянт

“ШПЕКУЛЮВАТИ,” то цілком отмінна работа от других; то треба мати до того и специальный талант, треба такой шпекулянтской науки и треба практики.

Шпекулянт вшытко тягне к собі, бо в него ест засада, же “кажда рука к собі крива.” Не розходится му, ци то стягнене з едного, ци зо всіх, ци з бідного або богатого, скупого або щырого, з мудрого ци глуптака, з отца ци матере, сестры ци брата, сусіда, ворога або приятеля, зо жены або родных дітей, не робит нич, ци то мае прити по крови, слезах, по несправедливости, обманстві, вшытко тягне до себе, абы лем самому не робити, вшытко лем жебы коштом и працом другого пришло до його рук. И шпекулянт тото складат, громадит, без ниякой ціли, не дбат, ци то буде придатне его дітям, не дбат, кому тото остане, як дітей нема, абы лем перетерлося през його руки и остало його “власне” хоц бы гнило за його плечами, але лем жебы было у него.

Та то тот шпекулянтиско подобный до больвана!

Но ніт, меже больваном а шпекулянтом ест разница, дост значна разница. Приміром идея больвана инша: Больван, коли видит, же штоси ваше не досталося йому, то робит так: — “Най не буде ани мі, ани тобі.” — Шпекулянт уж инакше, а то: — “Мусит быти мі, а не йому.” — И нато он шпекулянт, штобы вышпекулювати для себе.

Больван робит без пляну; буде тішытися, як вам пропаде, або як ктоси едному силом одойме, а другому даст; буде нераз тішытися, як йому самому пропаде... — Шпекулянт не так; в його голові вшытко обраховане, змірене, зважене и оцінене, його не тішыт, же вам пропало, але грызеся тым, же йому тото ваше не попало; не тішытся, же тамтому одобрили а тому дали, але плаче же йому не дали. А уж свою згубу, страту в богатстві, страшно не любит, звариюе або и повіситися може, товды як больван преспокойно перенесе таку страту.

Больван нераз одрубат конар, на котрой сам сидит, шпекулянт николи того не зробит. Шпекулянт лем тоту голуз буде ру-

бати, на котрой дакто сидит. Больван, хоц упаде зо своєм конаром и потовчесья, то и так преконаный, што добри зробил, шпекулянтowi не дай бог, жебы таке притрафилося, бо бы ся голодом морил за не розважный свой поступок, так не любит переносити свои неудачы.

Товды як больван веселитсья, шпекулянт влізе до певниці, штобы му в плянах никто не мішал, и николи в жытю веселости не ма.

Больван любит историю, а шпекулянт ненавидит, бо больван зато, штобы вернути больвану вашу эпоху, знищыл бы все жытя на землі — шпекулянт зас знищыл бы все людство, лем жебы його маеток захопити в свои руки. Больван тішытсья з вашой біды — шпекулянт тішытсья лем товды, як ваша біда приносить му зыск. Больван, як хоче вам зробити на збыток, то на никого не зважат, робит ясно перед вами — шпекулянт одозвесья до вас товды найкрасшыма словами и робит на вас замах аж через десяту особу, и никому не зознатсья о своєї роботі, товды як больван перед вшыткыма похвалитсья. Шпекулянт найбільше кривы стежки глядат, каждого страхатсья, сам собі не вірит и лем тини глядат.

Больваны люблят быти тлусты, бо вшытко што попадат в их руки, переходит през их жолудкы, — Шпекулянты худы, бо жалуют сами собі, жалуют собі навет не свою працю и откладают на даколи.

Больван ищы часом присилитсья до роботи, хоцбы лем товды, як вам хоче пошкодити — шпекулянт николи робити не буде.

Больван, ци при удачах, болю, радостях, або не удачах, все и зо всього смієсья — шпекулянт буде плакати, співати, кричати, буде удавати так, як коли треба, як вымагают його пляны. Больвана познате зараз, як зле зробил, шпекулянта аж о 5 або 10 літах, або и до смерти не довідатесья, же вам была кривда зроблена шпекулянтом.

Коли призератесья на обох разом, то больван смієсья просто в очы, шпекулянт смотрит на вас милосердно, але понуро, бо больван товды не думат нич, а шпекулянт перевязує мысли, як бы вас выкорыстати, вытягнути от вас, хоцбы вашу спокойну душу.

С того видиме, же больван, а шпекулянт, мают отмінны задачи и не еднакий характер, зато не можут быти едно и того саме. А

вшыткы люде на світі перемішаны з больванами и шпекулянтами, без взгляду на кляссы, полы, занятя, станы и расы.

И внашом селі был еден шпекулянт. Може их было веце, але я знал лем єдного, може быти, же он был найхытрійший шпекулянт, зато го каждый познал, а може лем наскладана людска праца ясно показувала, же он шпекулянт. Мы го не будеме ту бити, лем из його жытя вытягнеме науку, як и што роблят шпекулянты и як их можна познати.

Каждому хвалитсья, же он был вийтом в селі 9 літ. Хвалитсья зато, штобы позыскати у других віру до себе, што он добрый, коли його громада держала вийтом 9 літ.

И наравду он был вийтом за час войны, як вийтове вийтовали долго, бо и выборов не робили, але яка памятка по його вийтованю остала, то село буде памятало до третого поколіня. Война аж была жнивом для него! Забрала держава людом вшытко, а до забераня уполномоченый был вийт. Половина из забраного остала у него. Сколько масла, котре знесли люде, сколько цебров розтопилося и потекло до его гноівкы; худобу перепродавал, хлібом свою худобу кормил; от бідных забрал больше, як от богатых. Цукер, што прислала держава для громады, остал в сусіках на його поді и мурянкы го іли; соль білу вымінил жыдам за груды з глином и каминьом и тоту роздавал народу.

Ціле село го уж барз зненавиділо, люде, особливо бідны, плакали на него, а он их страшыл. Талергофом, копал до людей, вымітувал за двери и прозывал “москвофилами.” По войні уж никто му не вірил, и он зараз того зауважыл. Штобы привернути до себе віру, купил для церкви трийцю на зелено помалювану. И так, з богом, продолжал свою роботу.

В тых часах, по войні, долги роки плянталися по лісах всякы банды, дезертеры, плінны и правдивы збуи, што час от часу дакого убивали, найбільше ксьендзов, бо они мали добры капиталы. И наших американов товды много выізжало до краю обновити господарство и грошы выносили великы. По селах банков ніт, містовы не певны, а ту страх, бо там чути убили ксьендза, там американа, и нияк небеспечно гро-

шы тримати. А же наш шпекулянт мал уж збите богатство, а каждый хотіл на певне місце улюкувати свой капитал, зато з цілою околиці приходили до шпекулянта люде и просили го о перехованя у себе грошей. В новой державі треба розуміти, яке значыня мае доляр. Шпекулянт робит по шпекулянскы: удає сам перед людми перестрашеного, лем шепотом бесідує в замкнуеной коморі до людей з грошами, чым ищы большего страху додаст боязливим американам, гварит: — “О, тепер барз небеспечны часы, я сам о свое жытя боюся” — и не хоче брати, так што перестрашена людина на силу пхала му грошы и обіцяла платити процент за перехованя. И одобрал тысячи доляров и процент от них брал. Но не треба думати, же он грошы дома тримал, пожычал всяди, в певны місця честным людом, котры от тых самых грошей платили му рочно 25 процент, а многим грошы за таил, бо взял без свідка.

Коли газдове почали уж меньше грошей пожычати, бо ся уж отбудовали, то шпекулянт нашол друге жерело для подливаня своего капитала: Спровадил емиграционного агента аж с Кракова до нашего села, котрый почал захвалювати людам Аргентину, Перу, Бразилию и Канаду.

И зараз людей посылал до него: — “Ту,” повідат, “пришол еден мудрый человек, што перевозит людей за море, до богатых краев, богатших як Амеркиа, можете зарадитися дашто, можете заробити, а вернете, побудуетеся, докупите поля,” и т. д. Каждому бесідувал до його обставин и мыслей. Агент зас представил свои краины медом и молоком текучы, в котрых и дуже робити не треба, а богачом може стати за короткий час.

И зачался в селі рух, каждый збератся, рыхтує, думат о чомси, але коли до агента почали сходитися люде з других сел, то уж начались правдивы перегоны, люде наперед других хотіли вкочыти до тых золотых заморских царств, але ту треба грошей, зараз почалися торгы о сплаткы, о віна, дакто и кавалец поля продал, рух такий был, што до села приіхал ипотечный уряд полагаджувати sprawy; всі продавали, перетігали, дарували, выплачали, пожычали, выписовалися, было не мало и сварні, побилися братя, покалічылася мати з дівком,

отец зиклинал сынов. А в той цілою замішанині найбільше скорыстал шпекулянт; он найтикше справовался, выпожычыл грошей, купил поля, пляцы и ліс; выселил шпекулянт не мало народа з нашей околиці, позбавил их родинной згоды, позбавил их маєтку раз на все, десятки из тых людей погыбли незавидном смертьом, а сотки голодуют в холоді и нарикают на свою горку долю, с котрой смієся шпекулянт; бо йому их родны в краю до днес платят по 25 процент и то процент от проценту. Так то легко шпекулянтови захватити добро других в свои руки! Йому не треба золотых заморских сторон, он ліпше заробил за пару літ, як найліпше ученый чоловік в Америкі за свое ціле жытя.

Як трафится в селі человек, за котрого радом люде пойдут, а не пойдут за радом шпекулянта, то он найде деси таку жылку, што того высуне зо села; не розходится, в який, добрый ци злый способ, але усуне го зо села, спряче с под рук нежеланного приятеля, аж далеко за горы за лісы.

В часі войны, як переходили войска, то вшыткы такы як он, повтікали зо села, он не потребовал втікати, бо он шпекулянт. Пришли русскы войска, то з него настоящий русский козак, русских привитал сольом и хлібом. Пришли мадыре, то он мадыр, ажи откальси мадырскыма словами замітувал; хотіл помститися на сусіді, то повіл мадырам, што он мал перед войном мадырского коня, а сусід того коня бил. Зато уж мадыре газдови дали слупка под його родном стріхом, а шпекулянта зато мали за приятеля. Пришли німці, он правдивый німец, вшыткы войсковы слова знал по німецкы и лем зних укладал бесіду. Чехам признался, же його мати была чешка: Яким треба было быти, таким был.

Все вшытко складалося му, николи не хыбнул на ничом. Жебы знал порядок тому своему зграбаному богатству, то былбы може першым богачом на цілы карпатскы горы, але штож, його шпекуляция не мала границ! Он и на женах хотіл зробити богатство: а то пошло от того:

Умер в селі богатый газда: обыйстя новы, два грунта и лем трое дітей. Остала молода вдова. Того богатства нияк не мог досягути шпекулянт. Але раз выслал свою

жену на губы, а як раз вода пришла велика. Шпекулянт вышол наперед жены, жебы през лаву ей препровадити, жебы ся ей голова не завернула; дост на том, же кус серед лавы штуркнул до ней плечом и жена цупла до бурячой и коломутной воды. Нашли ей на четвертом селі, под колодом, о тыжден по тому, забрали ей докторы до збаданя, порізали, позашывали и ани ниякого слідства не робили ани похорон нич не коштувал шпекулянта. Товды оженился з вдовом, діти зараз выслал на службу, и приказал их газдам платити собі за их службу, а их грунт загорнул. Штырох жен позбылся в подобный способ, за каждыма забрал спадщыны, діти выганял по службах и в “золоты” краи. Другому и шлюбу бы не дали с четвертом женом, а йому дали з пятом, без всякой перешкоды, не знати, ци може знали же он шпекулянт, ци шпекулянтам никто не противитя.

Остало йому по пятох женах около полтора тузіна дітей, та што с того; от гаруваня єдны померли, другы сухотники, а трети остали приземками, не выросли, бо не мали коли, бо на фольварку треба робити, цюцьмати день и ноч, а помочникам шпекулянт не буде платити, в него робочий за день работы не стоит ани скыбку хліба. Он жалує и дітом и собі, зато діти му халіют, а он лем очами світит з меже высушенных сухых костей. Не ма радости он, не мают и діти. Та и газдовство запущене, зароснене и не хоче родити так, як бы знало, што на нем зроблене преступление, же його газда за морями ходит босый, без цента, без средства, и коли му наскучыт покончыт сам зо собом, зато тому шпекулянтowi не вартат лем тернину родити. И родит поле тернину и буде родити, покля землю не розберут честны газдове, але шпекулянт, покля жыє, тримат и буде тримати в своих руках до остатного дыху и до остатного дыху буде шпекулювати за новым богатством, котре єст в руках других.

Не здаєся, штобы он довел до порядку свое богатство, бо йому бракує часу робити порядок в том, што уж має, он смотрит за тым, што другий має, и яким бы то способом перешло тото в його руки.

Тяжко селу жыти при шпекулянті, тяжко и народу жыти зо шпекулянтами, але штобы шпекулянты пропали з меже народа, то лем их треба познати и приде тот час, што пан бог верне розум всім лемкам, а товды шпекулянты повтічут, або переродятя.

Бо ищы єдна єст рижниця меже больваном, а шпекулянтом, а то тота, же больван не направитя, больванов бракне товды лем, як выродытя, шпекулянты, хоц єст их больше як больвнов, годни переродитяся, хоц дуже трудно за свого жытя, жебы одзвычатяся от шпекуляции, але их потомкы можут одродитяся.

Каждому тому чelовіку, до котрого души влізе и засяде тота бестия, приписал світ имя “шпекулянт”, без розбору, ци то простый хлоп, ци пан, бизнесмен, поп, бискуп, редактор. Таких шпекулянтов много меж нашим народом, зато так тяжко лемкам двигнутяся. Шпекулянты нас досігают не просто, але аж споза десятой особы! Так они знают вызыскувати и шкодити. Перед нами удают. патриотов, а на боці до жмені сміютяся. Не вшыткы они єднакы, менше розумны и менше пляновы — менше шкодливы; больше ознакомлены з интересами шпекулянства, то люде дуже вредны и шкодливы.

Сила их в том, же они не люблят нияк, жебы дакто знал, же они шпекулянты. Буде вам клястися и присігати, же ніт. Уважают себе не за таких дурных, як приміром большевики, што носят червеный значок, и то на переді, на самых грудях и лем поліция их все бадрує; а то зато, бо они не шпекулянты и хотят, жебы вшыткы виділи, кто они такы. У шпекулянта така робота, то найбільше глупство, яке може быти на світі.

Зато и вы повідате, же сте не виділи шпекулянта, хоц нераз сте про него потерпіли кривду. Ци он не зробил з вами подобне, як наш зробил з емигрантами в золоты краи?

РОДНЫИ ЛЕМКО.

Торонто 7 Ноябрь 1933.

Сон Карпаторосса

ХЛОДНЫЙ, осінний вечер. З неба позерат на нашы горы и на бідны села, меже горами, полный, блідый місяц. В селі тишына, лем от часу до часу собака забреше.

Я веду свои малыны, горскы коники на молоду конич за селом. Завел и там, спутал и оставил, а сам вертам до дому. Аж ту, якбы заблисло, потом гром,, а пак вітер, дощ и буря. Я, што мал сил, пустился летіти до села, но до села далеко, тай схоронился на цминтар в трупарні. Сіл в куті на лавочку, але маю страх. Такой страх, што аж волосы на голові стают. Здаєся мі, што всі умершы повставали з гробов, рады, што мают одну жыву, теплу душу меже собом, якбы сміялися своим мертвым сміхом. Жду зо страхом, коли мя возмут разом зо собом до гробу. Але двигаю голову, смотрю, а предомном стоит добри одітый, здоровый хлопиця, видно не с тых помершых, бо у нас так на смерть не убегают. Я прошуся зо страхом, кто он и кого глядат? Я, гварит, “доброрадец”. Я пришил помочы тобі в твоей біді, бо я знам, што ты думал много о том, як помочы твоему народу, котрый найбіднійший на світі, и не може с той біды выйти. А не може выйти з біды зато, бо вшиткого ся боит, ажи страхов з другого світа, як и ты тепер боишся. Тоты страхи, жывы и мертвы, мучат твой народ. Под, чловеце замном, а я ти покажу, чом твой народ так бідуе...”

Я боялся ити з незнакомым в ночну годину, але он схватил мя за руку и выпроводил на двор. Выйдеме вон, а пред трупарньом стоит прекрасный автомобиль на цементовой дорозі. Ого, думам я собі, никто то тот хлоп, лем чорт, бо ту не было ниякой цементовой дорогы, то лем чорт мог так скоро дорогу зробити. Але незнакомый, ци там чорт, штурнул мном до автомобиля, сіл и пустил машину. Іхал быстро, што аж мі в голові кружылося, здавалося што недолго так поїдеме, што нам конец приде. Я зажмурил очы, обвил голову до гунькы, и чекам смерти. Аж автомобиль стае. Розвил я голову, открыл очы, смотрю на выглед на околицу, але околиця мі чужа, хоц наша,

карпаторусска: Маленке село, хыжы малыны, понакрываны гнилом соломом, выгледы не отвераны, запханы брудныма шматами. Люде обдерты, голодны, лем скоро и кости, снуются по болотистой улици села. Мой незнакомый вышол из автомобиля, вытягнул и мене, и каже, што мусиме оглянути тото село. Идеме мы по той болотной улици, тай догналы зме одного старика селянина. Просится старика, где он иде. А, гварит, иду на громадску раду, где мае рішатися справа мого сусіда Олексы с паном Мошком, нашым корчмарем. Яка справа? — Я, каже, не годен вам всьо оповісти, ходте зо мном.—

Идеме мы слухати тоту раду и тот суд. И пришли мы до того “громадского дому”, та показалося, што тот громадский дом, то такой Мошкова корчма. Стоит Мошко за шинквасом, гладится по старозаконной бороді и преливат горівку из фляшкы до фляшкы. В другой комнаті сидят: вийт и двох радных, чекают громады и пют горівку. Коли громада зышлася, вийт вышол на лаву и так промовил:

“Честна громадо! Мы зышлися ту днес на раду, штобы полагодити справу меж Мошком и Олексом. А справа тота така: Як мы всі, так и Олекса пил у Мошка. Но Олекса пил за много. Мошко йому говорил, штобы так много не пил, но Олекса не слухал. И тепер показуєся, што Олекса напил у Мошка больше, як вартат цілый його маеток. Ну и што тепер робити з Олексом? Я думам, што найсправедливше буде так, што як Мошко обрахуе и возме Олексин грунт и хату, то рещту Олекса мае отрабляти Мошкови, аж отробит вшитко. Ци добри я кажу?

— Добри, добри. — крикнула громада.

Не было ниякой аппеляции на такой при- суд громады. И Мошко знал, што он выграт, и што му треба робити. Взял велику фляшку горілки и зачал от вийта честувати громаду.

А мой незнакомый каже до мене:

— А знаш ты, што Мошко мае уж большу половину села, яко свой маеток? Тоты селяне уж на него робят. Але ходме дальше.—

И сіли мы зас на автомобиль и поїхали в друге таке село. Здавалося, што оно кус чистійше и богатше. Здавалося мі, што и

люде мудрійше ходят. Дві церкви стоять серед села. Одна з однораменним крестом, а друга с трираменним.

Ударил звон, раз, два, три! Як на оген! Смотриме, не видно огня. А люде летят! Летят єдны з вилами, другы з мотыками, третьи лопатами, косами, колами, кто што в руки захватил. Я не розуміл, што то значыт, але біжут люде, біжу и я! Так побіг я пред церкви, смотрю, а ту правдива битка. Довідуся, што православны буюся с уніятами, буюся, не жалуются, єдны уж лежат, ранены йойкают. Тепер аж горит в селі; То уніаты подпаляют православных, а православны уніатов. Але никто не ратує, люде буюся.

— То ваша Карпатска Русь — гварит мой незнакомый. — И зато вы пропадете, як не опамятатся. А хочеш видіти, где народ жыє культурно?

— Хочу!

— Сідай!

И ідеме, ідеме, аж приіхали мы в єдно село. Тыж по русскы народ бесідує, а який жывий, здоровый! Через село веде уж цементова дорога, електрика світит. Хаты чыстенькы. Стаєме, стрічаєме веселу гуртку дітей. Прошуся, што за край, што за село ту. Діти посмотріли на мене зачудовано, што я прошуся таке. Гварят, што ту Сов.

Союз, колхоз Родина. Зышли мы з автмобила, идеме ку прекрасным будовам на середині села. Чытаєме надписи: "Сельский Совет," "Школа," "Театр," "Библиотека." Заходиме в середину: Всяди полно народа, ту учатся, там слухають музыку, ту сельский совет радит, але не над тым, што має Олекса робити, штобы Мошкови выровнати долг, а як удосконалити ролю под засів.

Народ тверезый, здоровый, щырый, мудрый, мой "доброряд" подобный до них.

— Но — Просится мой незнакомый — як тобі подабатся тото село?

— Таку бы я хотіл и Карпатску Русь — кажу йому.

— Сама она така не зробится — каже — треба вам взятися до науки, просвіты и роботы, то собі зробите таку! Сам сон не зробіт вам таку Карпатску Русь. Збудся, чело віче, не спий, а роб! —

И так мене тот незнакомый штуркнул под бок, што я пробудился, открыл очы, а я в своем румі в Канаді, далеко от Карпатской Руси и от ей темноты, але як видите, не забывам о ней, бо снится мі.

Но, дороги братя карпатороссы, самы сны нам нич не помогут, треба, як тот каже, учытися, боротися и працувати..

ВАСИЛИЙ ЧЕПА.

Лемко от Ужгорода.

Из Маковицы

Ой верше верше, зеленый верше,
Уж ся не верне, што было перше!
Што зме прожыли борбу незгоду
Сами робили зме собі шкоду...
Ой шкоду шкоду, велику втрату,
Час ся познати, любенький брате!
Дайте сой руки и ся помирме,
А нашым врагам больше не вірме!
Шмарме темноту, отворме очы,
Не ходме водне темно як в нocy.
Мы зме всі братя еднакой расы,
Уж ся минули незгоды чысы,
Стары минули, новы настали
И нове жытя люде зачали!
Шмарме старизну, уж ся раз збудме
З новой дороги веце не блудме...
А стары братя ся не гнівайте
Молодым діло до рук отдайте,
Котры в час войны зме воювали,

То зме розума веце набрали,
Як нас учыли, як нас мучыли,
И по окопах нас волочыли!
Як было тяжко и як немило,
Много ся жытя своего позбыло.
Котрый ся достал до рук, до плену,
З иным розумом уж назад вернул,
Там ся научыл, там ся преконал,
Што он задармо в войні войовал...
Так всім нам братя час ся познати
И рука в руку разом тягати...
Шмарме от себе тоту сліпоту,
Не робме з віром жадну клопоту,
Ани зо віром, ани с церквами,
Станме в єдинство, будме братами,
Жыйме во любви и поступуйме,
Народне жытя уж днес будуйме...

Лемко Маковичан.

Емиграция--Спасение Лемковины

НІТ НАРОДА во світі, шtbody нахо-
дился в так трагичном националь-
ном и економичном, господарском
положыню, як лемкы. Ніт такой группы
народа, шtbody на него так наперали зо
всіх сторон, шtbody го якнайскорше нацио-
нально уничтожыти, стерти. А для оборо-
ны лемкы дуже слабы. Перше, слабы мы
потому, шtbody нас невелика группа, а и тотя
розділена границом на дві часты. Слабы
мы потому, шtbody за часов Австро-Венгрии
не дали нам ниякой можности развитя.
Коли всі нашы сусіде, сусідны славянскы
народы мали можность развитя, науки, на
своей родной бесіді, мы той можности
не мали. Значыт, перешли зме в дідицтво
Польшы и Чехословакии неподготовлены
совсім до борбы за права меншинства.
Через политичный розділ и закрытыя гра-
ниці ищы больше ослабили нас и отняли
от нас остатню силу для национальной обо-
роны.

Наша племенна отрубность от наших су-
сідов, велике для нас несчестя, котре най-
больше причынятся до трагичного, безвы-
ходного положыня нашего народа.

Зо всіх сторон, наша слаба группа на-
рода стиснена нашыма, розъагитованыма
своима национальныма патриотизмами, су-
сідами, котры маюот свои национальны дер-
жавы, правительства, милитарну силу, жан-
дармов. Устройство тых держав, меж ко-
тры мы розділены, капиталистичне, котре
може триматися лем на фальшьвом патри-
отизмі пануючой народности и пропаган-
ді племенной нетерпимости, ненависти.

Ци в Польшы, ци в Чехословакии, пер-
ший поляк и чех, яко упривилегиована на-
родность. Так едны як другы говорят, шtbody
то их державы. Большы группы народов
и ліпше подготовлены, ліпше загаздованы,
богатшы, ліпше учены, маюот силу боротися
за свои права. Их народы, у котрых свои
державы, помагаюот им в той борбі за тоты
права меншинства и даюот им надію, шtbody
тот час приде, коли они отвоююот их: Нім-

ці німцов, мадыре мадыров, и тоты народы
жыюот национально том надіом националь-
ного освобождения.

Наше положение таке, шtbody мы том на-
діом жыти не можеме. Русский народ збу-
дувал совсім на другой идеи свою державу:
Не на национальной, империялистичной, а
на социялистичном фундаменти. В Сов. Со-
юзі каждая найменша народность мае пол-
ну свободу национального розвития. Наша
национальна свобода зависима от того, ци
тоты державы, в котрых жыеме, останут
при старой, капиталистичной системі, ци
пріймут социялистичну. При старой импе-
риялистично-капиталистичной системі, коли
бы тотя система ищы яких пару десят літ
была суца до жыты, мы национально про-
падеме. Но здаеся, шtbody она до 10 літ най-
дальше мусит перемінитися в цілої Европі.

Уж по той причыні, шtbody мы инша группа
национально от наших сильнійших сусідов,
велике для нас несчестя в жытю. Наш край
дуже планый, без всякой промышленно-
сти, а до роботы даде в місті, на дорогах,
вступ нам закрытый, яко руснакам. Коли
наш лемко зыйде даде на долину за робо-
том, повідят му, шtbody маюот дост "своих."
И зато лемкы, так по польской як и чеш-
ской страні дусятся в тых выхненых горах,
на маленкых клаптиках землі, и то дуже
мало урожайной, здаеся в Европі ніт слаб-
ше урожайной землі. На таких клаптиках
землі не можна ужывати нияких ліпшых
орудий, не то машин. На ліпшы земледіль-
скы орудия, даде на фабричный плуг
не лем же не стати, але и потяговой силы
для ліпшого плуга ніт. Бодай зорати и
заборонити. А работа дуже тяжка, мимо
того, шtbody планно зроблена. Не зато план-
но зроблена, шtbody лемкы лінины. Но, лемкы
дуже pracowитый народ, але біда шtbodyраз
тяжше пригынат их.

Пред том бідом лемкы массово спасалися
в Америку. Но уж праві 20 літ, як тото
спасаня в Америку замкнене. А тым и наш
народ замкнений, якбы муром обведений

и предназначенный на повольные вымерания.

Коли лемкам повідають о кооперативах, о ремеслі, о ліпшій управі землі, то повідають добри, вшиткы тоты річы конечны, але лем частично для них помочны. Кооперациом, ліпшом управом землі, можуть собі дуже помочы польскы, чешскы селяне, бо маюť больше и доброй землі. И хоц собі помагають, то видиме, што у них тоже біда, не можуть собі дати рады з долгами. Так задолжены, што нияк виплатитися не можуть. Но так польскым як чешскым селянам яко-такo помагають их правительства, помагати мусят, бо на богатшoй части свого селянства операют свою национальну власть. Кулацкы селянскы партии, так в Чехословакии як и Польшы, правительственны партии.

Лемкы всі бідны. У нас, на Лемковині, перевелися богатшы селяне, бо хоц даколи были такы, што мали больше поля, тепер уж тото их поле поділене меж их діти, бо в Америку выслати не могли, як перше. Решта з давна бідны, а тепер много молодых совсім безземельны, сидят при блисшoй ци дальшoй родині, котра ділится з нима остатным куском хліба, ани не хліба, бо хліба брак, лем тым бідным компером.

Так жыти, як жыют лемкы, и быти здоровым, ниякий народ не може. Правда, лемкы народ ошадный и дуже скромный, но тота скромность має свои границы. Человік потребуе для свого здоровья и подтриманя свого жытя определену сколькость поживы. Пересічному лемкови дуже далеко до той определеной сколькости. Наш народ голодуе, його здоровья упадат. Наш народ потребуе скорой помочы. А тота помоч може быти лем

Емиграция. --

Емиграция спасение Лемковины, не так, як пишут украинскы националисты и духовенство, што лемкы можуть спасатися и на своей земли. Тоты, што так потішають наш народ, врагы лемков. Они якраз жычат лемкам, штобы они вымерали помаленкы и совсім вымерли. Украинскы националисты позбудутся лемковской группы, котра им терняком в пяті. Духовники барз рады, коли люде умерают и страшно не любят выпускати душычок из своей пара-

фии. А найстрашнійше для них тото, што лемкы збераются емигровати в Сов. Союз, где за нима не можна ити, як приміром в Америку.

Чом лемкы звернулися о дозволенія емигровати в Сов. Союз? Откинме мы всякы политичны споры, а посмотме найперше, ци ест яка друга страна, який другий край, часть світа, где бы лемкы могли осідати? Покажете таку часть світа, вы, котры против емиграции в Сибир, лемкы пойдут и там, бо іхати, емигровати деси мусят, як хотят сохранили здоровья и жытя на своей земли. Бо коли часть народа убуде, то тым, што останутся, буде слободнійше и ліпше жыти. В густоті будут вшиткы мучытися.

Емиграция лемков, то вопрос жытя або смерти нашего народа. Лем при массовой емиграции лемкы могут ищы жыти и розвиватися. Лемков сохранила дотепер при жытю емиграция в Америку.

Наша 50 процентова емиграция в Америці, за яких 25 літ, вымре. На своем молодом поколіню в Америці, по вині наших "лідеров," будувати нич не можеме. Мы ту, в Америці, скоро совсім замреме. Хыба наша молодеж яким чудом набере робочого сознания, чувства до бідного народа, сознания справедливости для бідной кляссы и угнетеных народов. Тогда она найде свой народ, найде край своих родичов, дознатся о своем походжыню, бо оно ей не буде стыдне, як тепер, коли стыдно быти бідным, або походити из бідного, поневоленого народа. Напротив, буде честно быти бідным и походити з бідного народа.

Если бы не наш Лемко-Союз, то тота наша, найвысша процентова емиграция в Америці, совсім бы марно пропала. Никто бы о ней не знал сегодня, кромі нас самых. Але того мало. Што нам с того, што уж о нас, лемках, знают. Нам должно роскодитися, штобы тота наша емиграция оставила по собі даяку памятку для нашего народа, зазначылася в його истории. Мы мусиме штоси зробити, штобы нашим братьям помочы в том тяжком положыню. А можеме им помочы в открытю емиграции. И коли Лемко-Союз тоту одну из своих задач выполнит, поможе открыти нашим братьям двери емиграции в Сов. Союз, то остане раз на все в истории нашего народа,

а тым самым остане в його истории наша американска емиграция. И зато мы должны выпружыти вшыткы силы, штобы допяты той найважнійшой задачы.

Треба нам все на памяти мати, што спасение Лемковины в емиграции. Што еми-

грация лемков не може быти в нияку иншу сторону, лем в Сов. Союз. В том направлении нам треба робити, робити всіма силами.

Ваньо Гунянка.

Дух Карпат

ВАНЬО КОРБАЧ замкнул двери своей малой хыжки на колодку и схватил ключ до торбы. Єдиный выгяд уж вчера дранком позатыкал, а днес ищы пару галузок чатины медже дранкы повкладал, жебы снігом не закурило. — В хыжы не зостало нич — цілый рухомый маеток Ваньо взял зо собом, бруслик, полатану гуньку, холошні, керпці и калап мал на собі — торбу перевисил през рамено, а палицю взял в руки. В торбі мал ищы ножык, гребин, втерачку и иглу з нитком. В хыжы зостало лем помело и кус сьмітя.

Ваньо выбрался в світ; мал дост біды, голоду, холоду и людских смішок. Уж му вшытко опротивіло, и постановил сой, штобы не было, ити в світ, глядати ліпшого быту.

— А може ищы больша біда буде — прешло му през голову... “Ніт! — подумал — векшой біды не може быти — уж тельо ник не зазнал, што я, уж осемнацет літ бідую, гарую, по службах ся тырам, фрас побрал — люде не шануют — доброго слова не речут.. Вшытко едно, як буде так буде, горше не буде. Здравя мам, якоси лем то буде. —

Посмотрился послідный раз на хыжу и рушыл в дорогу, в незнану даль...

* ** *

Ваньо Корбач был сирота; Няня николи не зазнал, а мама му умерла, як мал не цілых пят літ. Памятал добри похорон мамы. Было то взимі. Двох хлопов вынесло труну с хыжы на сані и повезли. За санями шли дві стары бабы, што уж на каждый похорон шли с привычки, ци от звычаю. Єгомость ани дяк не могли прити на похорон, бо не было кому заплатити. — Нашто бідному парады? — Ник не плакал, ани

бабы, ани тоты два газды, лем Ваньо сирота плакал — плакал горко, сердечно, щиро — як сироты лем плачут. — Не розуміл свого нещестя добри, але чул, што го чекат, як то буде тяжко жыти без мамы.

Хоц бідна была, але добра и до работы суца была Марина Корбач. Каждый ей рад до работы брал. Працувала тяжко, але заробила на жытя и на прибраня, и хлопця выховала — николи в ней не голодувал и не мерз. — Не богато ся приберала, але чысто и порядно. —

Отвезли Марину небожку пред церков, єгомость вышли, покропили кропилом, дячок замурчал “со святыми упокой,” и “вічная память,” и конец оба завернули до хыж, єгомость на клібанію, а дячок на дяквивку. А Ваньо уж не плакал, лем смотріл на сані и на труну, и хлипал. Уж добри змерз. Єдна баба посукала му руки, натягнула шапку глубше на голову.

Сані скрутили на цминтар... Гроб уж готовый был. Старый гробар стоял з лопатом коло гробу, и нетерпеливился, бо студін была. От часу до часу клал лопату на купу выкопаной глины и тер руки. Хлопцы тымчасом подыхали санями под ограду, вынесли мары с кошниці, положили на них труну и понесли ку гробови. Гробар подал мотузы. Розтягнули на землю, положили на них труну. Єден хлоп сильный взял сам оба конці мотуза, а другий зас с гробаром и пустили до гробу. Вытягнули мотузы и зачали землю засыпувати. Лем забубніла змерзла глина по дошці, а по Ваню аж мороз перешов. Уж чул же вшыткому конец...! “Што то тєраз мя чекат”?... перешло му през мозок. Бабы шмарили до гробу по три грудкы глины, выгварили три разы “Отче наш” и “Богородице”. И отхо-

дят. Хлопи тьж одышли ку саням и поіхали. Деси вшиткы забыли, же ищы сирота зостала. А Ваньо от плачу аж ся заходит. — Та не дрийся — гварит баба — то не може нич, мама уж не стане, лем ход до хыж з нами. — Але Ваньо не чул, што гварила баба, лем плакал. Нич не чул, нич не виділ и не хотіл нигде ити... Як же ити от мамы? где? до кого?

Бабы одышли! А гробар уж досыпувал решту выкопаной землі до гробу.

Робил тоту роботу з деревяным ровнодушием. Преця то його хліб. Привык... Не едно грішне тіло закопал. Не плакал над никым, бо уж был звикненый на людскы плачы. Знал добри, же його коли закопают...

Загорнул лопатом остатню глину, заровнал, взял джаган на рамено и гварит: — Но, хлопче, не плач, а ход зо мною до хыж! Ту зимно, то быс замерз; а до своей хыжы не можеш ити, бо там сам не можеш сидити... — Пидеш зо мною до мойой хыжы, огріешся, зіж дашто и зостанеш! —

Взял го за руку, и попровадил.

Ваньо не гварил нич, може ани не чул, што гробар бесідувал, але, же го тягли за руку, то ишол за гробаром.

А гробар дальше бесідуе: — Переночуеш у мене дома, буде ти тепло, поіш сой, а заран будеме видіти, што и як буде. А може и през цілу зиму в мене зостанеш — кривды не будеш мал хлопче. Но, но, лем не плач!, Дашто будеме радити. Тыс хлопак хоц не дужий, але выроснеш, пидеш на службу и будеш жыл як и другы люде, лем буд добрый, слухай мудрых люди, а зо злыма ся не задавай, якося то буде! —

Ваньо ишол с гробаром дост скоро и кус ся очкнул. Плакати перестал.

* * *

Гробар уж старый человек был, ай ретельный. Жену мал тьж старшу и добру, а діти не мали нияких. Кус своего поля и хыжу, а зас громада тьж приділила му малу парцелю яко гробарови. Правда, на полю лем грулькы ся родили, але и козу мож было выховати. Зрештом гробар доставал заплату за роботу, палюнкы не пил, то му выстарчыло на жытя, істи мал все што, а

же газдыню мал добру и шпаровну, то дакус отложыл на старость.

Пришли до хыж. Гробариха познала до раз, чый то хлопец, взяла го, оділа, придулила, накормила и положила спати. Ваньо заснул як камин. Дві нocy мало што спал, перемерз и сплакался. Вшитко тото так го змучыло, же як бы зостал где сам на дворі, то бы заснул, хоц и на снігу, и заснул бы на смерть.

Ваньо гнет ся привычаил до новых люди, а же хлопец добрый был и охотный, то гробариха го полюбила, як своего. Помагал хоцшто в хыжы, а в літі пас козу, або зберал для ней траву ци листя в дебри. И так дорос до десят літ. Тым часом гробариха умерла, а и гробар, же уж старый был, пишол за ньюм, штоси за рок.

* * *

Был май: Весна красна, гарді на світі. Кто сытый, приодітый, тому и весна мила, а кто голоден, то му ани фиалкы не помогут, бо лем пахнут. Ваньо уж пятый місяц дома, сам в своей хыжці. Газдове не хтят слугов, бо нее чым платити ани кормити. Што ся на грунті вродит, то ся зіст, продати паця або теля, не вартат, бо ник не купит, а як купит, то за марны грошы, што ани на податок не выстарчят. А податкы великы друт, а вшитко з газды. А газда дати мусит, бо приде езекутор и заберат, што лем ся взяти даст.

Газда іст без соли, сидят потемкы, бо нее зашто нафты купити — на пачку дугану треба дватцет яец продати... Едным словом — така ся на газдов покуса звалила, же трудно не лем жыти, але и вмерти.

В каждом селі молодых люди дос; каждый хоче робити, а нее где роботу достати. До Америки не пустят, хоц и там неска біда, але там доляры, гварят, все то пінязь.

Пришло до того, же хоц найбогатший газда, каждый ся задовжыл. А тепер уж ани пожычыти нее где!

И Ваньо Корбач работы не ма, істи тьж все бракуе, уж рад робит кому роботу лем за тых пару грульок с кыселицьом, але пришло до того, же и того не годеи достати. А ту на світі весна крас, повітря чудесне, тепліцко, душа повинна ся радувати. Штож, коли жолудок пустый. — Ніт,

— гварит Ваньо! — Треба даде от той біды втікати — бо ищы человек з голоду згыне!.. Но и Ваньо замкнул хыжку, взял торбу и палицю, и марш в світ!

* * *

Вышол Ваньо зрана, ищы сонце не сходило; люде спали — декади лем ся зачали пробуджати. А когуты росспівалися весело. Погоду добру ворожыли.

Перешол село, уж дошол до крижа, што стоял на граници, посмотрілся назад и за сердце го штоси стиснуло. — Де ту ити? — мыслит. — Але преця за дорогом пиду и конец! — подумал, стряс собом, жебы тот жаль лишыти в селі, и бесідуе сам до себе: — Уж не верну назад, жебы не знам што! — А ту рипнули двери, с цыганской колибы, што стояла на конци села, вышол Старый цыган и гварит: “Гей Ваню! деж так рано”? А Ваньо ани ся не обызріл, лем скоршым кроком ишол дальше. Примомнул му цыган хыжу, слезы му зачали тиснутися до горла, и заплакал Ваньо Корбач — голосно — безнадежно . . . !

* * *

Але Ваньо скоро обатурился, стиснул руком палицю и рушыл кроком перед себе. Уж не думал о біді, ани о своей хыжы, лем голову поднюс до горы и смотріл на світ божий — на горы, лісы, поля . . . Бо то преця был май — вшытко красота. — Повітря пахло, горбки зеленілися. Темный ліс стоял задуманый, так як бы ся тыж зачудувал тому світу, што по зимі так ожыл. Было тихо и спокойно, жадного вітерку не было — голос было далеко чути. А Ваньо чул ажи як му сердце било. Зас далеко на горбках выразно брэнкали дзвонкы овчарскы и чути было крикы и гойканя югасов. Пташкы зас так шумно цвіркали зо вшыткых сторон, же Ваньови мало душа не выскочыла с чувства. — Боже — подумал — як гарді на том світі, а кельо ту біды, несчестя! Жебы так человек был тым пташком, або и тым деревом, тобы ся лем все тішыл а згрызоты бы нигда не мал. Бо што такий пташок. Поіст сой, політат, выспится хоцде, не зимно му — одежы не зодре — и все му добри, все веселый. А ту человек . . . и махнул руком Ваньо. — Або

жебы уж мож быти хоц каменьом . . . (Ваньови здавалося, же и камені радуются в маю), тобы хоц о ничым не думал, ани о нич ся не старал . . . И позаздростил Ваньо каменям, горбкам, ядловцям, же тыж сут створы боскы — а не чуют ани болю, ани голоду.

И долго ищы так философувал, же ани не спостерег, як ушол добру милю. Уж было коло полудня. Але горяча ниякого не было, лем приятне тепло, таке тепло, што не слабит человека, лем сил додае. Ваньо не был змученый, але його жолудок был порожный, то ся домагал своего. То ест право жолудкове, податок, як газоліна до кары — не даш — з місця не рушыт.

Ваньо был голоден! А ту в торбі ани куска хліба, ани от кого выпросити, бо люди близко нее. Села ниякого не видно, лем горы, лісы далеко, як око хватит. И смотрит Ваньо на околицу. Сонце освітило землю, озолотило. Чудны тоты нашы горы Карпаты. Хоц нам земля скупо родит, тоты грулькы, овес ци ярец, але хвала богу и зато, бо то наше. Ту жыли нашы предкы, ту мы жыеме, наш карпаторусский народ, ту нас поховают, а нашы потомкы зас ту будут жыти. Бо то нашы горы — были и будут, як долго наш народ буде жыти.

Тоты Карпаты оборонили нас пред Татарами, Мадярами, они повинни нас оборонити пред вшыткыма ворогами! Не даме той землі, тых лісов и гор, тых потоков никому, бо то наша отвічна часть землі и никто нема права нам забрати.

Ваньо дошол до ліса и станул. Подумал, ци бы даде не нашол югасов, што пасут статкы по горах. Мож бы было до них пристати, и так разом з нима жыти.

Так сой думал, а ту раптом пред ним станул человек . . . Старый, сивый, але ищы кріпкий. Торбу ма на рамени, палицю в руках. Дзяд — не дзяд . . . Не подобный на дзяда. Гуньку ма цілу, кошелю чысту, керпці новы, а смотрит так ласкаво и жычливо, же Ваньо отразу набрал смілости и повідат: — Добрый ден діду!

— Добре здоровя — хлопче —

— Где тота дорога провадит? — звідуется Ваньо.

— Дорога провадит там, где ты хочеш ити. — А где ты идеш?

— Я сам не знам где! Иду в світ, глядати ліпшой долі — гварит Ваньо.

— То добри идеш. Тота дорога провадит в світ. Але виджу, же ты руснак!

— Та Руснак, а откаль знате?

— А, бо идеш, а не знаш где, штоси наміряш робити, а не маш жадного пляну.

— А што то значыт плян?

— А, то значыт, же як маш дашто зробити, або даде ити, або дашто постановити, то треба вшытко добри обдумати, каждый дробну річ, каждый найменший крок, ци дашто с того може быти, ци ся тото оплатит, бо як ні, то нее што зачынаати, а другого чого ся яти.

— Мудро бесідуєте діду! Ани мі на мысль таке не пришло, тєраз то уж буду знал, же треба сой уложыти... е.—

— Плян — докончыл дід и повідат дале: — Нич на сліпо не робится, николи не треба рискувати, як на льотерии... Ліпший вобель в жмени, як сорока на дубі. То правда, же часом ся плян не удаст, але мимо того нич без пляну ся не робит.

Подумал Ваньо над том бесідом и гварит: Добри, плян! Але як то? Я мам плян найти сой роботу, а ту не годен, бо нее работы, я мам плян дашто зісти, и нее жадного способу, жебы мож было хліба заробити. Бо красти я не годен, хоцбы пришло з голоду вмерти.

— Чекай, лем, хлопче, жытєя тя дуже научыт, бос ищы молодой, але же маш отразу до крадежы, зато мі ся барз подабаш. Буд все такий, а добри ти буде. Вижу, же и працювати любиш, як глядаш работы, то уж дуже значыт, буде с тебе даколи человек. Сядме ту, на бережку — дашто зіме — а так пидеме каждый в свою страну.

Ваньови, на слово "істи", лекше зробилося, бо голоден был, як пес. Дід вынял с торбы хліб и кусок солонины, роскраял на дві ровны части, едно и друге и дал едну часть Ваньови.

Ваньо з великым апетитом іл, аж ся дід зачудувал.

— Ты — гварит — дас тыжден не іл, ци што, же так лакомо іш?

— Є, як ищы позавчером ем повечерял, то до днеска нич ем в гамбі не мал.

— О, то ты и голод вытримаш! То тыж добри! Повідам ти, же буде с тебе человек.

— Ба, а тепер ем не человек?

— Но так, подобный до человека, з верху, але человек, правдивый человек, мусит быти и всередині человек, што не лем іст и спит, але и думат, творит, жытєя порядне провадит. Человек мусит мати розум чловечий и сильну волю людям добри робити, и сердце добре, жебы чуло людску недолю.

— Як тото вшытко маш, тос человек. А як ні, тос лем подобіе человека. Дуже люди треба познати, жебы медже нима чловека найти. Жебы каждый з люди на світі был человеком, не было бы такой біды, еден о другого бы дбал, ник никому бы кривды не робил, вшыткы бы мали хліба дост. А видиш, же так не ест. Даколи оно буде так, але коли, то ник не зна...

— А ци чул ты дашто, молодой чловеце, за Совітский Союз? — звідался наконец.

— Думате, там где большевики пануют? — прєстрашылся Ваньо.

— Там, где большевики. Вижу, же на саму мысль маш страх, молодой чловеце. А то нич не страшны люде. То такы люде, што хотят, штобы вшыткы люде мали роботу, хліб и, што до жытєя треба. Штобы люде з людми ділилися роботом и хлібом и штобы едны люде не жыли коштом других, а каждый трудился по своим силам и способности, штобы всі стояли за едного, а еден за всіх.

— А што то значыт большевик? — просит ся Ваньо.

— Большевик, молодой чловеце, то значыт такий человек, котрый стоит за большинство, за бідну массу народа. Ты тыж еден с той бідной массы, зато ты не можеш жыти на світі, ходиш голоден, глядаш работы, жебы собі заробити кусок хліба, але не можеш ей найти. Не можеш найти той работы, хоц ты бы барз рад робити. Робил быс ажи за кусок хліба и за яку таку одежу. Але той работы не найдеш, бо ей гнеска никому не треба, значыт и ты непотребный.

— Але чом то так, діду, што никому мойой работы не треба?

— Та слышыш, што люде бесідуют, же тепер "кризис"...

— А што то тот кризис? Ци то го Бог

дал? Бо вшытко Бог дае. То певно и тот кризис Бог допустил на людей за их гріхы?

— Не слухай того, то лем так бідный народ баламутят, штобы терпеливо зносив тоту несправедливість, яка ся му діе. Што-ж, приміром, ты Богу виноватый, што не можеш найти куска хліба? Кризисы люде на себе навели, як наводят на себе войны. Лем подумай: Який тот світ прекрасный и богатый, великий. Дост вшыткого для каждого на земли. Нич не треба, лем роботы, обробити тото світове богатство для ужытку людей. Зато для жытя на світі потрібный труд. И коли люде не трудятся, то лем зато, што ктоси им не дае трудиться. Заперают людям роботу тоты, што не любяты роботы, што работа здаеся им якиса кара. Уж так собі здавна таку науку вынашли, што работа то кара божа за гріх первого человека Адама. Тоты люде, што мали роботу за кару божу, шпекулювали так, штобы другы на них робили и зато забрали шпекуляциом богатства земны, яко свою власность, установили такы права, котры бы боронили того порядку, што добра, богатства землі належат лем им, а бідный народ робил на тых богатствах за кусок хліба, який му давали так долго, як долго тота работа бідного народа их все больше богатіла. Коли пришли машины, то они их ищы больше богатіли, а бідный народ все ищы больше бідніл. Пришло до того, што тоты богаче нароби-ли столько товаров, што не можут уж на него ниякого купця найти, бо народ совсім обідніл. Богаче засіли на своих богатствах, на великих обшарах землі и сідыт, а бідный народ примерат от голода. То не лем ты, молодой человек, без хліба, а миллионы таких во світі... И миллионы глядают хліба, глядают роботы, але не найдут едного ни другого так долго, покаль сам народ не буде властителем світового богатства...

— А ци то даколи буде? — звідуется Ваньо.

— Так долго не буде, покаль такы молоды люде як ты, будут глядати счастья и хліба лем для себе, а не будут дбати еден за другого. Як долго бідный народ не порозуміе, што без борбы з богатом кляссом, без победы над том кляссом, не буде ліпше, буде терпіти голод, буде пропадати. Як

долго не порозуміе, што так жыти не може, коли бідный бідному буде выдерати остатний кусок хліба — лем так жыти може коли в часі той борбы, бідный з бідным добровольно, из товаришской любви, будут ділитися остатним куском хліба, як мы ту, с тобом.

Видиш, молодой хлопче, тото порозуміли нашы братя в России и побороли богату кляссу и ніт там кризиса, кто лем хоче честно трудиться, тот трудится, и всі тоты честны робочы діляты своим куском хліба, хоц ищы тепер не таким богатым, сытым, але каждый день они богатіют и каждый день их общий кусок хліба сытший.

— Но а чога то, діду, так говорят на тых большевиков, што они такы брыдкы люде, што людей ідыт? — звідается Ваньо.

— Знай, хлопче, што чым страшнійшы річы они повідают о большевиках, то тото все ліпше доказуе, што бідному народу там што раз ліпше поводится. И зато они хотят отстрашыты народ страшныма річями о тамтым народі и його державі, найбогатшой державі во світі и найбогатшом народі, бо всі богатства той державы належат тому народу.

— Та што я тепер мам робити? Яку мі раду дате, добрый человек? — звідуется Ваньо.

— Хліба ты гнеска во світі не найдеш, а біду и нужду. Я ти даю таку раду, жебы ты вернул в свое родне село и повідал тото, што я ти повідам, што не приде конец біди так долго, покаль бідный народ не поборе, не усуне того несправедливого порядку, котрый запричинил тоту біду и не може найти з ней ниякого выхода. А тот порядок, то порядок богатых панов, котры присіли богатства. Они установили такы законы, котры боронят несправедливости. Штобы побороты біду, треба установити справедливы законы. А лем бідный народ може установити справедливы законы для бідных. Вертай в свое село, соединяйте свои молоды силы, учтеся — бо скоро приде и для нас, бідных лемков, час народной свободы и конец нашей біды.

— А кто вы, діду? И где сте были и тепер идете?

— Я Дух Карпат. Я все в Карпатах. Але я спал тысяч літ. Громы страшной войны

затрясли нашыма горами и пробудили мя. И от войны я хожу нашыма горами и буджу других, котры ищы спят. Многы ищы спят твердым сном, а во сні грызутся меж собом. Праві всі стары спят и, здаєся, уж не пробудятя николи. Но молоды будятя и они наберут сил и побідят, а тота побіда принесе нашым Карпатам свободу, справедливость и хліб...

Встал старый дідо:

— Буд здоров и зроб так, як я ти гварю,

бо хліба в світі не найдеш, а марно пропадеш...

И пустился старый дідо в свою сторону — и скоро скрылся за лісом.

Долго стоял Ваньо Корбач и думал, ци то на правду он говорил с тым дідом, ци лем ся му звиділо... Але почул, што уж не тягне го в світ, а тягне го назад в свое родне село...

И вертал Ваньо Корбач в свою бідну хыжку, але уж з новым духом, духом борбы за права бідного народа...

Як Закладали Села на Лемковині

НАШ НАРОД заселил тоту часть Карпат, што зовеме Лемковина, ищы за римских часов. Но в тых часах не было нашого народа столько на той территории, што го сегодня ест. Сегодня мы маме там около 650 сел чысто русских, в одном ланцуху, без ниякой перервы словацкыма ци польскыма селами. В початках заселения той землі нашыма предками, заложыли они вшыткого пару осад, потом из тых пару осад выросло парудесят, потом уж им тісно было, то из одной страны перли на восток и там закладали села, а из другой страны и на той территории закладали новы села, хоц уж и тіснувато было. Смілійшы ишли дальше, меньше смілы, меньше отважны будували села в недалекоем сусідстві от свого старого села.

Тото закладаня новых сел подобне до роиня пчол. Коли им уж тісно, часть выходит зо свого пня и глядат другого пня.

Як нашы предкы закладали новы села и яку роль грали при том дідиче, трутні трудового народа, представляют нам найліпше ниже поданый документ о закладаню села Смерековец, горлицкого повіта, в 1521 року. Тот дукумент хранится в музеи місточка Бич, написаный по латині и по польскы. Ниже подаеме перевод по русскы, на лемковской бесіді:

Документ о заложыню села Смерековец 1521 року.

Во имя Господне — Аминь! На вічну вічысту діла того память! Мы, Яков и Ста-

нислав Гладышове, родны братя, нероздільны, з Рыглиц и Смерековца дідиче, всіх, котры тепер жыют, и в будучности жыти будут, извіщаме, што для умножения добра нашего и наслідников наших и для корысти всіх — даеме полну мощ славному мужу, Махновичу з Высовой, Максимовому сыну Волошину, доброму чловеку, для заложыня села по обох берегах рікы Ждыні, на Смеречыні — на праві німецком — котре то село мае называтися по польскы Смеречын. До того села придаеме лісы от Магуры, откаль почынатся маленький поток, званый Смерековец, аж до того міста, где лучатся два потоки. Дальше по обох сторонах рікы аж до Стаминого, а на горі аж ку Регетову, по обох сторонах рікы Регетовка.

Село Смеречын освобождаме от всіх податков на дватцет літ еден по другом. По том часі каждый хлоп, котрый там буде жыти, буде платити по половині гривны нам и потомкам нашым, а то в день св. Петра и Павла, каждого року и на вікы платити обовязаный.

Уполномоченому до заложыня села, даеме в том селі Смеречыні, йому и його потомкам — солтыство и три вольны ланы, ятку, різника, шевця, коваля, млин и трач або пилу и ліс на млин, на трач и на ярк и на будову — а хлопи будут обовязаны вшытко, што потребно на млин и на пилу (трач) и на ярк звести и коло язу робити тому солтысови и його наслідникам. Еден шестый пінязь чыншовый и еден лан воль-

ний даєме на попа, як тоже для церкви и попа даєме поля на ужыток тельо, кельо и давнійше доставали.

Солтыс буде обовязаный на всяку вы-праву военну ити служыти на едном коню и едного коня дати нам и наслідникам нашым на вікы, а мы и потомкы нашы будеме обовязаны на войні того солтыса и його коня кормити.

Хлопи, осаджены через того солтыса ма-ют дати по два “яржомбкы” на великден, два на зелены свята и два на рождество, або по два каплоны замісто “яржомбков” — або за каждого по грошу и по одному сыру волоском (грудка уча) и попругы будут обовязаны давати. Дальше, каждого року, хлопи мают давати по одному вепрови и от каждого стада овец мают хлопи дава-ти по пят баранов и еден сыр волоский и попругы на свята.

Солтыс може тримати 300 кадобов пчол и от того нич николи не має давати, а ко-ли буде мати больше, то буде обовязаный платити. Коли буде в лісах наших буков, то каждый хлоп повинен давати десяту сви-ню або вепря нам и потомкам нашым на вікы. Хлопи, котры мают в лісах, в дудлах, осаджены пчелы, мают давати по чверти меду. Каждый хлоп того села обовязаный буде робити солтысови три дни до року на піше, а четвертый день с протягом, на своєм утриманю. Хлопи будут обовязаны два раз до року, т. е. на Великден и на Рождество, давати “почту” солтысови и його потомкам, а и нам давати почту (да-нина) два разы до року.

Даєме тому солтысови власть во всіх справах, великих и малых, над хлопами и пришелцами, котрых маєся ведля німецкого права судити и карати и даєме тому солты-сови власть вины протів пана судити обы-чайом права волоского, о доходы панскы тиж ведля права волоского маєся судити. (Ведля того “волоского права” солтысе страшно били и мучыли селян-хлопов)

Солтысови даєме право солтыство Сме-речын продати, дати, дарувати, замінити, як його воля, але за нашим або наших потомков, позволеньом.

На закріпление того документа прикла-даєме нашу печать.

Діялося и дано в Рыглицах, в понеділок

по середпостной неділі, Року от Рождества Христового тысяч пятьсот дватцет первого.

Присутны были шляхетно (по панскы) у-рожены: Андрей Вьельогловский, Стани-слав Йордан, Габріел Ясіцкий, Ян Сестринец и много других доброй віры достойных.

Яков Гладыш, Станислав Гладыш.

1521. Ян Зборовский.

“Солтыс не має отповідати пред ниякым судом, лем пред нами.” —

Перевел Т. Я.

Найинтереснійша роля солтыса. Из того документа видиме, што такому солтысови было дано паном право жытя и смерти над бідным хлопом. Солтыс был неогра-ниченым деспотом в селі, зависимым лем от пана.

Нова Польша не може забыти тых ста-рых панских часов, бо видиме, што зас за-водит “солтысов”...

Жертвы Звірств Світової Войны

Показания Дзюбинского Николая, селя-нина из Верхомлі великой, даны в при-сутствии инж. С. Дуркота, Руссиняка Миха-ила, Богуского Стефана в Верхомлі вел.
Дня 11. VI. 1933. г.

“**В** НЕДІЛЮ дня 14. XI. 1914. г. при-шло до Верхомлі трьох жандар-мов, пребранных в мійску одежу; еден з них, як зме ся потом довідали, был “украинец” з Восточной Галичыны — Криль, а два другы были полякы, лем же по рус-скы знали бесідувати.

В часі войны каждый чужий человек в селі мусіл зараз мельдуватися у вийта — так и они найперше звідувалися о началь-ника. Начальник села, а был ним втоды Богуский Андрей, разом с радныма, был в шынку. Провокаторе замельдувалися у вий-та, а пак поставили палюнкы и слово за словом зачали бесіду с вийтом и радныма. Нарікали на Австрию, скаржылися на біду, поневірку народа. Чым дальше газдове з нима розмавляли, тым веце им тоты прово-

каторе подабалися, тым веце наберали до них довіря. Палюнкы убывало с фляшок и газдове штораз сердечнійшыма очами зачынали смотріти на чужаков, а як им они ищы повіли, же они тиж руснакы, же хцут предостатися до русских войск (русскы войска стояли втоды недалеко в Лабові) и же барз просят газдов повісти им, як найліпше буде прейти горами до Лабовы, селяне дорогу показали и угостили и неедно тепле слово при пращаню было повіджене.

— В середу внет пополудни тых самых трьох людців пришло до села, але уж в своем правдивом виді, в жандармских мундурах. До вийта зашли они доперва вечером и казали му приготовити три фурманкы, заарештували вшиткых шестьох смертників, в том чыслі на самом конці и вийта и над раном отвезли их до Пивничной. В Пивничной отвезли их на рынок и, коли польский ксьондз отмовился сповідати “здрайцуф”, без сповіди, повісили на деревах на рынку. (Дерева тоты по войні стято, жебы не нагадували того огыдного морду). Сталося то дня 18. VI. 1914. г.

Фурмане, котры привезли до Пивничной смертників, коли увиділи, што творится, повтікали тайком до Верховлі.

* * *

Тот самый газда — Дзюбинский Николай оповідат дальше:

“На який місяц пред повішеньом еден добре знакомый жандарм звертатся до вийта Богуского Андрея: “Cóż to z waszej Wierchomli idą jedno za drugim anonimowe doniesienia? Uważajcie wójbie, bo te doniesienia nie tylko do nas są kierowane, ale i do wyższych władz.”

З того зме порозуміли уж по повішеню, же вшытку несчестя спровадили на Верховлю домовы юды, котры на наше село звернули постоянными доносами увагу австрийцев.

Вшыткы розуміеме, же посередньом причыном смерти наших мучеников были: Анна з каштанюков Проць, учителька родом з Вост. Галичыны, “украинка” и Стефан Шалаш, студент, тиж украинец, тепер каноник.

Же тых двое было сочынителями анонимов, домыслямеся на той подставі: тых

двое людей, то едины “украинцы”, и то “украинцы” “завзятушы” так, же приходило нераз межы нима а газдами, як на пр. Мійскими Антоном и Петром до споров. Коли в середу, за другим разом пришли уж по наших мучеников жандармы — никому ищы през мысль не прешло о што росходится, лем Процьова зараз, як зъявилися в селі жандармы, казала стяти в своим огороді гойданку, жебы газдов не повісили ей пред домом на гойданці — значыт, она была в порозуміню с жандармами и знала, што ся святит.

Же Процьова любила выписувати анонимы, то преконалисмеся ищы и позднійше: по войні, як стверджено в Мушынском суді, выписувала анонимовы скаргы до Мушынского заряду лісового на руснака, лісного В. Дзюбинского из Верховлі малой.

Показания Руссияка Михаила из Верховлі великой, инициатора перевоза тлінных останков убитых в Пивничной крестьян на кладбище в Верховлі великой данные дня 11. VI. 1933.

Коли достал ем от окружного лікаря в Новом Санчи позволение на перевоз тіл повішенных в Пивничной и там погребаных Верховлян, собрал ем родину убитых и разом пошли мы до Пивничной.

Нашы мученикы были похованы на паствиску, над ріком Попрадом, на місци, где гребут коней и псов. Откопувати зачали зме докладно так, як поручыл нам окружный лікар. Насам перед одгребли зме коня, котрым привалили тіла наших отцов. Коли позналисме, же то труп коня, отшмарили зме го, а дальше под ним нашлисме вшиткых шестьох наших мучеников. Их тіла уж цілком розложылися и лем кости остали. Кости зложылизме до приготованых трумн, дали зме знати до села, запросили зме наших священников и на другой день перевезлисме трумны из Пивничной до Верховлі.

На перевоз тіл убитых собралося около тысячы народа, наших священников было 7 в том чыслі о. Р. Прислопский.

Тіла зложено на кладбищі коло церкви в Верховлі великой и поставлено памятник с памятною таблицею.”

Українські Націоналісти в Часі Войни а Тепер

ТАК ИЗ той Верховлянської трагедии, як из других таких трагедий на Лемковині, ясно виходит, што українські націоналісти в часі войны гралі ролю доносчыков, а дуже часто и катов для наших селян лемков. Тому нияк заперечыти не можна, што мы завдячуеме Талергоф українським націоналістам.

Тепер, по 20 літах, тым самым українцям здаеся, што мы тото совсім забыли и тоты самы українці стараються из жертв нашого народа зробити для себе политичный капитал.

Коли зме взяли в руки даяку українську газету 20 літ тому назад, то каждая из них была переполнена доносами на передовых наших селян. Тепер, за 20 літ, тоты самы жертвы украинской ненависти представляются украинцями, яко жертвы за українську самостійну идею.

Вот, што пише "Діло", укр. національна газета во Львові 1934.

"Перші шибениці у Львові 1914 року.

Рядки, які подаємо, надіслав нам один Українець, що підчас вибуху світової війни стояв у службовому звязку з карним заведенням у Львові, званим Бригідками, і мав змогу бачити на власні очі ославлену юстифікацію, практиковану тоді австрійською владою на Богу духа винним українським населенням.

Після проголошення мобілізації віденське міністерство справедливости наказало перенести вязнів з карних заведень до Чехії, Наслідком того 5. серпня 1914 р. в ночі з львівського карного заведення (Бригідок) відійшов транспорт 350 вязнів і 54 вязничних сторожів до карного заведення в Картузах біля Ічина в Чехах під ескортою 50 лянштурмістів. Автор цих рядків мусів для тих вязнів виготовити грошеві аркуші, бо урядовець від тої роботи пішов до війська, а крім того видавати харчі для 58 хорих вязнів.

Дня 10. серпня раненько питає його ц. к. дивізійний військовий суд телефонічно, чи є в заведенні місце для 50 москвофілів з Жовківщини і Сокальщини. Місце було, отже коло 10. год. передпол. прийшов тран-

спорт, зложений із 42 осіб, при асистенції вояків краєвої оборони та в супроводі вдесятеро більшої юрби цивільних осіб, що верещали: На гак москвофілів! На гак!

Зачинилася брама і вояки уставили "москвофілів" на подворі. Були між ними молоді люди і старі мужчини і жінки, селяни й інтелігенція. Самих священників було 7, а попри них одна жінка священника з дорослою донькою.

Шеф карного заведення, родом Чех, глядів, помітно співчуючи, своїми славянськими очима на тих нещасних, споневіряних людей, яким кров текла з босих ніг, і звелів авторови цих рядків видати їм харчі на обід, бо багато з них уже по дві добі нічого не їли. Жінку священника з дочкою велів відставити до жіночого карного заведення Марії Магдалини.

Видавши з магазину потрібні харчі, пише автор, пішов я до ждальні, де знаходилася жінка священника з донькою, і спитав її, чи може вона заплатити собі дорожку до заведення Марії Магдалини, щоб оминати атаки вулиці під Бригідками.

— Пане, — відповіла вона — дуже радо заплачу дорожку, бо не маєте поняття, як та юрба нас паплюжила весь час від залізничного двірця аж сюди, як кидала на нас камінням, не зважаючи на священичу одержу ані на сивий волос!

Я наняв фіякра за 75 с. і завіз обі жінки до жіночого карного заведення. Тут сестра дозорчиня не хотіла їх прийняти, мовлячи, що там є місце тільки для засуджених. Одначе я покликався на приказ свого шефа і залишив обі жінки в жіночому заведенні.

Минали дні і до Бригідок приводили дальші партії "москвофілів". Аж 24 серпня в год. 8. ранком відзивається телефон: Військовий суд наказує зробити шибеницю на подвіри, бо будуть вішати чотирох засуджених москвофілів: 1) Антона Супликевича, 2) Семена Шпорлюка, 3) Семена Хіля, 4) Івана Хіля.

Я дав картку дозорцеви, чтобы прівів тих чотирох людей до окремої келії. За годину приходить аудитор у ранзі ляйтнанта, пенсіонований австрійський прокуратор.

Веду його до келії, де знаходилися засуджені, і аудитор проголошує присуд: Антін Супликевич за те, що давав знаки Москалям, засуджений на кару смерти через повішення. Присуд буде за годину виконаний.

Подібний присуд оголосив Шпорлюкови й обом Хілям за те, що показали Москалям стежку через ліс. Іван Хіль, 18-літній син Семена, почав судорожно плакати, що так швидко мусить зійти зі світа.

Задля виконання езекуції прийшов незабаром священник, щоби висповідати нещасних на смерть; далше явилися підполковник і три поручники, всі Німці.

Першого повісли Супликевича, мабуть вїта із Скоморох, другого Шпорлюка, а далше Семена Хіля і його сина. Коли якийсь лейтнант закидав останньому шнур на шию, він крикнув з плачем: "Присягаю Богу, що я невинен"!

Після езекуції всі три поручники прийшли до моєї канцелярії. Я не видержав і сказав тому, що сповняв ролю ката:

— Я бачив, як кат Лянґ вішав у 1908 р. душогуба Чабака, але ваше вішання рівняється найгішим тортурам.

При відході поручник витягнув на прощання до мене руку. Я руки йому не подав, мовлячи: *Thre Hand ist mit Blut beshmutzt.* (Ваша рука сплямлена кровю).

Більше старшини до вішання не приходили. Зате на другий день прийшли два каптали з військової поліції і повісили: Івана Колесника, Івана Ярмоловича та Олексу Бадейовського. На третій день було ще трох повішених, але їхніх імен я собі не записав, бо небуло мене в бюрі. В часі від 24. до 30. серпня повішено в Бригідках 11 осіб.

В ночі з 30. на 31. серпня зігнали на повір'я всіх в'язнів, а передполуднем 31. серпня прийшли 260 поліцаїв, які повели поверх 1,200 людей чвірками на головний двірць, а звідтіля на захід.

Стільки наш інформатор, що жиє тепер поза границями Польщі. — ("Діло").

Моя Историка

НИКОЛИ я нич не писала, ани не подумала, што буду даколи писати, аж, коли я почала чытати газету "Лемко," набралам охоты до писаня, бо вижу в той газеті, што там пишут просты люде, хлопи и жены, такы самы люде робочы емигранты, як я сама.

Пришла я до Америки зо села Явиркы, повіт Новый Торг, из под самых высоких Татар. Там, в том повіті, при угорской, спишской границы, положены штыри нашы русскы села: Шляхтова, Явиркы, Чорна Вода и Біла Вода. Зараз через границу, по угорской, тепер чехословацкой, стороні, положены нашы русскы села: Великий Липник, Фольварк, Литманова, Кремпах, Ярембина, Камьонка и другы нашы русскы, спишскы села.

Уродилася я там, в тых горах, така, як и другы нашы лемкы родятся, але уж гнеськы світ мя научыл кус веце розума, як ем мала втоды, як ем ся уродила. Правда, нашы люде звыкли бесідувати:

— Яким ем ся уродил, таким буду умєрати!..

Але повічте дорогы брата лемкы, члены и членкыні Л. С., а заразом всі сознательны люде, ци то може быти правда? Лем подумайме своим простым розумом, а увидиме, што тоты люде, котры так повідают, повідают неправду и они нич не думают. Бо человек родится маленький, без одежы, без науки, без розума, допіро по якимси часі зачынається бавити рученятами, познійше уж зачынат познавати свою маму, потом няня, потом штораз ліпше розвивается му розум, познає першы річы, што сут коло него положены, и родиче барз тому тішатся, коли их дітина скоро познає их и вшытко коло себе. За рок она уж не тота, што была пред роком. И родиче заедно думают, як бы тоту дітину скорше выплекати, выбавити, и выкормити, жебы была красна, здорова, весела и тішатся ньом, што им вырастне, буде шумным хлопцьом ци дівчатом, як и другы добры хлопці и дівчата.

Але зачым тота дітина вырасне и набе-ре сама розуму, то найдутся такы злы, фальшивы люде, котры з даякой зависти стараются тоту дітину зопсути и збунтувати против ей власных родичов.

— Не слухай свого няня, бо он недобрый, он лем зато старатся, жебы ты скоро вырос, бо хоче, жебы ты на него робил, а он собі лем руки позакладат и буде пана грати...

А добры люде му повідають;

— Слухай сыну свого няня, бо он ти добри хоче, буде с тебе добра, розумна людина, лем слухай...

А тот сын не зна кого ма слухати, як його розум ищы заслабый. И мусит собі помаленкы сам в своей голові розберати, кто його ворог, а кто приятель, кто му хоче добра, а кто зла...

ЛЕМКИ В АМЕРИКІ: Емигранты из сел Явиркы и Шляхтова, пов. Нов. Торг. Три жены, котры разом стоят, сестры, всі членкыні Л. С. В середині містопредсідателька Л. С. ч. 3. в Детройт, Ирина Петрикович.

Таком маленьком дітином был и наш Лемко-Союз, разом зо своима початковыма членами, и отцом той дітины был наш головный уряд и наша газета "Лемко". Они учили тоту дітину, вели ей, як она мае ити.

Но як при дітині, так и при Л. Союзі

нашлися тоты злы и добры люде. Злы люде, то тоты вшыткы, котры завидували той дітині и ей родичам и бунтували тоту дітину против своих родичов. Добры люде, то тоты сознательны члены, котры учили других, меньше сознательных.

И тот Лемко-Союз уж вырос гнеска на отца, а наш народ, то його дітина, котра береса до світа, но злы люде тоту дітину стараются зопсути и отгваряют наш народ, штобы не слухал свого отца, бо тот отец

ЛЕМКИ В СТАРОМ КРАЮ: Четверта сестра Ирины Петрикович, зо своим мужем, пред своим хыжом, в Явирках.

йому зле хоче. А мы видиме, што тот отец добри хоче, штобы и мы, лемкы, выросли на народ, котрый бы знал постояти за свои права на жытя. И мы уж повинни вырасти раз с того, уж нам час, штобы зме не слухали злых людей, уж нам час познавати, кто нас кламе, а кто нам добри хоче, кто нам правду открыват и веде нас добром дорогом. Зошмарме тоту систему, што ищы меж нами пануе, што сліпый ви-

дящого сліпим называт и хоче го вести, хоче, жебы зме його слухали, же он ліпше знае, як тот, што видит. Тот сліпый не хоче, жебы тот, што видит показал дашто другому, он хоче, жебы вшыткы сліпыма были.

Мы, дороги брата лемки, подобны до той дітины маленкой, што ей голову закручуют на вшыткы страны, бо мы ищы мало занималися политиком и мало ей розуміеме, зато каждый хоче накрутити нас на свою страну, жебы нас зробити його рабами и корысть з нас тягнути для себе.

Знайме, брата лемки, што в теразных часах уж не можеме жыти без просвіты и политики, бо пропадеме так ту, в Америці, як и там, на свойой землі, в старом краю. Так ту, як там, останеме рабами и за даякий час всі жывы соки из нас выссут. А штобы могли из нас безкарно тоты соки ссати, омотуют нас, як пауки, паучыном темноты, учат нас фальшивой науки, а мы такы люде податны, што будь-што им повіримо и сами в паучыну летиме, як тота муха нерозумна.

Я вам ту подам примір, як то из нерозумного лемка мож будь-што зробити, на будь-яку народность, або віру можна го преробити. Лемко такий легковірний, добродушний, што каждому чужому повірит, най лем он буде егомость, або пан — а свому не хоче повірити. Он думат, што свой не може ліпше знати, як чужий. Я вам подам примір на собі.

Треба вам знти, што я приїхала до Америки барз завзятом националистком украинком. Чудно ся вам зробит, где в Явирках взялися украинці, правда? И мі гнеска чудно, як то могло статися, коли знам, што до моих часов никто у нас не чул за нияке украинство, мои родиче знали, же сут руснакы и веце их нич не обходило. Но пришо до нас егомость и учитель и почали нас, дітей, учыти, што мы не руснакы, а украинці. Но и як не повірити егомостям и панам? Та они ліпше знають, як мы, про-

сты люде. И так мене научыли, што тоты нашы 4 села в новоторжском повіті належат до украины, а я украинка. И як мі дакто вспомнул, же то неправда, то зараз была ем го била, така-м была завзята украинка. И тота фантастична украина в мойой голові здавалася моя, а нашы лемки дораз за границом, на Спишу, здавалися мі уж чужы люде, не нашы люде.

Аж коли я зачала чытати газету “Лемко”, я познала, же я была на блудной дорозі, же того украинство нам, лемкам, нич не даст, же нам треба старатися найперше о себе самых, треба нам учытися, як на світі жыти, як боротися за свои права, за справедливость для бідного народа. Я дозналася, што украинска наука, котра каже ненавидіти русский народ, наука фальшива, што то зараза нашого народа, бо мы всі брата и неможеме едны з другыма боротися, а разом всі мусиме боротися за наше обще жытя.

Того учыт нас наша газета “Лемко” и наша організація и учат нас добри, як тот наш добрый отец, котрый хоче, штобы мы выросли на добрый, культурный народ.

Зато я стою в той організації, чытам, предплачам газету “Лемко” зато, думам, повинни мы всі лемки стояти в той організації и чытати тоту газету. Зато мы повинни стояти за свою організацію, помагати ей духовно и материяльно, горнутися в тоту організацію, учытися от ней, чытати газету “Лемко”, учыти других, бо много ищы у нас таких, котры не зато относятся ворожо до нашей організації, штобы хотіли зла нашому народу, а зато, бо ищы не розуміют, што ту розходится о добро нашого народа. Они ищы збаламучены такыма “вірами”, “правдами”, як я была збаламучена “украинском віром”. Але як я познала, што моя віра была блудна, як на мене час пришо, так приде час на каждого лемка.

Ирина Петрикович.

чл. отд. Л. С. ч. 3. Детройт.

Сповідь Ваня з Ровен

КОЛИ Я жыл ищы в старом краю, на нашой милой, хоц и бідной Лемковині, уж буде тому понад 30 літ, памятам из мого хлопячого жытя дуже интересну историю и тоту интересну историю из жытя нашого народа николи не забуду. Не лем ей не забуду, але тепер, на емиграции, в старшых роках, тота история все стае мі яснійша, бо служыт найліпшым приміром для нашого жытя.

Раз пред ярьом выбрали зме ся оба з няньом на друге село Л., бо треба нам было даякого цента. А тото село Л. славилося на нашой Лемковині тым, што там люде грошы мали, бо ходили с товаром по світу. Взяли мы з няньом по маці овса на продай и пустилися коротшыма стежками до села Л. Дорога была дуже тяжка, бо то было пред ярью, сніг праві таял и воды было всяди полно, где лем рушылся. шли зме, хоц уж зме и на дорогу вышли, по косткы в болоті, бо знате добри, які тоты дороги у нас были, а може ищы и до гнеска такы сут. Забрало нам добры дві години, зачым зме пришли до сусіднього села . . .

Ищы зме добрый кавалок от села были, коли зме встрітили человека с того села на полю, котрый роззерался на всі стороны по полях и зеленых лісах, котры шуміли на розмаиты голосы, так як бы даяка музыка грала. Подходиме мы до того человека ближе. Няньо гварят до мене по тихы:

— Я того человека давно знам . . . А потом голосно:

— Дай боже счастья, Ваню! Та што вы ту робите? Збератесь ярувати?

Але Ваньо якбы не чул спочатку, старался нас не видіти, но нияк не мож было не отповісти, бо зме были такой коло него и няньо крикнули голосно. И по хвили озрілся и рече нехотячы:

— Дай боже и вам, чаденка. Што я роблю, а так вышол ем си за село, штоси мі барз на сердци тяжко. Видите, што уж я старый, голова цілком посивіла, силы мя опуцают с каждым дньом, уж недалекий тот час, коли треба ити на другой світ . . .

— Та тото вас, Ваню, не мае што тур-

бувати, бо каждому з нас там дорога . . . — потішыли няньо Ваня.

— Ба, але не каждому еднака! Єден иде з лекшым сумліньом, а другий с тяжшым. Біда моя тота, што я мам тяжке сумліня, я грішыл тяжко против Бога и людей, ціле свое жытя я жыл ошуканьством ближнього и тепер на старость мя тото барз грызе. — Е, не грызтеса зато, бог милосердний, вшытко отпустит — гварят няньо.

— Хоцбы який Бог был добрый и милосердний и вшытко отпустил, та мое сумліня и так не успокоится, бо я жыл з людской темноты, а робити не хотіл на кусок хліба. Я попросту, выдерал нераз остатний кусок хліба бідным дітям, брал от бідного остатнього цента . . . А где вы так идете с тума тлумачками?

— Та идеме до Л., може продаме, бо ніт цента соли купити . . .

— Та пидеме разом, а по дорозі вам расповім свое жытя, може мі улешат на сумліню. Ищы я того никому не расповідал, а пришла мі тепер велика охота оповісти дакому, даякому доброму человеку о свойом марном жытю. Здаєся, што зближылася уж моя година смерти . . .

И почал свою историю Ваньо зо села Л. так:

“Ищы ем был молодой хлопец, як ем ся пустил за границу, под москаля, с клітком на плечах, з розмаитыма смирами штобы даяк жытя робити, як другы мои сусіде робили. Але дуже тяжко приходило то то жытя робити. Не раз трафилосся, што ем ходил по цілых днях, а не вторгувал тельо, штобы собі хліба купити, и не раз и не два треба было голод терпіти. Зайду до хыж, прошуся, ци не треба им товару, а бідны люде гварят, што треба бы им было, але не мают гроша. Барз народ на світі капе без того гроша. Часто треба было дати за ідло, але часто и ідла дома не было, така біда в людях. И на мене была біда, што за даякого цента купил товару, то треба было проісти, а на другой товар цента не было. И уж гет ем на банкротство зышол, пропал на своей професии.

Але єдного дня, а было то в суботу, за-
зашол я до корчмы, штобы переночувати
и отпочыти через неділю, бо в неділю не-
вольно было и так продавати. Прихожу я
до корчмы, уж поздно вечером а там на-
хожу свого краяна, той самой професии.
Знял я с плеч кросна, поставил до кута и
привитался зо своим краяном, тай слово
по слові повідам му, як на мене біда, што
я нияк не можу выжыти с того гандлю.
А мой краян смієся з мене и повідат:

— Ты, Ванцю, такой, якбыс ся вчера на
світ народил! Та думаш, же я жыю с того
гандлю, што ношу на плечах? Та тота
клітка лем так, от ока! Я Ваню, другий
гандель веду, и тот другий гандель барз
добри поплачат. И ты, як хочеш во світі
жыти с клітком на плечах, то мусиш тот
другий гандель запровадити . . .

— Та чымже ты занимаєся? Звідуєся
краяна.

— Ворожу! — шепнул мі до уха. — Без
того я бы давно збанкрутувал. А так мам
и грошы и шацунок у людей. Глупого на-
рода по світу дост и человек з розумом може
собі добре и легке жытя устроити. И я
даколи голоден ходил, як ты тепер, але
тепер мам уж и грошы в банку и поле
купил . . .

Повечеряли зме оба, преночували, рано
поснідали. За вшытко мой краян заплатил.
Через неділю побесідували зме, краян мя
поучыл, як треба ворожыти, як, по якой
ціні и розышли зме ся . . .

От того часу я почал ворожыти, где по-
пало, кто лем хотіл. А было барз дуже
таких, што або им дакто здравя одобрал,
або молоко корові, або поробил, што ді-
тей не мали. Найбольше бідны ждали на
ворожку. Чым біднійшы люде, тым ліпше
вірили во всякы чуда, отпусты и ворожков.
Тоты остатне отдали, жебы им поворожыти,
ци ся им их доля поправит. Розумієся,
што всім бідакам я ворожыл, што будут
богачами, дівкам ворожыл, што богато вы-
дадутся, хлопцям, што богато оженятся.
Находил чаровниц и чаровников, выганял
злых духов, лічыл поробениска людам и
статку, отганял и наганял мышы и шуры.
Вшытко обіцувал, а людиска вшыткому
вірили.

И так я провадил свое жытя долги ро-

кы. Но сумліня мя все грызло, што я бід-
ных людей так ошукую, што так выкорыс-
тую их глупоту и темноту. И раз, уж по
долгих роках такого ошуканого жытя,
пришла до мене скруха и задумал я вернути
на свою отцовизну, на кавалок поля и ту,
честном роботом, дочекати смерти. И єдно-
го року я уж не выбрался в дорогу, а ос-
тал зо женом газдувати. Діти уж выросли,
розышлися тыж кажде в свою страну. И
може бым и доховался смерти честным
трудом, але што-ж, коли я в дорозі не лем
злінивіл, але и газдовску роботу, и тото
што-м ищы знал з молодости, то ем забыл,
так што не знал уж, з котрой страны по-
чати, што кому речы. И пришла яр, а я
не знам, чого хватитися. Выйду орати, то
моя конина, хоц и німина, ліпше знае обер-
нутися при ораню, як я. Але при помочы
мого старого коня и мойой старой, якоси
я тоту першу яр закончыл. По яри пустил
коня на зелену пашу и барз ем был задо-
волений, што найтяжша работа того року
уж закончена, най собі з богом росне, а я
собі полежу. Но недолго того мого отпо-
чынку было, бо треба было траву косити.
Слабо я косил, ани добри косу тримати
не знал, но стара знала, што тому речы и
показала мі. И на загороді я якоси поко-
сил и конич ся мі дост добри косила. Стара
мі помогла тото до порядку принести. Але
ту треба было ити косити на поляну, твер-
ду кустрицу, бо той вшыткой потравы, ко-
тру зме на загороді зобрали, старчыло за-
ледво для нашой старой коровины, а для
коня треба было ищы зберати.

Одного дня вечером, гварит стара до мене:

— А ты, старый, нич не отпочывай, лем
ид на поляну косити кустрицу, покаль ищы
не высохне. Встан завтра до свита, поклеп
косу и иди на поляну. Я ти вынесу обід
и потрясу валкы . . .

Встал я ни барз вчас ни барз поздно, по-
клепал косу, як ем знал, и пустился на по-
ляну тоту мою лучку косити. Нич я там
дошол, то уж солнце было высоко. Роса
уж доцяп высохла. Заострил косу, почи-
нам косити, лем ся коса звозит. Але пре-
шол я на другий конец с першым валком,
обызрюєся, а валкови ани сліду! Где якы
сухы стебла постинал, то вітер забрал, а
кустрицу коса ани не рушыла. Почал я

другий валок, притискам косу што сили, але нічого с того не виходит, кустрица твердша, як коса и моя сила. Не хлоп я до кустриці, думам собі и обтераю пот с чела.

Не долго я думал, а взял косу на плечи и пустился до хыж, штобы жену ищы дома застати, жебы надармо не ишла так далеко. Коли пришол до хыж, жена уж была готова ити, уж мала горнята повязаны. Вытрищыла на мене очы:

— А ты што? Уж ес покосил?

Я справляюся, што кустрицу я не могу косити и робити не могу, бо мя плечи болят. Гварю, што выберуся зас с кроснами, та може якого цента роздобуду, то волю дакому запластити за роботу, як сам робити . . .

Взял я кросна на плечи такой в тот день и пустился понад село, бо селом ем ганьбился ити. Та и до сусідного села ем не зышол, бо ем ишол полями, понад село, бо там мя люде знают, то не хотіл ем ся з нима стрічати. Аж коли ем дошол до тых сел, што мя люде не знают, спустился до села. А было то уж добри темно. Коли-м пришол до села, уж ем был добри змученый и голодный. Треба было позерати даде, в котрой хыжы бы преночувати, а може бы дашто и зісти дали. Якраз иду коло обыстя, што газда на оборі штоси коло воза поправят, тай гварю:

— Дай Боже добрый вечер! —

— Дай Боже, дай! — гварит газда — а где вы так добрый чловече идете?

— Подорожный ем. Може бы сте мя преночували — реку.

Газда, видно же ищы молодой, нич мі на то не отповіл, лем скочыл до хыж, а по хвили вертат и кличе и мене. Зложил я свои кросна в сінях, а сам гвошол до хыж, повіл ищы раз добрый вечер и сіл на запецку, тай отпочывам. Газда вернул на обору докончыти свою роботу, а газдыня занялася вечерьом. Я думал о своей кустриці: Ци буде она до зимы скошена, ци ей сніг прикурит. И позераю на газдыню. Газдыня молода, шумна, але якоси невесела ходит коло той вечери. Уж и вечеря готова, ставит на столі, входит газда, сідають при столі и мене кличут. Сіл я з нима, смотрю по них, але они обое невеселы штоси. Але я подчас вечери не вспоми-

нам. нич, аж по вечери слово за словом, розбесідували змеся з газдыньом, тай коли муж деси вышол, газдыня мі гварит, што не зле ся им газдуе, лем едно их грызе, же дітей не мают, а уж три роки, як ся побрали . . .

— Та тото, гварю, не великий згрыз, газдыню! То вам една жена поробила в часі вашого весіля, зо зависти, што идете на добрый грунт, а она хотіла свою дівку ту выдати. Але то можна каждый раз отробити, лем кто знае як. А я тото знам. Едно лем біда, што то кус задорого стоит, бо треба такого зіля, што в далеких, теплых краях росне и мало го росне, зато тото зіля дост дороге. Але я и тото зіля мам.

— Ой, та мы не дбаем, кельо тото коштуе, бодай бы зме діти мали — гварит втішна молодиця.

— За вашу вечерю и зато, што я ту у вас преночую, я вам тото задармо отробю, а зіля буде коштувати 20 срибла, но вы лем половину дате, значыт 10 ринских, а по другу десятку приду за рок, як уж будете мати дітину.

Цілу ноч жена росповідала своему мужови и преконувала го, же ей поробила Матрона, а бог прислал такого доброго чловека, што ей отробит, лем на зіля треба. Хлоп тыж был легковірный и коли рано встали, просится мене ищы раз, кельо то буде стояти. Я ищы раз повторил и хлоп вынял десятку и дал, а я выбрал зо своих кросен, с торбы, якисой сухой коничы с травом и казал жені варити с той травы чай, котрый мали обое пити. А пруч того, гварю, мушу остати сам з газдыньом, жебы ей отробити чары. Покрутил я ся кус коло газдыні, вымовил пару мадыарских слов, тай попрощался з нима и обіцял, што до рока будут мати дітину, и до рока я верну по другу десятку.

Я дале не ишол, а вернул до дому, попросил кисців, жебы мою кустрицу скошили. Скошили мі кустрицу за кварту палюнкы, добру закуску и пачку дугану. Стояло мя пару корун.

И познал я, што я уж до ниякой газдовской работы несущый, што то для мене робота тяжка и што я могу далеко лекше и ліпше жыти шпекулянством. И хоц не все,

але от часу до часу, коли мі бракло гроша за роботу, або до корчмы, я брал кросна на плечы и ишол даде на дальшы села ворожыти. И все дашто принюс.

Деси за два роки иду я понад тото село, где я отраблял жені и продал зіля за десятку. До села уж не схожу, бо ся бою. Аж ту выходит хлоп з ліса, смотрит за мною и кричыт: "Гей, почкайте!" Я в ногы. Озерамся, а хлоп за мною летит и кричыт. Он, видно, хлоп молодой, а я старый, а ищы и кросна на плечах. Догонил он мене, хватил за кросна и гварит:

— Та то я, ваш найліпший приятель, у котрого сте ночували два роки тому назад. Я вам должен ищы десятку за тото зіля, што мойой жені помогло. Маме хлопця! Вы мусите зо мною ити, я вас хочу погостити и долг вам отдати.

Я ся прошу, як можу, же не мам часу, бо боюся, што хлоп лем так хытрит, жебы я ишол з ним, а потом мя добри набье за тото ошуканство. Але газда хватил мя за гуньку и не выпускает, а тягне долу убочом.

— Тепер уж пришла моя кара, покута и заплаата за мои учынкы — думам я собі, але иду, бо мушу ити. Приходиме до хыж, смотрю, а там колыска стоит при постели. Аж ем подскочыл з радости. Газдыня мя обняла, поцілувала и наварила таку вечерю, як для якого пана: Стяла молоду куру, газда принюс доброй палюнкы. Уложили мя спати до постели, до перин.

Рано наклали мі до торбы розмаитины и дали десятку и просили, же коли лем буду преходити тума сторонами, то жебым все вступил, а они мя привитают як найдорожшого гостя.

Так переходило мое жытя при ворожыню. Мало коли, як ем гварил, дал мі ся ошукати богатый, а бідный все. Не раз и не два наробил я сварні и ненависти меже двома родинами, несознательныма, темныма женами, и то лем зато, жебы с того скорыстати.

А гнеска, на старость, тоты мои гріхы стоят мі пред очами. Гнеска и во сні привиджаются мі тоты жены, котры я ошукал, пустил одну на другу. Може и так было, што одна другу убила в великом гніві. Знаю, што много родин, много жен, до смерти будут жыти в незгоді, а причыном той незгоды я грішний, котрый корыстал

з их глупоты и темноты.

Тоты мои гріхы такы, што поправити не дадутся, а ту я уж старый, смерть за плечами и треба буде отходити с тяжкым сумліньом. Але вы певно не знате, што то тяжке сумліня? Я знаю. То так, як жебы камин в грудях тяжыл. И того камня я нияк выняти не можу, он там остане в грудях аж до смерти и понесу го до гробу . . . Заплакал старый Ваньо. Няню старалися го потішыти, але Ваня не мог никто потішыти. Все смутный ходил и плакал. Люде позерали на него, як не сполна розума. И помер Ваньо не сполна розума. Здаеся, што никому не признался веце до своего "ремесла", лем нам, же му улешат. Але потом ту уж в Америкі мі повідали, што николи му не улешало

* * *

А тепер подумайме, дороги читателі, ци у нас не ест за вельо такых Ваньов з Ровен, што жыют лем з ошуканства, з ворожбитства для нас и далеко ліпше жыют, як жые бідный, ошуканый народ. Рижниця меж нима и Ваньом з Ровен лем така, што Ваня грызло сумліня, а в тых наших ворожбитах тото сумліня якисе деревяне, бо их оно не грызе.

Таких ворожбитов мы, лемкы, маме дост не лем в старом краю, але и ту, в Америкі. Они ищы хытрійшы от того старого Ваня, они мают веце способов, веце зіль, они можут чарувати едних людей ціле их жытя и тоты люде все, аж до смерти вірят, што тоты ворожбите им поможут, хоц бідніе народ, а не може порозуміти, што го ошукуют.

Мы ту в Америкі будували великы запомоговы организации, богаты церкви, ставили зме и для себе дома, бо ворожбите ворожыли нам, што мы будеме богаты, лем треба так робити, як они нам кажут. И што ся тепер показуе? Што вшытко тото, на што мы робили, што мы будували, находится в руках ворожбитов. И то ищы не вшыткы видиме, бо як бы зме вшыткы виділи, то бы зме тых ворожбитов уж раз прогнали от себе. Но темна масса нашого народа все ищы тым ворожбитами вірит и все ищы их ховат своим тяжкым трудом. Та уж и труда для нас ніт, уж нас на жебраков обернули, и мы ищы и жебранином ділимся з ворожбитами.

Ліщынян.

Барин и Балышкин

ГЛЯДАЮТ наши протоереи, ци Гунянка был у Деникина, ци не был у Деникина? А коли был, то яку мал рангу, становиско? Ци был “благородие”, ци “высокоблагородие”? Уважают, што то штоси таке, як Гунянка был у Деникина, што мусит тепер ити разом з нима и разом з гитлерами и араками. Але што патриоты не могут повірити тому, штобы можна быти у Деникина, а потом стояти за Сов. Союз и Сов. правительство, то нияк непевны, ци Гунянка был у Деникина, ци не был у Деникина?

— Хоц я нераз уж писал о том, но напишу ищы раз, жебы вшыткы знали, што Гунянка был у Деникина. Правда, не могу похвалитися, што был даякым благородием, або высокоблагородием, бо был ем лем простым Гунянком, але мимо того не лем же не жалую, жем был у Деникина, але дуже рад тому, бо лем тому завдячую, што ем познал русских білогвардейцев, хоц вшыткого был ем там лем три місяці. Тоты три місяці были для мене найліпшом школом, за тоты три місяці я порозуміл причину русской революции.

Мы, студенты карпатороссы, смотріли на Россию, до войны, из заграниці, России совсім не знали, лем по истории и географии мы знали тоту Россию, яко огромну державу, а тым самым дуже сильну державу, котра сама в силі розбити Австрию и Германію и освободити нас национально. Не могли мы нияк припускати, штобы така огромна держава не могла устояти против наших угнетателей. И коли стара царска Россия розвалилася, коли ей били праві на всіх фронтах, мы не могли порозуміти, чом ей бют?

Правда, наши патриоты старалися звалити вину на революционероу, котры бунтували народ и армию против царя и його правительства. Но чом тых революционероу было лем в России столько, и чом лем в России они были такы завзяты, трудно было порозуміти. Трудно было порозумі-

ти, чом тоты революционероу хотят за всяку ціну розвалити тоту Россию. И нас, карпатороссов, тото барз боліло, што такы революционероу в России находятся и мішают той России нас освободити. Мы ненавиділи тых революционероу. Нас так учыли наши патриоты, што тоты революционероу, то найбільшы врагы русского народа, а православный, русский царь, русскы министры, русскы владыкы, генералы, офицеры, всіма силами стараются, працюют и готовы посвятити свое жытя для добра русского народа, соединения того народа и освобождения подъяремной Руси. Так нас учыли, такы нам давали чытати патриотичны русскы книжки. Так само учыли нас, як учыли польскы патриоты свою молодеж.

Зато мы не могли нияк порозуміти, як тоты революционероу могли збунтувати русский народ против такых добрый патриотов и святых, православных владык. Русска революційна література к нам не попадала и мы смотріли на Россию лем из патриотичной стороны, из стороны национальной . . .

И штобы порозуміти тоту трагедию национальной России, я хотіл познати остаткы той России, тых русских патриотов, котры скупилися около Деникина.

В 1919 року, из Чехословакии, мал выхати одділ, організованный из русских плінных, под предводительством якиого курлянского полковника, барона. Я попросился в тот одділ, штобы, таким способом, достатися даром. Но раз, я совсім не знал ниякого военного ремесла, а з другой стороны полковник (здаеся барон Ек) нияк не хотіл вірити моим добрым намірениям, коли выпросился мою историю, так што лем за протекциом одного карпаторусского патриота принял мене в одділ, на його ответственность.

Одділ тот, то был еден из одділов, якы организовали из русских плінных союзники, для борьбы с Сов. Союзом. Такой одділ

складався из офіцеров и простых. Просты, селяне и робочы вступали в такы отділы лем зато, штобы якнайскорше достатися на родину. Офіцеры для боротьбы з большевиками.

Интересно, што просты солдаты полюбили мя скоро, а офіцеры зненавиділи. А коли отділ заїхал в Крим, не знали, яку службу для мене выбрати, бо находили, што на войну я совсім не суцый.

Послі пару дней отдыха, цілый отділ, яких 200 солдат и пару офіцеров выслано на фронт. Больша часть офіцеров остала при "базі", в місті, во главі з бароном полковником, а из простых: Сапожник, портной, двох инвалидов, "деньщик" полковника Балышкин и я.

Я мал задачу якисого посланца: на почту, в шпыталі, глядати там людей из того отділа, бо скоро половина пала жертвом тифа.

За час трьох місяців я порозуміл причину русской революции и вернул в Чехословакию. А причиною русской революции было безграничне нахальство привилегиованной, дворянской, офицерской, білогвардейской, духовной и вообще богатой кляссы. В западных державах того грубого нахальства, грубого пониження робочой и селянской кляссы не было, паны старалися и до днес стараються закрыти тоту рижницю, стараються затерти тоту рижницю в обході, в розговорі, знають подходить к бідному человеку по "демократичному", хоц го ошукуют, але не так грубо, як в старой России.

Возме хоц бы того Балышкина, "деньщыка", пуцера барона полковника. Тот Балышкин, то был тип богатого русского селянина. Он еден из простых солдат был завзятым протибольшевиком. Он еден чул, што большевики зробят му кривду. Коли я Балышкину росповідал, якы реформы будут заведены сов. правительством на селі, в земледіліи, Балышкин заявил, што николи на такы реформы не згодится. Селянин не буде робил лем на свойом фалатку поля, лем так, як буде сам хозяином и буде сам распоряжати свойом роботом и плодом своей роботы.

Балышкин был честным, тверезым и правдивым человеком. Так и услуговал барину. Полковник знал, кого собі выбрати для услуги. В цілом отділі ліпшого не бы-

ло для той роботы. В тот час много річей бракувало. А Балышкин все якоси знал достати для свого барина и пахняче мыло, и пирог и сметану и блинов му напюк и дров выдобыл, што в полковниковой комнаті все было тепло, хоц другим, а и самому Балышкину было холодно. Нам всім было холодно и голодно, а полковнику было тепло и сыто. А то была заслуга Балышкина. И Балышкин был на тото барз пышный, што он знае выгодити барину.

А што барин? Барин тото брал так, якбы ведля всякого закона и святого права тото йому, и лем йому належалося. Якбы и сам Балышкин йому належался, и то лем йому самому. И Балышкин был так свято пероконанный, што так належытся, што он обязанный обыйти свого барина якнайліпше, як мати свою малу дитину. А може думате, што барин выразил даяку благодарность Балышкину? Николи. Все обходился з ним грубо. Ци зато, штобы не понизити себе, ци зато, штобы не попсути Балышкина, не знати. Но Балышкин не жадал от него ниякой благодарности, ани узнаня. Часом цілый день бігал за даякыма спеціальныма картами до граня, або даякым спеціальным варенем до чаю. Хоц вернул с тым, барин, вмісто узнати його труд, выругал го грубыма словами, якыми знали ругати лем царскы офіцеры. Балышкин привык, думал, што инакше быти не може. На то он барин и полковник, а Балышкин, лем Балышкин. И был бы наш Балышкин остал таким добрым Балышкиным аж до самой смерти, а барин до самой смерти остал барином и скоро остал бы може даякым генералом, може бы разом з Деникиным, або Врангелем ци Кольчаком розгромил большевиков.

Но што раз зробил Балышкин, а што барин?

Страшный мороз был на дворі. В том року хватили в Криму незапамятаны там николи морозы. Повідали, што цілый отділ кадетов вымерз на Перекопі. Єдно рано встал перемерзненный Балышкин зо своей койкы и думал, где бы то взяти дакус дерева, штобы затопити в комнаті барина? Загорнулся Балышкин як мог, а же люде ищы спали, то Балышкин одорвал деси дві дошки и привлюк ку касарні. Порубал тоты

дві дошки, позберал на наручо дырва и иде палити барину. Барин собі спал смачно. Поздно пришол. Накрытый был добри. Зимы и морозу не чул, хоц и білом паром дыхал. Може быти, же снил о даякой красавиці, бо усьміхался солодко.

Вошол Балышкин з дровами, на пальцах, потихонькы, хотіл и на землю потихонькы положить, но дырва як дырва, розума не мают и скотилося пару полін з верха на подлогу и наробили стуку, такого стуку наробили, што барину прервали солодкий сон. Открыл барин очы просто на Балышкина. Але не долго на него смотріл, а сқочыл, залял по царскы и вымірил пару раз в “морду” Балышкину. Як жебы нич не зашло, положылся назад спати и старался надвязати прерваный, солодкий сон.

Но Балышкин стряс головою, погладиля по гамбі и штоси му блисло в голові, якбы електрика прешла. Але подал по собі, што он такий Балышкин, як и был. Роспалил в пецу потихоньку и вышол.

Никому Балышкин не признался, што ся му стало, лем мі. Таке якисе довірие чул до мене. Коли росповідал, плакал, розжалился, як дитина. Боліло го, што барин не признал його щырых услуг . . .

От того часу Балышкин перемінился. Зненавиділ свого барина и його кляссу.

— Най уж и большевикы, штобы лем не они . . .

В том нахальстві и грубости русских білогвардейцев крылся успіх Русской Народной Революции.

Ваньо Гунянка.

ПОГОДИЛИСЯ

Она: — Мы, любый Янку, не можеме женитися, бо мы не той самой религии . . .

Он: — О, то нич не шкодит! Ты пидеш дримати до своей церкви, а я до своей.

НЕ ДОПУСТИТ

— Та твой муж не допустит нияких горячых напитков дома?

— Но, лем принесу, то дораз выпье вшытко . . .

НЕ ПОРОЗУМІЛ

Молодец: — Я бы хотіл женитися на вашей Мери . . .

Отец: — Ты пьеш, молодой чловец?

Млодец: — Дякую, але перше бым хотіл справу женячкы покончыти . . .

ШТО КОТРА НАШЛА

— Коли ем іхала на “векейшен”, то-м наказувала свому старому, штобы тримал дома порядок. Але як ем вернула, то-м нашла полно пороху, што ледво-м вычыстила.

— А я ищы веце нашла, бо пруч пороху нашла-м полны румы фляшок . . .

РОЗСУДНЫЙ ВАЦЬМАН

Два вацьмане пришли вечером до билдинку, тай дораз роскладают собі “лонч”. А коли собі поіли, проситя еден другого:

— А ты не маш кавы?

— Но, я вечером каву не пю, бо не можу спати. Каву пю аж як верну зо службы.

ЧОМ ЗАБАВИТ В ГОСПИТАЛЮ ?

— Мой стрык забавит в госпиталю пару місяц . . .

— Так тяжко хорый? А виділ ес його доктора?

— Но, я доктора не виділ, але виділ його норску.

ЯК ЗРОБИЛ ГРОШЫ ?

— Минувшого місяця я зробил 100 тысяч на вискі . . .

— О, я не знал, што ты бутлегер . . .

— Боже храни, я не бутлегер, але мой богатый стрык напился муншайну и умер . . .

БИЗНЕСОВО

Молодец (до отца улюбленной): Я бы хотіл женитися на вашей донькі.

Бизнесмен: — Добри, можеш мі оставити свое имя и адрес, як ліпше нич не трафитя, то ти дам знати

Сміх и Правда

Проперта

МАЕТОК — по американски называють “проперта”. Проперта діляться на дві партії: Проперта рухомы и проперта нерухомы. Рухомы проперта має каждый американец, хоцбы лем на собі, хоцбы лем овергозы мал, то уж має проперта. Зато тоты рухомы проперта в Америці ани нияк не рахують за проперта, и такого американця, у котрого лем рухомы проперта, не цінят. Такий американец ани не цілий ситизин. Где лем зайдете, то найперше звідуються вас, ци мате проперта. Розуміють нерухомы проперта. И люде в Америці діляться по пропертах. У кого веце пропертов, тот векший и ліпший американец, перший и ліпший ситизин. Почетны ситизини Америки: Рокефеллери, Меллоны, Форды, Морганы. Потом идут все ниже и ниже, по пропертах рахуються и сходят аж до тых в овергозах. А и тоты в овергозах ищы не еднакы. Єдны маюць новы овергозы, другы уж подерты. Тоты, што маюць цілы, кус гонорнійшы и не можут нияк зровнатися.

Але вернийме до нерухомих пропертов, о рухомих ніт што говорити и писати. Не оплатится. Хоц мі як прикро, а мушу признатися, што я ищы в жытю нерухомих пропертов не мал и здаєся уж треба так зыйти с того світа, што не буду мал. Лем подумайте: Николи мое мено не было втягнуено в мапу, же: Ваньо Гунянка там а там, на той а на той земной парцелі вкоренений, записаний. И люде того знали. Где лем пришол на даякий плейз, ци в краю, ци в Америці, ниякого почтения, повагы. “Такий собі голодранец, без порток, а ищы розумы роспуцат . . .”

Не барз оно мі тото приемно было, же мя зато не поважають, але зарадити тому я нияк не был в силі. Бо раз, што грошы ся мя нияк не тримали. Як даяк ускладав пару стовок, дораз даяку книжку, календар, або газету писал. Така уж моя хо-

роба, так, пребачте, як даякий налоговый пнячыско. Лем ся даякий цент явит, та уж пропье. Так и я, Правда, у других народов таких людей хоробливых на книжки и газеты больше, у нашего народа мало трафится. У других народов часто тоты книжники и газетяре и проперта маюць, у нашего народа хыбаль даякы запомоговы редакторе, што сконечности мусит быти редактором. Выберут, хоче ци не хоче и мусит быти, мусит писати, хоцбы и не хотіл и не знал, бо, повідають, што другы народы газеты маюць, то и мы мусиме мати. А редактора мы хочеме такого, жебы мал страх божий. Жебы нас учыл страху божого, бо людского страху маме дост. Зо вшиткых стран. И ту и в старом краю. Нам треба якнайвеце божого. И зато редактором хочеме протоерея, або пана превелебного, а што найменше даякого дяка, най нас учыт страху божого . . .

Таки редакторе набыли проперта и маюць честь и повагу. Я пропертов не мам, бо, як вспомнул, не мам зашто купити, а подруге не вірю, не привязуюся до пропертов. Уж небожка бабка повідали, же з мене нич не буде. И правду мали. Не вышло з мене нич и до смерти нич не выйде. До смерти не буду мати пропертов.

Але почкайте. И у мене вышла с тыма пропертами история, а то така:

Плаче стара и нарикат:

— Вшиткы, гварит, порядны люде, маюць проперта, якисый, гварит, маюць грунт под ногами, а мы нич не маме, ниякого грунту под ногами. Мала-м, гварит, пару центов и тото ес взял и промарнід на тоты книжки и газеты. Я хочу даякы проперта на старость. Што я буду робити, як ты умреш.

А оно правда. Взял я от старой \$600 на тоты книжки и газеты и все мя сумліня грызло, же взял, а не отдал. Бо друга моя

хороба тота, што мушу отдати, коли пожычу. Як не отдам, все сумліня мучыт. И почал я складати на тот долг, думам, до смерти ищы ускладам. И зложыл уж \$400 — уж \$500. — Я, гварю, складам на долг, хочы ти ищы отдати, до свойой смерти тоты центы.

Жена дораз почала позерати за пропертами. В Америкі о проперта барз легко. Як мате 500 дол., то добры проперта можете купити. И дид вам дадут, мапку нарысуют, втягнут вас таксу платити. Словом, за 500 дол. наберете почтения и повагы. И папери всякы скорше достанете, и где лем зайдете, о што просите, то инакше с вами говорят, с почтением говорят, як с ситизином. Правда, на ваших пропертах долг, моргеч, але тот долг, як вам счестя послужыт, легко можете сплатити. А так платите лем якбы рент, 10 або 20 літ, повідають, што сплатите гавза. Но за 10 або 20 літ придут, оглянут “ваш” гавз зо вшыткых стран, попукають и ошацуют, што “ваш” гавз не вартат ани того моргечу, што ищы остал, и спытають вас, ци хочете доплатити, ци выйти, ци вас мають вышмарити.

Я на такы приміры смотріл своима очами, сам обрахувал и даю таку раду жені, штобы гавза не купувала, бо шмарит свои грошы, як до воды: Сподабалася ей гавзина, што такой навыгляд было го видно из нашого рума. На продай был. Сяде коло выгядцу и смотрит, на него. Не може на-смотрітися. Молоко нераз вызбігат, каша ся приварит, запражка припалит, а жена все на окно на того гавза смотрит. А як не смотрит, то напевно пошла до агента годитися.

Виділ я, што нич не пораджу, што жена далеко кріпче залюблена в гавза, як в мене. Покаль не вылічытся с пропертов, то никто ей не порадит. Купити мусит. И купила. Дала \$500. \$2,000 треба было платити. Процентов тельо, як и моргича.

Змуфували до “свого” гавзу. Смотріме; пивниця якоси так сфиксувана, што вода собі тече. Як дощ ліе, рыбы мож розводити. Ажи чути рыбами в слотны дны. Вырахували, же треба \$80, жебы поправили. Але ищы не такой сміх вышол!

Моя стара барз пунктуальна. Рада пла-

тити, коли платити час. Иде дораз платити текс, и то з великом пыхом, што раз и она дочекалася, што от свого гавза текс платит. Иде она там, где платят текс, з дидом, тай гварит гордо:

— Пришла я от свого гавза текс запла-тити.

Старый паниско посмотріл в дид и там деси ищы в книжку и якису мапу и повідат зло:

— Што ты жено плетеш о гавзі? Ты ниякого гавзу не маш, а порожный лот! Маш кусок землі и от той землі маш платити текс, а гавза ниякого не маш! Жена мало з ног не упала.

— Та я, гварит, купила лота, а на лоті гавза, а вы мі повідате, же на лоті гавза нит? Якже то може быти?

— А так може быти, гварит тот паниско и зазерат до книжок и мап, же гавз ест на лоті н-р 6, а тобі продали порожный лот н-р 7. Так ту стоит в мапах. Тексу, гварит, тепер не плат, аж будеш знати, от чого платиш, ци платиш текс за себе, ци за другого, ци маш гавза, ци лем лота?

Біжыт она до банку, повідат, як и што. В банку головою крутят и повідають, што купила гавза и лота. Біжыт до агента, агент повідат, што купила лота и гавза. Але там мають записано лем лота, бо гавза никто не записал и не треба писати, бо як запише гавза, то треба веце податку платити, треба платити от лота и от гавза, а так лем от лота. Не треба было говорити, што ма гавза, лем же мае лота. Право таке, же што на лоті, то вшытко належыт до того, чый лот. Ту ничого против права ся не робит, лем ся меньше тексу платит, то вшытко. Так робят вшыткы, котры мають проперта, як лем ся им удаст так зробити. И наконец агент назвал ей гринорком. Просилсся, ци ситизинка. А коли довідался, же не ситизинка, махнул руком. Не чудо, гварит, што не знаш, як в Америкі робитсся. Я ти тому нич не винен.

— Волілам не купувати гавза — гварит, коли пришла до хыжы. И оповіла мі, як то выходит тепер. Же треба больше и тексу платити . . . Слава Богу, думам, уж ей ліпше . . .

— Зараз бым продала, якбым могла . . .

— Но, продати не продаш, хыбаль лишыш,

але и тото добре, што-с ся научыла о американских пропертах в так коротком часі. Не жалуй тых \$500! За школу треба платити тыж. Тепер, в кризисі, лем тоты люде, котры вылічени с пропертов, можуть здорово думати. Котры ишы хоры на свои проперта, здорово думати не можуть. Забуд тоту страту, бо она варта того.

И жена помаленкы забыла, хоц стратила.

А кто заробил на том гавзі? Найперше банк, потым агент. Оба заробили в грошах. Тельо заробили, кельо взяли. То их чыстый заробок. А третій заробил я. Заробил так, што ани ем ся не сподівал. Я, человек без ниякого почтения и повагы — набыл тото почтение и повагу, а нич мя тото не стояло. Як блискавица рознеслося, што Гунянка купил гавза. Я о ничым не знал. Але смотрю и чудуюся. Лемкы бесідуют мі “галлоу мистер”, относятся с почтением, кличут на пиво и то такы, што дотепер ани позерати на мене не хотіли, люде с пропертами. Протоерей величают: “Гунянка купил гавза” співають, вмісто “Господи помилуй”. Ажи в церковных газетах ем вычитал, што я купил гавза. Єден лем-

ко цілый тыжден нич инше не робил, лем писал на всі плейзы, где лем знал даякого лемка, што Гунянка купил гавза. Выдал на папер, инк и стемпсы цілый тыжневый заробок.

И где лем тепер не явлюся, зараз вижу, што на мене смотрят, як смотрят на порядных, уцтивых, поважных. Повідают “галлоу”, просят зайти до них, честуют. Та и пишут уж инакше, не поневерають так, як поневерали, сварилися, прозывали: “Ты, гварят, голодранче, нисенито якысе, та ты мене описал? Та я грішник? Ты сам грішник! Бо мі бог дал и дає, а тобі нич не дал, ани ти николи не даст, голый ес ся вродил и голый вмреш!”

А Бабы? Та попросту бити хотіли, строилися, што набют. Але коли довідалися, што я уж на своих пропертах, цілком ся змінили, с почтением и решпектом относятся, як и до других поважных люди . . .

Словом, я аж тепер порозуміл, што значыт мати свои проперта. И зас біда. Же на вылічылася с пропертов, а я зачынам хоріти на проперта. Но але як их достати?

Ваньо Гунянка.

Чуда в Колпмант

НАШЫ ЛЮБЫ чытателі, кцете дашто знати? — Сядте собі, возте “Лемка”, зачныйте чытати! — “Лемко” не с тых, што туманят, бо го каждый знає — на митинкы го не хотят, зато вшытко знає! — “Лемко”, правду всім повідат, така його вдача — хоц го дакто и рахує за нич, за смаркача . . .

— А тепер я вам зачну, всю правду казати — хоц барз добри я знам тото, же мя будут кляти: — Як горіла церков раз — на березі высше нас — єдны вірны плакали — другы с втіхы скакали — и кричали гой-да-да — тепер для нас нагода — Поставиме собі свою — я о тоту уж не стою!

— Бо я человек уж постаріл — з єгомосьом ся посварил — выкричал ем, як гадзуют! — (єгомось уж не фундуют.) — Так ся мі недобри стало — што мало мі не пукло сало! — Таж я такий вірник был — птаха до церкви купил — о чым єгомось найліпше знали — бо на тым птаху

казаня кричали — И птах тот згоріл, хоц был посвяченый — як ем вышол видіти, то уж был впеченый — и так лежал пару недід в тому згарищови — аж нарешті взял єгомось, продал рексменови! Мене така лют набрала! А був бым, бым, бым! Свою церков ставил бым!

— Взял я народ бунтувати — и о попа ся старати — абы пришол нам співати — наши грошы позберати — бо мы тераз, неборака — не робиме долги рокы — часу пленти на копаня — фундаменту выбераля!

— Але ту зас инша біда! — бо не годят ся сусіде. — Коллекторе зашли двічы — зберати на рижны річы — тот не дає, тамтот не даст — ту бабиско вылітує — кне и грішыт, вымахує — и зачынат так ся дерти: — Ты бортаку, не маш жерты — а на попа збераш грошы? — Для попа просиш роскошы? — Тай идеме горі стритом,

гварю до бодия: — Та кельо зме назберали? буде парафія?

— Ид до чорта! бодий гварит — Та за два доляры? — Ліпше подме до “клобруму,” выпем по погарі . . . — И то добри, не со гріхом, бо человек освіжат — лем треба нам позерати, ци люде не грішат! — Бо видиш, же нашым людем не выгодиш нияк — уж и чартер зме им дали и так нам не вірят . . . До бискупа зме ходили, просили, як хлопа: — Будте ласка, наш владыко, дай на Колпмант попа! — А владыка, з бородою махнул гев и там: — Дайте чартер, мои діти, я вам попа дам . . .

Так, псы выют, коты мявчат, куры кудкодачут — а колпманскы парафіяне на бискупа плачут: — Ци он дурный, збожеволіл, який допуст з неба? — Та он незна, што нам грішным на Колпманті треба?! — А може ся часом боит, же мы не робиме — и отцьови добру пейду зас не ухвалиме . . . Ухвалиме, наробиме, мы ся не боиме — в земли угля лежыт вельо, мы му наносиме! — А он з угльом буде знати, што мае робити! — Потовче го, потом продаст, добри буде жыти . . .

Така наша господарка гев, на нашом плейзі! — Як сой человек, кус роздумат, повіст, же мы крейзи! — За народне, “говди гелл” з земныма дарами! — Лем ся за то файтуеме, што там, за хмарами!

* * *

— На Покровы кермеш был, в нашой русской гали — бы помочы нашым лемкам, жебы памятали . . . Але то даремный труд! — Дадны лемкы такы сут: — як тикета попродали — то грошы сой поховали — и всьо зышло на капут!

— Гварил я му здесят раз: — Отдай грошы, бо уж час — бо я хочу их выслати — в Лемко-Союз записати . . .

— Але шкода клапканя, а и мого пыска — хоц то сам пан, скул-директор, мудрый не от гнеска . . . — Вшытко едно таким мудрым, што свищут на носі! — Може коли ся дознают, же и лемкы штоси . . .

* * *

— А тепер ся верну зас до той парафії — и дашто вам расповім про новы подіи:

Уж я жыю не от гнес, и хоц жыю худо — але я ищы не виділ таке чудне чудо:

— Было то деси в новембру, в неділю, не будня — наш егомосьць выіхал сой деси так сполудня. — В церкви огня не было, бо свічки выгасли . . . Я ту слухам, што за мара? Вшыткы трубы прасли! — и дуют што ест силы, фایер-трок уж гонит — люде кричат, же церков горит, а никто не звонит . . . файермены кренту венту, гозы сприкручали — выміряли на святых, а воды не мали. Не пустило им воды, здаеся, што чудо — я сам виділ и виділи вшыткы вколо люде! — И згоріла наша церков, згоріла до чыста — зашто такий божий допуст для нашого міста? — Тепер люде ставят нову, боженьку всьо прийми — уж велику, мурувану, як в Єрусалимі. — Уж владыка посвятили край угольный камин — и два хоры заспівали: вікы віков амин . . . С филаделфії “Америка” 8 вересня — знана вшыткым газета украинска “чесна” — пише “гість” в ней “Для Бога и людий”. Вшыткы церкви спрозывал, же шопы и буды, а лем нашу одну хвалит с стильом украины — бо “гість” того не виділ: Тече в середину! — Правда, день был красный, файно отепліло — але думам, што “гостеви” в очах ся двоило — бо згадуе за “похід” и за два “прапоры” — а то не был лем еден, што стоял до горы — и то лем “Юнайтед”, а не з украины. — Але може пяный “гість” взял фартух Марины — за тот другий свой “прапор”, прапор украины. — Дальше наш “гість” згадуе про чудесны дзвоны — што ся голос розносил гет на всі стороны — голос дуже голосный и голос шырокий — што го чути в Мт. Кармел и чути в Шамокин . . .

А ту присям, Палку, ту, на мою душу — хоц дакто и злый бы был, а повісти мушу:

— Вышол я до церкви — так было завчасу — душа мі затліла — пиду выпю пива! — Выпил одну-другу, чекам, як одутый — еден блок от церкви, а звона не чути. — Дальше гость згадуе о выступлениях братских — плете штоси таке, якбы напوماцькы: — Брейда братства нема, Ашлянд украинця — а колпманці на митингу не дошли до кінця . . . — Едно гость выповіл, нашто кредит

дастся — же ціла заслуга то єст отця Капця! — Люде ся ним тішат, як Хаим сынамі — же то наш єгомосьць, мудрый меже нами . . . — Лем єдно не видят, с той його мудрости — же як зачне нас стричы,

то стриже до злости . . . — Жебы я так здоровый здох, як неправду пишу — а я вірю твердо в того, же правдом не грішу . . .

Парафіян.

Колпмант, Па.

Карпатскы Великане

ТАРЫЙ дідо Сивестер повідал мі даколи, коли я был ищы маленький, што в наших горах Карпатах жыли даколи великане. Жыли люде малыя и жыли великане. Великанов не было так вельо, бо престалися множити, а малыя людей было штораз веце, бо малыя люде барз множилися, як мурияны. И так выглядали тоты малыя люде для тых великанов як мурияны. Повідал дідо Сивестер, што раз ишла, крачала з горы на гору єдна великанска баба, за грибами ходила. Розумієся, што и грибиска для тых великанов росли спецыяльны, великанскы, што шапкы тых грибов гет понад ялиці и смереку было видно. Зато и глядати их великанам не было так трудно, як нам, малыя людям по гушыках, по кряках.

Так иде она, тотя баба великанска, смотрит, а там рушаються якусы хробачкы чудны, єден подобный до чловека, а два инакшы, и тоты хробачкы рыют землю. И сподабалися той бабі великанской тоты хробачкы мурияны и взяла их до запаскы и понесла до великанов. А был то газда лемко, котрый собі орал под лісом, под овес.

Великане тоты подавали собі сокрыу з горы на гору, такы долги ручыска мали. Маленький чловечок барз мусіл стеречыся, штобы го такой великан не задопнул до землі.

Я просился діда Сивестра, што ся стало с тыма великанами, ци ищы они даде жыют, ци уж знищали. Дідо Сивестер повідал, же малыя людей ся так намаожыло, што великане им нияк рады не могли дати, што тоты малыя люде змудрили и побороли великанов. А и природа уж не могла тых великанов, што ищы зостали, выживити, так што повымерали до єдного.

Хоц я не барз вірил дідови о тых вели-

канах, як я был маленький, а тепер, коли ем постаріл, почиам вірити, што на правду такы великане в Карпатах даколи жыли, бо якбы не жыли, то скади бы взялися нашы карпаторусскы великане тепер? А никто заперечыти нам не може, што мы маме и тепер своих великанов. Може ніт? Кто чытат нашы карпаторусскы газеты, то знає наших великанов. А кто не знає чытати, най ся звідат Пацюты, Варзалия, Югаса, Ганулі, Тидика, Такача, Жатковича и других наших великанов, то они вырахуют му, кельо мы, карпатороссы, маме тепер великанов, ту и в старом краю, а кельо зме мали, што уж поумерали, але их великанский дух прешол до жыющих великанов и стократ розмножыл их. Никто, ниякий народ в світі, не ма тельо великанов, што маме мы, карпаторусский народ.

Нашы великане діляться на православных и греко-кадтолическых великанов, а греко-кадтолическы діляться на восточных и западных великанов. И нашы великане далеко преросли тых старых великанов, о котрых повідал мі дідо Сивестер! Тамты великане и совсім не ниякы великане при наших, карпаторусскых великанах. Тамты великане подавали якусы сокрыу єден другому з горы на гору. Нашы великане, што тепер жыют, што мы, малыя люде на них смотриме, з ниякыма там нашыма горами не бадруються! Як уж подають собі дашто, то подають из Питтсбурга и Пряшова до Рима, або даде до Токио, або до Пешту, до Берлина, або до Прагы, Белграда, Варшавы, або воюют цілу Россию, Украину, диктуют им, як там мают газдувати, якого царя класти! Што там тамты дурны великане против них, против наших великанов? Тамты лем по Карпатах ходили, нашы по світу крачают.

А скади тоты нашы великане происходят? Та розумієся, што в их жылах мусит плысти кров тых наших карпаторусских великанов, о котрых оповідал мі дідо Сивестер. Инакше и быти не може, бо другы народы не маюти таких и тельо великанов, як мы карпатороссы.

Хоцбы взяти и нашого, бывшего великана губернатора, дай му боже царство небесне. По смерти нашого губернатора вынашли, што його руки сягали аж до Пешту. Што едном руком зберал грошы в Карпатах, та и в Америці, а другом руком складал аж в Пешті. Миллионы, гварят, зложены там, в Пешті.

Розумієся, што сут у нас векшы и меншы великане, сут в старом краю, сут в Америці. Каждый пан превелебный, каждый учитель, каждый дяк, у нас великан, в каждом плыне кров тых старых наших карпатских великанов, о котрых поповідал мі дідо Сивестер.

Бесідую, приміром, з одним учителем. Чловек, як чловек, на око ани незамітно, што великан. Но бесідує, бесідує, о "русскости", як и от кого мы "происходиме", а нарешті, коли видит, што я той його "русскости" не чудуюся, повідат, што он вечерял с Фордом, и што як он захоче, то у Форда дораз таку роботу достане, яку лем хоче, таку роботу, какой ищы ани до тепер ніт. "Я, гварит, с Фордом, як два брата, барз мя Форд любит и уважат. Але я думам, што я ліпше дам ся высвятити на священника. Але вы, гварит, не думайте, што я в тото вірю! Я не вірю, але покаль дурному народу буде потрібный поп, та все буде попу найліпше на світі жыти . . . Зато я иду на попа. Вы, гварит, думате, же вы дашто зробите? Шкода ваших мук, гварит. Народ за вами не пойде николи . . . Я, як бым был вами, то я бым найперше зостал попом, а так народну роботу робил. За попом народ наш и до огня скочыт, а за вами каменями буде метати и мече. Я знам, что я ділаю" . . .

И не можете му нич заперечыти, бо великан вшытко знає, всяди был, вшытко виділ . . .

Взяти даякого секретаря, кассира, председателя "Русского Дня." Он вшытко знає. Он знає, што то "русскость" и он стоит за "русскость"

Николи нияких лемков великан не признат, бо "лемковизмус", то "сепаратизмус", "социализмус" и "коммунизмус", як пише Пацюта. Лемкы не великане. Великане не лемкы, бо лемкы барз малыны люде.

Нич великанам до "русскости" не бракує, лем, як сами чуют, того твердого "русского языка", што то аж коло Москвы говорят. Але с того собі великане вельо не робят, бо то легко русский язык изучыти. Вшыткого два слова треба знати: "Как" "это." Слова дуже короткы. Коли знає тоты два слова, то уж бесідує "чысто по литературному" и пише "чысто по литературному" . . .

Тот "русский литературный язык" наших великанов дуже интересный, так интересный, што мусиме познати го ближе. Таким языком не могли бесідувати ни нашы малыны предкы, ни не бесідує нияка частина русского народа сегодня, ани не пише таким языком, ани думати на таком языку не може. Таким бесідом могли бесідувати тоты нашы Карпатскы Великане, што оповідал о них дідо Сивестер, што з горы на гору еден другому сокыру подавали, што баба згорнула маленького орача лемка разом з волами и сохом до фартуха для забавы.

Так тота бесіда тых старых великанов дуже подобна, як видно, до бесіды новых великанов, котра появятся и тепер в наших карпаторусских великанских газетах.

Перепечатуєме одну статью на той бесіді, в котрой великан автор подає свои рецепты, розумієся не на людскы, а на великанскы хоробы. Перепечатано из "Русского Вѣстника", от 2 ноября, 1933, ч. 43. на 6-ой стр. котрый издаєся нашыма великанами в Питтсбургѣ, во славу "русскости" и Единой, недѣлимой Руси Православной" . . . Перепечатано дословно. И так:

РЕЦЕПТЫ ОБЪ ПИЩЕВЫХЪ ВРЕДИТЕЛЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗДОРОВЯ И КАКЪ БОЛЬНОМУ НЕДОПУСКАТЬ СЕБЯ ВЪ СЛАБОСТЯХЪ ОТЪ ЗАБОЛѢВАНІИ ВРЕДНОЙ ПИЩИ.

(Опытъ изъ собственнаго изслѣдованія — автора рецептъ).

Пища вредительная или не вредительная.

Эта пища, которую ѣсть человекъ можетъ быть сприяющей для человеческого желудка, однако можетъ быть и не сприяющей и очень вредной для человеческого здоровья. Пища есть такой, что человекъ сприяетъ ему къ окрѣпленію его здоровья, или просто остается вредителемъ и приводитъ человека къ слабости и заболѣванію.

Вотъ н. пр. ѣсть очень толстое мясо, ѣсть свѣжую свинину, или ѣсть такую пищу, что она за много есть омащенной свинскимъ саломъ то одно изъ этихъ здороваго человека можетъ привести въ заболѣваніе. Черезъ невозмѣрную омасту толстаго мяса, или просто омастой саломъ приготовленная пища стается этимъ вредителемъ, что въ человеческомъ животѣ возбуждаетъ боль и рвоты. — Конечъ концомъ тотъ человекъ черезъ подобную пищу остается больнымъ на рвоты и безпрестанно принуждаетъ его уходить въ нужникъ съ отходами человеческого кала . . .

Ну, если человекъ ѣсть пищу совсемъ не омащенную, даже тогда если къ пищѣ не пользуется омастой, какъ олѣемъ или оливой то такая постная пища остается этимъ вредителемъ, что человекъ заболѣваетъ на запоръ. Кромѣ не омащенной пищи, кто часто ѣсть молоко съ булкой, а не уживаетъ иной пищи, то тоже человекъ упадетъ на заболѣваніе запоровъ. Больной на запоры переноситъ тяжелый животный боль и черезъ желудковый запоръ не можетъ выпускать калъ — человеческія отходы, при чемъ чувствуется въ великомъ терпѣнію.

Къ вредительной пищѣ тоже принадлежатъ испорченные продукта какъ н. пр. колбасы изъ гнилаго мяса, смердящее застарѣлое масло, гнилые яйца, недоваренная рыба, заразное мясо изъ курей, старый засмердѣлый сыръ и тому подобное. Вре-

дительнымъ продуктомъ для человеческого нездоровья и заболѣваній изъявляются его вредителями, кто зъ людей ѣсть н. пр. незрѣлые яблока или на половину гнилые грушки и бананы. Кто изъ людей ѣсть на половину гнилые сливки и виноградъ. Эти испорченные или незрѣлые фрукты не лишь что вносятъ внутреннюю болѣзнь человека, но имѣютъ они возможность вызвать въ человекѣ заболѣваніе на лихорадку.

**

Какъ вредительная пища излѣчиваетъ заболѣваніе на иную вредительную пищу.

Эта самая пища омастная, что она есть вредительной на боль живота и желудка съ насиловательномъ отходомъ человеческого кала, то теперь служитъ какъ излѣчитель на человеческія запоры. И эта самая не омастная пища, что она въ человека запоры, то на теперь является излѣчителемъ на вредительный боль живота и желудка въ насилванію человеческихъ отходов — кала.

Чедезъ такой же способъ, сало, масло, свѣжая свинина, олѣи и олива излѣчаютъ запоры, а молоко съ булкой, или рожовый (житный) сухарь на половину перепаленый служитъ излѣчителемъ на боль живота въ насилванію человеческихъ отходовъ.

По дѣлу подобныхъ заболѣваній слѣдуетъ пользоваться слѣдующими способами. Кто изъ людей остался больный на насилваніе человеческихъ отходовъ, тотъ черезъ 3—4 дня долженъ ѣсть молоко съ булкой, долженъ еще пить черную каву или чай съ сухаремъ рожового (житнаго) хлѣба и этимъ способомъ излѣчится.

Кто изъ людей попалъ въ заболѣваніе на запоры то на эту слабость слѣдуетъ только одинъ разъ ѣсть свѣжей свинины или сала и эти же излѣчаютъ запоры. Кто въ запасѣ не имѣетъ свѣжей свинины или сала, тогда онъ можетъ пользоваться олѣемъ или оливой. Черезъ 3—4 дня больной каждого дня утромъ и вечеромъ долженъ выпить кружку на 20% одного лѣтра. Отъ одного или отъ другого омастнаго средства человекъ скорѣе освободится отъ запоровъ, чѣмъ тамъ отъ аптекарскихъ и медицинскихъ лѣкарствъ.

**

Пища которая само больше сприявляет для человѣческаго здоровья.

Къ этимъ пищевымъ продуктамъ, что они само больше сприявляютъ человѣческому здоровью суть ими слѣдующія. Первымъ продуктомъ изъясняются яйца и яичница изъготовленная на разные способы. Вторымъ продуктомъ служить хорошо свареная капуста съ разными приправками всякой прочей зелены и пахучихъ продуктовъ. Третьимъ кормительнымъ продуктомъ изъясняется русскій борщъбураковый съ добавленіемъ гороху, морквы, цебулѣ, апію, томатъ и прочее изъ зелены. Четвертымъ продуктомъ изъясняется рыжъ переваренный съ коровячимъ молокомъ. Пятымъ продуктомъ изъясняются бобы сверонные съ приправкой какъ къ тому способенъ поваръ или поварная хозяйка. Кромѣ сихъ же продуктовъ пищевыхъ какъ рожевой (житный) хлѣбъ.

При семъ слѣдовало бы сказать и это, что къ такимъ же пицамъ о коихъ мы выше говорили, надо додавать омасту только въ своей мѣрѣ по его количеству, ибо кто черезъ свою мѣру къ нимъ додасть за много омасти, этимъ же вредитъ на человѣческое здоровье.

Вы знаемъ это, что наши русскія любятъ ѣсть рыбу, но надо помнить это, что недовареная рыба или недопеченая служить убійцей человѣческаго здоровья. Тоже не слѣдуетъ рыбу уживать за пищу, если эта рыба смердитъ вонячимъ запахомъ, ибо такихъ же рыбъ кто ихъ ѣсть можетъ сдобрить себѣ слабость лихорадки.

Такъ какъ для дѣтей самой лучшей пищей служить молоко и хлѣбъ или булки. слѣдовало бы сказать еще одно это, что очень не разумно дѣлаютъ эти матери, которые своимъ дѣткамъ какъ возрослымъ даютъ пить каву и что даютъ имъ ѣсть сахаръ и иные сладкія сахарныя продукты. Сахаръ, кава, а то же и медъ дѣткамъ портятъ зубы, которые остаются беззубыми. Правда это, что согнившіе зубы вырываютъ и замѣщаютъ золотыми зубами, но эти же зубы нельзя цѣнить съ зубами природными.

Не досвѣдченные люди думаютъ себѣ, что кто больше ѣсть мяса, тотъ больше

сильный, больше крѣпкій, больше здоровый и доживаетъ глубокой старости. Ну, какъ на оборотъ, кто ѣсть мясо или очень масно, то онъ скорѣе толстѣетъ, а эта тѣлесная толстота созрѣваетъ и конецъ концомъ скоро постепенно перестаетъ — жизнь ближайшая лишь лопнуть и вотъ все кончится, что оное было жизнью.

По изслѣдованію ученыхъ врачей — хирурговъ есть извѣстно то, что только не многія “толстяки” и это въ самой большой рѣдкости доживаютъ они глубокой старости. Изслѣдованіе намъ приводитъ и это, что кто въ своей жизни лишь по своей мѣрѣ пользовался омастой и саломъ, а отъ мяса ѣсть недопускался, такіе люди доживали глубокой старости.

**

Что портитъ зубы.

Наши русскія люди, корые родились въ старомъ нашемъ родномъ краю и которые сегодня живутъ въ Америкѣ, — они же прекрасно знаютъ это какъ плохо живутъ наши крестьяне. Тамъ наши крестьяне зимой пропитываются одной квашеной капустой и квашеными огурцами. И черезъ это пропитаніе нашихъ русскихъ крестьянъ вы усмотрите съ бѣлыми и здоровыми зубами съ твердостью желѣза. Сей часъ пойдите и загляните въ богатые дома и вездѣ вы увидите, что почти всѣ беззубые, или снаходятся съ зубами но не природными, а лишь золотыми, или выготовленные изъ коей иной массы.

Мы лишь подумаемъ себѣ и скажемъ: развѣ черезъ какой то способъ эти богатые людишка остались безъ природныхъ зубов? — Потеряли они свои природные зубы просто тому, ибо они ѣдятъ очень сладкую пищу съ искусственными приправами, сахара меду и всего сладка. Эта же сладость испортила имъ зубы и они принужденные замѣнить золотыми зубами.

Наши русскія люди прибывшіе въ Южную Америку какъ у тепломъ краю, вездѣ познакомились съ сахарной тростиной и нѣкоторые изъ нихъ начали грызть сахарную тростину и стали высисать тростиновые соы. И что стало позже? Они остались беззубыми.

Зубы то же портитъ табакъ черезъ куре-

ніе трубки (люльки) и сыгарь, ибо тотъ табакъ имѣетъ въ себѣ опиумъ высокаго градуса, который нищитъ зубы. Тому то, кто изъ людей нестойтъ за своими зубами и допускаетъ къ нищенію, — то все это представляетъ, что не печалится о своемъ здоровью.

**

Что портитъ глаза (очы) и что вредитъ человѣческому зрѣнію.

Вредителями глазъ (очей), или просто кто есть глазами убійцами, то этими же являются слѣдующія: 1) противный вѣтеръ съ путевымъ прахомъ; 2) приближеніе къ огню, тамъ гдѣ страшно курится; 3) чтеніе при лучахъ солнца, или чтеніе ночью при лучномъ свѣтлѣ; 4) чтеніе при электричной лампочкѣ безъ всякой заслоны; 5) чтеніе при плохомъ свѣтлѣ малой кухонной лампочки; 6) праховая пыль изъ кирпичъ (цеголь); 7) паръ при открытію кипящихъ горшковъ; 8) дымъ изъ курительной трубки исыгарь; 9) искры падающія при перепаленію желѣза, коей работой бываетъ занять кузнецъ; и 10) запорошеніе глазъ (очей) всякой нечистотой.

Однако же, самымъ большимъ врагомъ и вредителемъ глазъ (очей), является вѣтеръ и дымъ. Путешественникъ, который черезъ нѣсколько дней путешествуетъ при сильномъ повѣву вѣтра, или тотъ рабочій что часто работаетъ на вѣтрѣ, то этимъ же вѣтромъ настолько вредитъ, что въ глаза (очи) вдерается кровь и своимъ кровнымъ обликомъ заступаеътъ человѣческое зрѣніе. И кому по неволѣ приходится работать въ дыму, или дымовомъ мракѣ, то тотъ же дымъ настолько вредитъ глазамъ (очамъ), что вытискаеътъ слезы, а съ слезами теряется процентъ зрѣнія въ меньшомъ, или большомъ количествѣ. Нельзя забывать и это, что стрѣльный порошокъ есть убійцей человѣческаго зрѣнія. Доказъ изслѣдованія, намъ приводитъ, что если съ оружія стрѣлить человѣку въ его глаза, то оружейный порошокъ моментально выпалуетъ глаза, причеъмъ остается темнымъ и въ такомъ несчастію врачебная помощь оказываеътся немощной, чтобы человѣку возвратитъ зрѣніе.

Въ защитѣ глазъ можна пользоваться очками (окулярами) съ глазами обложками, но такая защита возможна предъ напоромъ вѣтра и при работѣ кузнечныхъ искръ, но такъ предъ напоромъ дыма нѣтъ тамъ никакой защиты. При такой то случайности, каждый человѣкъ долженъ знать это, что вредитъ глазамъ а что помагаеътъ глазамъ.

Въ мнгихъ случаяхъ встрѣчаеътся, что нѣкоторымъ людямъ возрослымъ и не возрослымъ закисають, или закаправѣють глаза. Надъ вѣками глазъ появляются въ родѣ крупъ масные спленки, которые съ наружи высеятъ надъ глазами. Все это появленіе вредитъ глазамъ и человѣческому зрѣнію. Ну, на закисаніе глазъ снаходясь домашнее лѣкарство, которое излѣчаеът и очищаеът глаза отъ не чистаго закисанія. Лѣкарствомъ этимъ служитъ свѣжее коровячее молоко. Больному на глаза слѣдуетъ взять чистый бѣлый платокъ или шматку вмочать въ молоко и тотъ же приложить къ закислому глазу и держать его на сколько это возможно. Пользоватся такимъ прикладомъ, больной черезъ одну недѣлю можетъ излѣчится отъ глазныхъ капрей.

* * *

Як видиме, то так тотъ язык, як и тоты "Рецепты", не относятся до нас, маленькихъ людей, лем до великанов.

Ваньо Гунянка.

АЖ ПО КОЛЛЕКТИ

— Може ест кто меж вами, мои дороги вірники, што му тяжит даякий гріх на души и хотілбы, штобы помолитися за ним — гварит духовник до своих вірников.

— Я грішу, отче, тым, што барз грошы розмітую, а мои діти голодны — гварит брат Акакий . . .

— Добри брате, помолимеся за тебе всі, але аж збереме коллекту.

ДЛЯ КОГО АДВОКАТ

Жена: Ты ничгоде! Я беру с тобом развод.

Муж: Я найду найліпшого адвоката.

Жена: И найліпший адвокат ти нич не поможе.

Муж: Я не для себе, а для тебе найліпшого адвоката найду!

Біда

(Из великорусского)

ЕГОР ИВАНЫЧ, по назвіску Глотов, мужик зо села "Гнилы Поточки", два роки складав грошы на коня. Мало и планно іл, шмарил куриня, а што тычыцца палюнкы, то забыл, який смак мае. То ест, як бы ножом отрізал — не памятал, який смак мае палюнка, хоц убий!

А тягнуло го припомнути собі. Але крипился мужик. Барз му был потрібный конь . . .

— Вот куплю, — думал, — коня и втуды сой позволю. Будте спокойны.

Два роки складав мужик грошы, и на третий порохувал свои капиталы и почал збератися в дорогу . . .

А перед самым ярмаком, явился к Егору Иванаычу мужик из сусідного села и предложыл купити у него коня. Но Егор Иванаыч предложение тото откинул. Ажи пре-страшылся.

— Што ты, добрый чловеце! — повідат. — Я два роки солому жер, ждал ярмаку. А ту, як на злость — купи у него коня . . . Таке купно, якбы и не купно. Ніт, не страшмя, брате. Я уж ліпше до міста, на ярмак пиду. Штобы вшытко было, як належится. —

И вот Егор Иванаыч позберался. Округил грошы в онучу коло ноги, наділ скирні, взял палицу в руки и рушыл.

А на торговици Егор Иванаыч дораз сподабал собі коня.

Была то шкапа звычайна, газдовска, з надутым брюхом. Серсти неопределенной — штоси, якбы барвы сухой глины, помішаной з навозом.

Продавец стоял при коню и удавал, што йому не расходится, ци дакто купит у него того коня, ци не купит.

Егор Иванаыч покругил ногом в скирни, помацал грошы и, ласкаво оглянувшы коня, гварит:

— Што-ж то, добрый чловеце, реку, ты продаеш тоту конину, ци лем так?

— Того коня? — небало звідался торговец. — Та уж, думам, продати. Розуміеся, же продаю . . .

Егор Иванаыч тоже хотіл удати, што йо-

му не потрібный конь, што он може обыйтиса без коня, но не вытримал, лем гварит зо сердца:

— Коник мі, добрый чловеце, барз потрібный. До зарізу мі потрібный. Я, милый мой, три роки солому жер, складав грошы, штобы купити коня. Вот, як мі коник потрібный . . . А яка ціна буде того твого коня? Лем гвар до річы . . .

Торговец повіл ціну, але Егор Иванаыч знал, што то не правдива ціна, лем так для торгу, та не позлостился, лем взялся обмацувати шкапу.

Он несподівано дул ей в очы и уха, жмуркал на ню, мляскал ей языком, махал головом пред самым ей мордом и так розрушал и настрашыл тиху шкапу, што она, до того часу спокойна, почала бити задом, але лем так для себе, не зато, штобы ударити Егора Иванаыча.

Коли уж шкапа была оглянена, Егор Иванаыч зас помацал грошы в скирни, мругнул торговцу и гварит:

— Так значыт, конина твоя на продай?

— Чом, могу продати — гварит торговец, якбы ображенный . . .

— Так . . . А кельо же ты хочеш за тоту шкапу? . . .

Торговец повіл ціну, и почался торг. Егор Иванаыч бил себе в груди, два раз знимал скирню и выберал грошы, два раз ховал грошы и надівал скирню, божылся, заклинался, вытерал рукавом слезы, говорил, што он шесть літ іл солому и што йому до зарізу треба коня — торговец пушчал в ціні покус.

Наконец зышлися в ціні.

— Най уж буде, бєр коня — гварит торговец — Доброгo-с коня купил. И серсть крас и расовый и до работы единый . . .

— Што до серсти, до ей барвы, то уж до ничего. Такого кольору я ищы не виділ, нияк неинтересный кольор серсти . . . Опуст дашто . . .

— Та нашто ти кольор? Конь не квіток, пахати не будеш?

Пораженный таким аргументом Егор Иванаыч посмотріл оторопіло на клячу, шмарил

шапку на землю, придоптал ногом и крикнул:

— Най же уж буде!

Пак сіл на камень, знял скирню и вынял грошы. Долго и з жалем перерахувал их, подал торговцу и отвернулся, бо барз му было прикро позерати, як торговец рахувал його грошы . . .

Наконец, торговец сховал грошы до шапки и гварит Егору Иванычу уж на "вы":

— Конь ваш . . . берте и ведте . . .

И Егор Иваныч повюл. Он вюл торжественно, цмокал языком и называл шкапу Марусьом. И лем, коли вышол с торговли и нашолся на бочной улици — порозуміл, яке велике событя в його жытю сталося. От великой радости пукнул шапком о землю, здоптал ногами, што он так хитро и мудро торгувался. Пак рушыл дальше, розмахуючы руками.

— Купил . . . Коня купил . . . Матичко боска . . . Оманул ем го, торговца . . .

Коли кус охолоднул от избытка радости, Егор Иваныч, хитро сміючыся собі под носом, почал мургати на прохожих, якбы им показувал очами свою покупку. Но прохожы проходили и не смотріли . . .

"Хоц бы тепер даякого земляка, кума встрітил, для сочувства . . ."

И акурат, смотрит, иде мужик, земляк из третьего села . . .

— Куме! — крикнул Егор Иваныч. — Куме, подте-ле гев!

Чорный мужик подошол ліниво и, не поздравкавши, посмотріл на конину.

— Смотте, куме . . . я коня купил . . . того, о! — рюк Егор Иваныч.

— Коня, — рюк мужик, а же не знал, што дальше речы, або звідати, додал: — Видно, што ес не мал коня?

— Так и было, куме — рюк Егор Иваныч — не было у мене коня. Коли бы был, не купувал бы. — Подме, я хочу дашто казати . . .

— Обляти значыт? Литкуп? — звідался земляк и облизался. — Можна. Тото можна. Што можна, то можна . . . В "Ягодку" пидеме?

Егор Иваныч кывнул головою, ляпнулся по холяві и повюл за собом клячу. Земляк ишол на переді.

Было то в понеділок. А в середу рано

Егор Иваныч вертал до дому. Коня не провадил. Чорный мужик отпроваджал Егора Иваныча до німецкой слободы.

— Ты не турбуйся — потішал го. — Не мал ес коня, а и тота шкапа не конь. Ну, пропил, та зато нич. Зато, братку, ес облял купно. Вартат вспомнути . . .

Егор Иваныч шол похмурно, молчаливо, сплювал жолту слину. Аж коли дошли до німецкой слободкы, стали прощатися, Егор Иваныч рюк тихо:

— А я, куме, два рокы солому жер . . . надармо . . .

Земляк махнул сердито руком и вернул назад.

— Стой! — закричал Егор Иваныч страшным голосом: — Стой! Дядя милый?

— Што тобі треба? — остро звідуеся мужик.

— Дядя . . . милый . . . братичку, — гварит Егор Иваныч и клипкат очами. — Як же то? Два рокы я солому жер надармо . . . Чом то, за што то . . . палюнку продают?

Земляк махнул руком и рушыл до міста . . .

Михаил Зошенко.

НА ШТО ГО ПРЕВЕРНУЛ?

Прохожий видит, як еден хлопец превернул другого, сіл на него и окладат го пятаками. Жаль му ся зробило того на споді и подходит, тай гварит тому на верха:

— Ты не повинен го бити. Ци ты не знаш, што лежачого не бют?

— Гей?! А нашто я го превернул? — гварит хлопец.

ОБХОДИТСЯ ЕДНЫМ СЛОВОМ

— Я обыйдуся едным словом в бесіди зо своим женом . . .

— А яке тото слово?

— Так.

ОТ ПРОСТУДЫ

— Мой сусід дуже часто простуджатыся . . .

— А ци он знае, што на простуду найліпша виска?

— Зато он так часто простуджатыся, бо знае.

Деревце

Засадил лемко деревце,
Почал подливати,
Жебы скорше му выросло,
Жебы овоч мати . . .

А сусіде завистливы,
Завистливы люде —
Повідали, же овочу
З деревця не буде . . .

Бо то земля до ничего,
Постна, камениста
И деревце не даст овоч
Ани за літ триста!

А деревце собі росло
И квітя пустило,
Пришло літо, пришло "Спаса",
Овоч зародило . . .

А злых людей тото грызе!
Бо злы люде такы,
Як, видите, под деревцом
Шкодники хробакы . . .

И почали подгрызати
Наш Союз Народный . . .
Лем же лемко наш не дурак,
Але человек годный:

Шкодников он дораз познал,
Очыстил коріня —
И наш Союз дае лемкам
Овоч и насіня . . .

ГОДИНКА, ШТО БЕ

Гость: — Я мушу встати рано. Маш таку годинку, што бе?

Газда: — Сама не бе, хыбаль як ньом до мя жена шмарит . . .

СЕЙЛСМЕН

— Мамо, при дверях стоит сейлсмен, з баюсами . . .

— Повіч му, што мі не треба баюсов.

ПОМЫЛИЛИСЯ

Жена: — Ты зауважыл, старый, што наш пан превелебный часом мылится в отправі . . .

Муж: — Найбарже помылится, коли нас благословил при слюбі.

КОЛИ ЧУЄ ?

Доктор: — А ци чуєте даколи боль в горлі, коли пете?

Хворый: — Но, лем втоды, як мя жена за него хватит . . .

Роздерли на Двоє

— Спасение лем в Римі найдеш,
деш,

Лем Такач даст раду!
Бо лем папа мае ключы,
Што ся в небо здадут!

— Не слухай го “менший брате”!
те”! —

Протоерей рече:

— Лем Виталий може спасти,
Под за ним чловече!

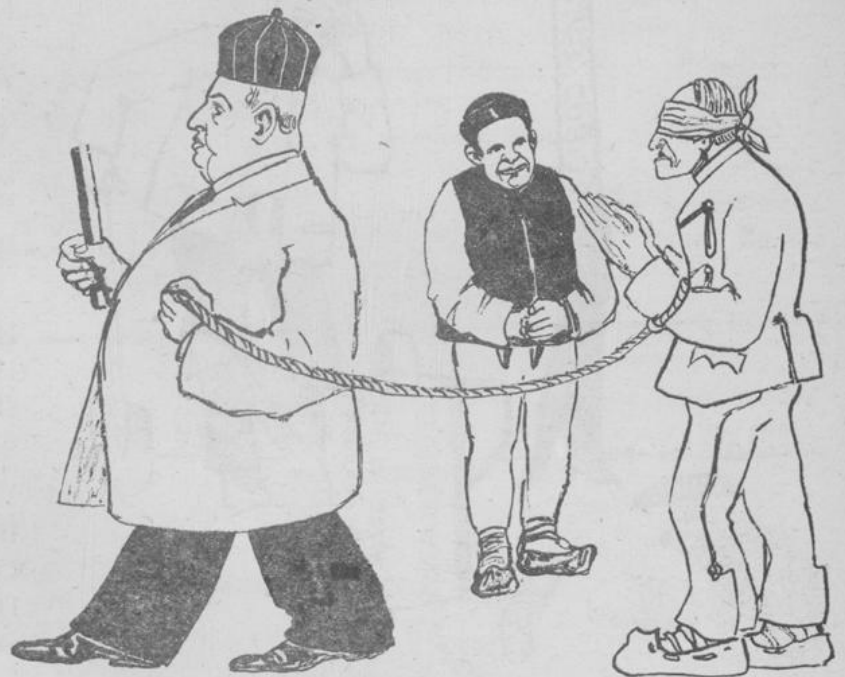
И друг лемка на два боки,
Каждый хвалит свое . . .
Тай роздерли лемка попы,
Роздерли на двое . . .

Там на нашой Лемковині,
В обох стран границі
Учат лемков целибаты
Ружны небылиці:

Же як будут им зносити,
Остатне давати,
То по смерти будут в небі
Вічно царствовати . . .

Стары лемкы их слухают,
Даються водити . . .
И ци можут, неборакаы
Так на світі жыти? . . .

1. Кум: — Где он вас, куме, тот целибатяр веде?

2. Кум: — Повідают пан превелебный, же до царства небесного . . .

ВІРНЫІ МУЖ

Жена: — А будеш ты мя любити, коли мои волосы будут сивы?

Муж: — Чом бы ні? Ци я не любил тя, коли твои волосы были чорны, червены и жолты?

КТО КОГО ?

Мати: — И ты, доню, хочеш выйти за муж за такого старого белея и мучитися ціле жытя?

Доня: — Не бойтеса, мамо, я себе мучити не буду, лем його!

Петлюракы

Сут на світі ружны люде,
Мудры и чудакаы —
Але найвекшы чудакаы,
Нашы петлюракаы!

Не знають сами, што хотят,
Зашто ведут “війну”,
Бо знам: сами нич не вірят
В свою “самостийну” . . .

Але й они жыти мусят
Людям на потіху . . .
Не было бы петлюракаов,
Не было бы сміху . . .

ШТО МОЖ ДОСТАТИ ЗА ДАЙМУ

На головной улици, пред перворядным
рестораном, просит стоячий прохожого:

— Добрый чловече, дайте мі дайму, я
хочу зайти до того ресторану . . .

— Та што ты, бідный чловече, за дайму
достанеш в том дорогом ресторані?

— Горнятко кавы, зо дві срибны ложки
и новый калап.

Рахунок не Вышол

1 Кум: Вы стоите, кумцю любый,
В Лемковском Союзі?
2 Кум: Стою, стою, лем союза

Мі того за дуже!
Я си думал, же на “питник”
Будут муншайн брати,
Же вторгую дашто от них!
Жаль бесідувати!

1 Кум: А я думал, же в салуні
Ся будут сходити —
А выводит, на союзі
Не мож заробити . . .
2 Кум: Но и што нам зо союза?
Най же он пропаде!
Преверныйме! Я спереду,
Вы восте зо заду.

(И сиятятся, превертаяют,
Союз ся не боит,
Чым весте ся напружаяют,
Союз крiпче стоит).

Будучност Нашых Запомоговых Организаций в Америкі

Народны Надіи

Нашы емигранты в Америкі, кромі многочисленных православных и униятских церквей, создали тут цілый ряд запомоговых организаций для ассекурации посмертного на случай смерти. Гдєкотры из тых организаций отпраздновали уж 40-ву рочницу своего существованя.

Што церкви с их огромном арміюм священников и дьяков не зробили ничего для просвіщения и культурного поднятия нашего народа в Америкі, то признае ныні уже каждый. Если оглянутися назад, на минушы десятилітия нашей эмиграции в Америкі, то просто жаль бере, што наш народ тут потратил таку массу грошей и энергии на будову и утриманя церквей, а так мало получил взамін за то. А с яком віром и надіюм будувал наш народ церкви и глядал священников и дьяков для них! Он робил то, бо вірил, што при церквах он подвигнеся культурно и сохранит свою русску народност не лем сам, но и передаст то своему потомству тут в Америкі.

С подобном віром будувал народ и запомоговы организации. В них глядал он не лем самой ассекурации, бо ассекурацию мог бы достати и в загальных американских ассекураційных обществах и компаниях, дуже часто даже на лучших условиях, но свои организации он создавал больше из народного почутья, из патриотизма, штобы в тых организациях сохранить свои народны традиции и розвивати свою национальну культуру. То видно в уставі каждой запомоговой организации, где постоянно говорится о моральных и народных цілях, о розвитку своего народного духа и сохранению культурной связи с цілым русским народом. В истории каждой запомоговой организации можеме найти десятки самоотверженных организаторов, братских секретарей и других урядников и членов, котры, можна повісти, ціле свое жытя посвятили для своей организации, котры ходили постоянно и тратили час и грошы, штобы придбати больше членов для организации и двигнути ю выше других организаций. А то робили из патриотизма, бо за свою

работу в огромном большинстве случаев не получали ниякой надгороды. Они и не очекували ниякой надгороды, бо им наилучшом надгородом было то, што их работа приносила добры плоды, бо организация росла. В рості своей организации они виділи рост русского народного діла в Америкі и гарантию того, што наша национальна культура, буде тут сохранена. На жаль, треба сказати, што неоден из тых самоотверженных организаторов позднійше, як попал в біду и не мог заплатити свой місячный взнос до братства на час, то был выкинутый из той самой запомоговой организации, для котрой столько труда положыл.

Народ обманулся в своих надіях

Тепер каждый може застановитися над слідующим пытаньем: Если церкви не дали нашему народу майже ничего для его культурного розвитку за всі тоты огромны жертвы, потрачены на них, то який рекорд мають запомоговы организации в том отношении? Ци можна повісти, же они выполнили тоты надіи, які покладал в них наш народ?

Запомоговы организации, подобно як и церкви, завели наш народ в его надіях. То и не дивно, бо запомоговы организации были всегда тісно связаны с церквами и находилися под тым самым влиянием, што и церкви. Куда ишли церкви, туда ишли и запомоговы организации. Достаточно указать на духовных управителей во всіх запомоговых организациях, на постоянне участие их в религиозных борьбах, на поддержку того або другого епископа газетами запомоговых организаций, того достаточно, штобы переконатися, што нашы запомоговы организации в Америкі не были николи самостоятельными и не мали своей політики в народных ділах, а находилися постоянно под контролем духовенства и церкви.

Запомоговы организации, маючи свои оділы по всіх центрах нашей иммиграции, а при том свои газеты, типографии и значительны грошевы фонды, мали полную возможность сорганізовати наш народ и для

культурной работы и перевоспитати его. По всіх місцевостях можна было мати свои Народны Дома, а при них читальні, галі для театральных представлений и лекций, школы для дітей и для взрослых. Но ничего из того не робили и не старались робити наши запомоговы организации, хотя в уставах своих обіцували членам, што будут заниматься культурно-просвітительном роботом. Обіцянки были записаны до уставов и там остались мертвом буквом. Можеме перейти всі наши запомоговы организации в Америкі и прослідити их діяльність, то трудно нам буде найти хоц лем пару приміров, штобы они устроювали поучительны лекции для своих членов и помагали братствам на місцях в культурной роботі. Но много ест приміров, што запомоговы организации гамували и убивали початки прогресивной культурной работы среди своих членов.

Нынѣ в наших запомоговых организациях чуеме жалі на то, што новы члены не приступают до них, бо рождена тут в Америкі молодеж не интересуея ними, а иммиграция заперта, и длятого всі запомоговы организации, созданы с таким трудом и жертвами нашего народа, упадают. Но правду сказати, было бы чудо, если бы наша американска молодеж интересовалася нашими запомоговыми организациями. Кто ю подготовил до того? Ци запомоговы организации старались о то, штобы діти научылися по русскы читати и писати, и штобы познакомилися с минувшыном своего народа и полюбили его? Запомоговы организации не думали о том, оставили молодеж совершенно самопасом, а потом, коли та молодеж подросла, то чудуются, што ті молоды люди не интересуются ними и не хотят вступати в члены до своих народных организаций.

Яке воспитание получила молодеж

Воспитание молодого покоління запомоговы организации оставили всецело церкви и духовенству. Они думали так: "Для чого нам старатися русском школом для дітей, коли сут церкви, а при каждой церкви ест русска школа?" Вот в том то и была фатальна ошибка наших запомоговых организаций в Америкі.

Церковны школы были и діти до них ходили цілыми роками, но чого научылися они в тых школах? Мы аж тепер видиме, же тоты русскы школы были для парады, а не для науки. На каждом приході встрічаме такы факты, што дітина ходила по 6 и по 7 літ до русской церковной школы, по 6 раз на тыжден, а не знае писати ни читати по русски и не интересуея совсім русским языком. Русска церковна школа заміст научыти дітину по русски, привила ей лем погорду до русского языка и русского народа.

И рядом с тым можна привести приміры, што родовиты американцы, котры дома у себе николи не чули ни слова по русски, начынали учытися по русски и, беручи по три лекции тыжднево, в продолжении 6 до 10 місяцев овладівали дост прилично русским письмом и могли говорити лучше по русски, як наша русска молодеж, котра провела в церковных школах по 6 літ.

Вывод из того може быти лем оден, а именно, же в русских церковных школах, священники и дьякы, котры учыли дітей або сами не знали русского языка, або не хотіли научыти дітей правильно по русски. Дуже возможно, што в большинстві случаев та друга причина грае головну роль. Священники и дьякы просто не хотят, штобы наша молодеж в Америкі знала добре русский язык, бо если бы она попри знанье английского языка знала ищы добре русский язык, то она была бы мудрійша от тых священников и дьяков. А дальше, если бы тоты молоды люди серьезно заинтересовалия русским языком, полюбили его и сами начали изучати его лучше, то скоро могли бы перекопнати, што большинство отцов духовных и дьяков не знают того языка. Так лучше было дурити родичей, што при церкви ест русска школа, и учыти в той школѣ так, штобы никто в ней ничому не научылся, хоцбы и ціле свое жытя ходил до ней. Родиче были задоволены, бо-ж посылали дітей до русской школы и платили попу и дьяку, значит, старались дітині дати образованье, а поп и дьяк тоже были задоволены, бо тримали школу и получали "пейду," и только тепер всі видят, што ученикы ниякой пользы из тых школ не вынесли.

Культурный и моральный занепад.

В результаті всього того наші запомаговы організації в Америці очутилися в печальном положенню и ниякой культурно-просвітительной роботы не дають. В тых організаціях потворилися маленькі партії, котры лем борються за руководство в тых організаціях, штобы достатися на платны уряды и там як найдольше триматися. Конвенції тых організацій переінілися на ярмаркы, где идуть торгы за уряды и подкуп делегатов. В послідны часы в руководство тых організацій влилося дост много молодой крови, т. е. родженых тут в Америці молодых людей, но от того моральный характер конвенцій совсім не поднялся, но опустился ишы ниже. Стары урядники хоц мали не много стыду, бо читали в краю різкы осуды против хруней, продающих голоса за колбасу, и если перекупували делегатов на конвенціях, то хоц старалися робити то тайно, а тепер молода кров не лем не стыдятся, но ишы гордится тым, як бы даяким геройством. То, што робится на выборах в американской политикі, они переносят и на конвенції наших народных организаций.

Для приміра можно указати на послідны конвенції О.Р.Б. и О—ва Взаимопомощи. На конвенцію О.Р.Б. группа молодых урядников из Мейфильд привезла поверх 40 гальонов муншайну и парудесят фунтов колбасы, загнала делегатов до одного готелю и там цілу конвенцію распивала их и с пьяными головами переводила конвенцію. А на конвенції О—ва Взаимопомощи, коли бракло старым урядникам голосов, бо оппозиция оказалась сильнійшом, як они сподівалися, то на четвертый день конвенції, перед самыми выборами, послали автомобиль до Мейфильд и привезли собі ишы чотырох делегатов.

Не дивно, же при таких методах случается, што одни и тоты сами урядники занимают свои уряды десятками літ. И такы урядники сут заинтересованы в том, штобы ниякой культурно-просвітительной роботы не робилося по братствах, штобы не было меже членами ниякой лекції, ниякой просвіты, бо если бы члены начали интересоватися світом и прогрессом, то начали бы интересоватися и порядками в своей орга-

нізації и не тримали бы ни дня таких пустых и продажных людей на отвѣтственных урядах.

Нынѣ наш народ в Америці дожил до такого положенья, што як раз тоты институции, на котры он найбільше покладал надіи, што будут охороняти его народну культуру и воспитувати его молоде поколінье в русском народном духу, тоты институции стоят нынѣ як найбільшы колоды на пути прогресса и культурного поднятия нашего народа. Сталося то потому, што и духовенство в церквах и головны заправили в запомаговых организациях бояться всякой переіны, всякого прогресса народа, бо при прогрессі народных масс тоты заправили могут стратити свое значение и свои посады.

Ци ест выход из того положенья?

Само собом насуватся пытанье, ци можна ишы оживити наші запомаговы організації в Америці и поставити их на таку дорогу, где они могли бы розвиватися, рости и служити тым культурным цілям, для яких были созданы. Розуміеся, што можна. При желании народ може зробити и чуда, бо в народной массі, коли рушится с міста, сут силы, яких перше и не подозривалося. Но для такого оживленья наших запомаговых организаций в Америці потребно:

1. Отділити запомаговы організації и братства от духовенства, штобы они могли розвиватися и вести свою культурно-просвітительну роботу сомостоятельно в народном духу. Для того всюда по плейзах братства и отділы запомаговых организаций повинны постаратися мати свои Народны Дома, галі на митингы и на предприятия. Центральный Уряд має помочи братствам в том ділі, даючи моргечы на такы будинкы всюда, где сут сильны братства. А где братства одной організації слабы, то там братства двох або трех наших запомаговых организаций повинны спольными силами постаратися о такы народны дома.

В таких Народных Домах можна розвивати культурну роботу, устроювати лекції, диспуты, представления, концерты и другы предприятия.

2. Постаратися о свои русскы народны школы для дітей и школы грамоты и поучны курсы для взрослых. Если будут Народны

Домы, то буде своє поміщення и половина трудности буде усунена.

3. Штобы устранить раз на все такы порядки, где оден и тот самый головный урядник може сидіти по 20 літ на своем уряді и умертвляти розвитие организации, треба дати до уставу постановление, же такы руководящы урядники, як председатель, касіер, контролеры и тростисты, або председатель гол. суда, не могут занимати свои уряды больше, як два разы без перервы, подобно як и президент Соед. Штатов не выбирается больше на свой уряд, як два разы. А такы работны уряды, як секретари, менаджер, и другы меньше важны уряды можна оставити без тых ограничений, бо тоты урядники и так самостоятельно ничего не робят и зависят от указаний гол. уряда.

4. Каждая запомогова организация отдільно або пару из них совмістно повинны постаратися отворити літны "кемпы" для дітей своих членов, як то робят другы американскы запомоговы и культурно-просвітительны организации, котры хотят сохранили впливание на молодеж.

То не так трудно осуществити. В подходящих місцевостях можна купити кусок поля и устроити его так, штобы туда на літо могли приїзжати из тісных городов діти и провести літний час на свіжом и здоровом воздуху, а притом учиться русского языка и воспитуватися в русском народном духу.

5. Всю культурно-просвітительну роботу розвивати на прогрессивной рабочей базі и в таком духу воспитувати и молодеж, бо лем так воспитана молодеж може тримати с нашим русским народом в Америкі, котрый складатся из рабочих, а не из капиталистов, и мусит боротися с капиталистами за свой кусок хліба.

Никто не може предсказати ныні, яка судьба жде запомоговы организации и ассекураційны компании в сей страні в будущности. Можна быти певным, што в Америкі скоро будут приняты законы о державном социальном обеспечении, где рабочие будут мати державну ассекурацію против болізни, каліцтва, безработья и обеспечение на стары роки. Як то буде зроблено державным за-

коном, то приватны ассекураційны компании и запомоговы организации утратят отчасти поле діятельности, бо буде державна ассекурация. Но культурно-просвітительной работы державна ассекурация не перебере на себе. И на той базі нашы запомоговы организации могут создати собі ищы шыроке поле діятельности и не лем утратитися, но и розвиватися и рости на пользу народа.

Поднимаются также часто голоса о объединению наших запомоговых организаций в Америкі. Ныні при тых порядках, якы завелися в запомоговых организациях, трудно о том думати. Если гол. урядники одной организации сидят на своих урядах по 20 літ, то розуміється, што они не пойдут на то, штобы их организация злучылася с другими, бо при большом числі делегатов на конвенции им бы трудно было попасть на свои уряды в новой объединенной организации. Объединити нашы запомоговы организации в Америкі можна лем тогда, коли руководство в них перейде в руки рабочих, и коли тоты запомоговы организации станут на прогрессивной рабочей программі, и будут интересоватися тым, што добре и полезне для простого народа, для рабочего. Штобы объединити тоты организации треба влити в них рабочий дух, а для того, треба выберати до гол. урядов больше простых рабочих из фабрик и майн, а не разных спекулянтов и политиканов, котры утратили всяку связь с рабочом классом.

Такы организации, як оба Соединения, О.Р.Б., О—во Взаимопомощи, Любовь, Кливлендске Соединение, могут соединитися, бо во всіх членами сут сами рабочие, а у рабочих интересы одинаковы. Но повторяме ищы раз, доки они находятся под поповским контролем и в руках поповских прислужников, то о соединении не може быти и бесіды. Длятого дорога к объединению веде через очыстку каждой запомоговой организации от старых колод и старого поповского влияния и через установление всюду полного рабочего, т. е. членского, контроля.

Д-рґ С. Пыж.

Привіт Лемкам в Америці

Сижу старый тай думаю,
Што я днеска ускладаю,
Ускладаю и напишу,
Вас людонькы всіх потішу.
Пишу вершкы в шыром поли,
Где природа вся говорит.
Вся природа воскресае,
Птичка чудно нам співае.
Сижу собі на поляні
Под Кригівськым лісом,
Люди в поли вішта, гетта,
Так и я сой в поле вышол.

Всюда мило и весело,
Сердце в груди бьеса
Жайворонок чудно співат
И в воздухі вьеса.
Там на горах, на Корнута,
Шматы снігу лежат,
Птичка гуртом и стадами
Скоро до нас вертат.
Лем то місяц минул часу,
Снігу была верства,
Смутно было в лісі, в поли,
Земля была мертва.
Днеска уже дватцетого
Марта наступае,
Ой як мило, брате, в поли,
Вся природа грае.
Птичка співат в ріжний голос,
А ворона краче,
Старый Сицьо на Фирдеі
Свои козы пасе.
Ой як мило, як весело,
Подумайте собі,
Як соловей чудно співат
В Подлипского горбі.
Ой як мило, як весело
И малой дитині,
Як то щыгол красно співат
В Цаповой долині.
Солнце світит, пташок співат
Дітям для потіхы,
А канарок выпіває
В потоці Кузмихы.
Як далеко оком глянеш,
Вся природа грае,
А за морем под землею
Краян наш страдае.
Як далеко оком глянеш —

Радость, человек,
А твой братко в темной майні
Чорну скалу січе.
Солнца гріют теплы лучы,
Вітрец от полудня,
А сестричка там за морем
В мурах сидит бідна.
Солнце тепер уж высоко,
Птичка все щебече,
Но сестричка на чужыні
Нераз сой заплаче.
Пастух собі выпіває
Деси на Голицы,
Но за морем там сестричка
В чорной каменіцы.

Хотя біда в краю,
Пісний борщ сербаю,
Водом и воздухом
Больше прожываю.
Хотя біда в краю,
Сухий хліб кушаю,
Но як выйду в поле,
Про вьсо забываю.
Квітки уж по садах
Гордіются красом,
Горе мы забыли,
Хоц лем іме часом.
Коло хаты тепер
Садок ся розвиват,
А пан когут ко кур
Так як дружба співат.

Всюда мило и весело,
Уж радостна весна,
Сколько втіхы нашим дітям
Она им принесла.
Уж и бабы будут жытя
Нове начинати,
Одной — другой гуска зыйде,
Будут тыркотати.
Давно, братя, вы не чули
За родное село,
Хотя бідно в старом краю,
Але барз весело.
Давно, братя, вы не чули
Певно за Розділя,
Почуете тепер вшыткы
В бозі ест надія.
Почуете, братя лемкы,
Ест надія в бозі

Я на поли всьо написал
 Под лісом на плузі.
 Закончаю тепер брата,
 Тоты малы стихи
 Пишу для вас, брата милы,
 Вшиткым для потіхы.
 Вы там скоро почуете
 Алярм в Америці
 Пошли уже мои вершкы
 По вашей землиці.
 И читают их руснакы,
 Почули полякы,
 Встрашилися мя старого
 Вшиткы неборакы.
 Наробилем дуже руху
 Ту на Лемковині,
 Досталися мои вершкы
 И малой дитині.
 Так останьте же мі здравы,
 Часу я не маю,
 Вас сердечно, лемкы вшиткы,
 С краю поздравляю,
 Лучшой долі там за морем
 При том всім желаю.

Андрей Ванца, з Розділя Горл. пов.

Каждый русский человекъ въ Юнкерсѣ
 долженъ быти членомъ

Р. А. С. Клуба

ВЪ ЮНКЕРСѢ, Н. І.

реорганизованого въ 1931 году въ

ASSOCIATION OF RUSSIAN-
 AMERICAN CITIZENS, INC.

22 CROTON TERRACE YONKERS, N.Y.

Урядники: А. Василенко, предс. — Л.
 Ковальчикъ, мѣстопредс.—П. Климашъ,
 кассіеръ, — А. Яцевичъ, фин. секретарь,
 Гр. Лукачинъ, заступ. кассіера, — В.
 Федакъ, рек. секретарь.

Директоры: Ник. Турчинъ, Ник. Слота,
 Ник. Гусениця, І. Малютичъ, М. Опа-
 лакъ, Асаф. Окаль, Сеньковичъ.

ЮНКЕРС, Н. І.

ПЕРВОКЛЯССНА САЛОНА

Антоня Дуркота

У Дуркота Антоня
 Вшелякы закускы, напитки,
 Забавят ся люде вшиткы.
 Он краян, наш лемко з Ганчовы,
 Обслужит стары и молоды.
 О том каждый памятайте
 И Дуркота не минайте.

ANTHONY DURKOT

4 SEYMOUR ST. YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 9064

ЮНКЕРС, Н. І.

ПЕРВОКЛЯССНА ГРОСЕРНЯ И
 ДЕЛИКАТЕСЫ

Анны Смерек

Гей, краяне, памятайте,
 Миссис Смерек не минайте,
 То лемкыня из Высовы,
 Знают о том всі докола.
 Она свіжий товар мае
 И всім честно наміряе,
 Єи штора не минайте,
 Вторгувати свому дайте

ANNA SMERЕК

Groceries and Delicatessen

886 NEPPERHAN AVE.

YONKERS, N. Y.

Phone: PAssaic 2-2677

Перворядна Гросерня и Бучерня**І О С И Ф А М О Н Ч А К А**

До Іосифа, до Мончака
 Идут люде из далека,
 Не лем русскы, а и чужы,
 Бо всі знають, же обслужыт,
 Ци то свого, ци чужого,
 Ци малого, великого
 Однаково справедливо,
 Честно, скоро, што аж мило . . .
 Єст у него свіже мясо,
 И то все, не лем так "часом,"
 Ци Вам треба из "бучерні,"
 Ци зас дашто из "гросерні,"
 Вшытко там достанете
 И так, што не пожалуєте!

JOSEPH MONCHAK

112 VAN RIPER AVE. CLIFTON, N. J.

GROCERIES AND MEATS

Tel.: NEpp. 544

ЮНКЕРС, Н. І.

Іоанн Малютич

В шторі Малютича Іоанна,
 В полудне, в вечер и зрана
 Свіжий товар достанете,
 Николи не пожалуєте!
 Он наш краян з села Ріпок,
 Всьо продає на ужиток!

JOHN MALUTICH

GROCERIES — DELICATESSEN

* ** *

Ice Cream, Soda, Cigars and Cigarettes
 131 YONKERS AVE.—YONKERS, N. Y.

ЮНКЕРС, Н. І.

Владимір Гончарик

У Гончарика Владимира
 Найліпша вага, найліпша міра,
 И все свіжий товар — мяса,
 Бо тот штор, то перша клясса,
 А Гончарик справедливый,
 С каждым гречный,
 С каждым милый!

Wl. Honcharyk

GROCERIES AND MEAT MARKET

46 Benett Ave. — Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 5703-J.

Phone, SHadyside 0161

**Карпаторусска Гросерня и
Бучерня****Е. В л а д ы к ы**

Свой до свого!

Коли мешкате поблизко —
 То не минайте мене,
 А тым, што подальше
 Радо доведеме!

**Parma Grocery &
Meat Market**

5297 STATE ROAD, CLEVELAND, O.

ЮНКЕРС, Н. І.

Русска Лондра

Всѣ русскы люде въ Юнкерсъ дають свое прадло до русской лондры, бо мають на томъ практику, што тамъ имъ зробять чысту роботу, на часъ и недорого.

О томъ знаютъ и чужы люде и дають прати до русского.

Yonkers Perfect Laundry

300 NEPPERHAN AVENUE

YONKERS, N. Y.

Tel.: YOnkers 3123

РУССКИЙ ПОГРЕБНИК В ОКОЛИЦ
НЬЮ ЙОРКА

Иван Ковальчик

Лайснесованный Погребник и Ембальмер на Нью Йорк и Нью Джерзи Стеѣты. Вынаимат Автомобили для всяких вы- падков по умеренной цѣни.

В разѣ потребы, удавайтесь до своего краяна-лемка, где достанете добру и честну услугу.

John Kowalchuk

FUNERAL DIRECTOR & EMBALMER

29 SUSSEX ST.

JERSEY CITY, N. J.

Phone:

BErgen 4-5131

364 NEPPERHAN AVE.

YONKERS, N. Y.

Phone:

NEpperhan 4897

КЛИФТОН, Н. ДЖ.

ВУДЛОУНСКА МОЛОЧАРНЯ

Пастеризоване молоко грейд А и всякы молочны и набѣлвы продукты.

И. И. СЕРЧАК

представитель.

73 HURON AVE. — CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 3-3324-M.

НЬЮ ЙОРК, Н. І.

ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕСЕН ШТОР нашего краяна

ГАРРИ ТУРЧИНА

Можна все достати доброго и свѣжого товару. Чыста и честна обслуга, то знают свои и чужы.

Просиме не забывати

И от своего купувати!

HARRY TURCHYN

640 E. 9-th St. — New York, N. Y.

ТОРОНТО — КАНАДА

КРАВЕЦКА ФИРМА МУЖСКИХ
УБРАНЬ.

ROBINS BROS.

340 Queen St. W. 492 Queen St. W.

TORONTO, ONT

Убраня зроблены под вашу мѣру с га-
рантиом, што будут допасованы—цѣна

\$22.50

Phone: ADelaide 9554

ГАРФИЛЬД, Н. ДЖ.

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

нашого краяна

А. БИЩАКА

У Бищика достанете все свѣжий и до-
брый товар и добру, честну обслугу,
то всі нашы люде повинны купувати
у своего краяна.

A. BISCHAK

40 Van Winkle Ave. — Garfield, N. J.

ЮНКЕРС, Н. І.

ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕСЫ

краяна-лемка

ВАСИЛЯ ХОМЫ

То наш лемко из Комлошы,
О том знают люде наши,
Штора его не минайте,
Вторгувати свому дайте.

17 GARFIELD ST. — YONKERS, N. Y.

Tel.: Yonkers 8233

ЮНКЕРС, Н. І.

ПЕРВОРЯДНА БАРБИРНЯ

АНДРЕЯ СМІЯ

Лемко с села из Баниці
Стриже людеи без ружниці,
Коло вас он добре зробит,
Красно стриже и оголит.

137 Riverdale Ave. — Yonkers, N. Y.

НЬЮ ЙОРК, Н. І

ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕСЫ

ИВАНА СМЕРЕЧНЯКА

У Ивана Смеречняка
Купуете навірняка,
Товар его так хороший,
Што не жаль вам буде грошей.

JOHN SMERECNIAK

419 E. 70 ST. — NEW YORK, N. Y.

ЮНКЕРС, Н. І.

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

нашого краяна

ЛУКАЧА МИХАЛЯКА

Має добрый товар с мяса,
Вшытко в него перша клясса,
То наш крайн з Гладышова
И продає всьо дешево.

L. MIHALAK452 SAW MILL RIVER RD.
Yonkers, N. Y. — Tel.: NEpperhan 273

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

НИКОЛАЯ ПОПИВЧАКА

Кто бы не знал Попивчака,
Нашого Лемка краяна,
Знае го дитина всяка
На Гарфильді бизнесмена
И русского человека —
Кто купуе в Попивчака,
То николи не нарікат!

NICHOLAS POPIWCHAK

104 CHESTNUT ST.—GARFIELD, N. J.

НАШ ФОТОГРАФ**A. A. GRAY CO.****W. ELY, prop.**

Выконуе найлучше всякого рода фото-
тографии по цінах приступных.

TORONTO, ONT.

561 QUEEN ST. W. — A. D. 2092

ЛЕМКОВСКИЙ РЕСТОРАНТ**МАКСИМА ГЕРБУТА**

214 EAST ST. — COALDALE, PA.

Пиво, вино и водка всяких сортов.

Сендвичы и друга закуска. Коли
вы в Колдейль, а хочете выпити и за-
кусити, то зайдте до свого краяна-
лемка М. Гербута, де найдете добру
обслугу.

Phone: PAssaic 2-8728

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Краяна Лемка

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба буде вам повісти,
Як хочете смачно істи,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат вам отріже . . .

MICHAEL MASLEY

332 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

НЬЮ ЙОРК, Н. І.**ЛЕМКОВСКИЙ ФОТОГРАФ****В. СИТНИКОВ**

Специалност: Снимат весільны и фамилийны группы, со старых ваших карточок выробит вам нову фотографию. Зайдте, а переконаетесь.

Ціны низкы.

PHOTO-STUDIO**В. SITNIKOFF****134 E. 7-th ST. — NEW YORK, N. Y.****ЮНКЕРС, Н. І.**

Склад угля всіх сортов, олію до огрівання дому и мулярских материялов.

І. Н. СУЛЛИВАНА

Офис — Дунвиди

J. H. SULLIVAN**301 Yonkers Ave. — Yonkers, N. Y.**

Phones: Yonkers 1933—2006

ЮНКЕРС, Н. І.

Первоклассный Штор с айскримом, кендами и содовом водом.

МАРИИ ГАВЧЫК

Наша лемкыня из села Вафка продае конфекты всіх сортов, для старших и молодых, айскрим и добра сод. вода.

MRS. MARY GAWCZYK**115 Lockwood Ave. — Yonkers, N. Y.****КЛИФТОН, Н. ДЖ.**

Привіт и Подяка

от

Henry Samek**КРАВЕЦКЕ ЗАВЕДЕНИЕ****330 HOPE AVE. — CLIFTON, N. J.****РУССКИЙ ЖЕЛІЗНЫЙ СКЛАД
АНТОНІЯ ДЗЮБІНСКОГО**

В нашом складі можете достати всякы річы зо желіза от малого до найвекшого, вьсо для водопровода и огрівання, а и всяку фарбу и стекла.

Заходте до свого краяна, а он вас обслужыт як найліпше. Річы привеземе вам до дому.

MICHIGAN HARDWARE CO.**6372 Michigan Ave. — Detroit, Mich.**

Telephone LAfayette 1590

КЛИФТОН, Н. ДЖ.

Привіт от

Михаила Шершеня**CLIFTON, N. J.****ЮНКЕРС, Н. І.**

Великий выбор обуви
WHITE CITY SHOES STORE

322 SAW MILL RIVER RD.**YONKERS, N. Y.**

* * *

Только оден стор в Юнкерс, где можна vybrати шусы про каждого в русской родині.

**ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕСЫ
нашого краяна****ПЕТРА ЮЩАКА**

Каждый лемко в Нью Йорку

Добре о том знае,

Што grosерня Ющака

Лучший товар мае.

Так в потребі у мене

Прошу покупати,

Обслужу вас честно,

Прошу о том знати.

317 E. 71 ST. — NEW YORK, N. Y.

Tel. PAssaic 2-8782

Бучерня и Гросерня Захария Мерены

У Мерены, лемка и краяна,
Ци в полудне, в вечер, зрана
Все товары перша клясса,
Гросерия и колбаса!

Свіжы мяса и ярины,
Привозят все каждой днины,
Бо Мерена бизнес знае
И старого не продае.

Z. MERENA

Best Meat and Groceries

127 Ackerman Ave.

Clifton, N. J.

КЛИФТОН, Н. ДМ.

Лемковска Салуна
КОНСТАНТИНА СОРОКЫ

Свіже пиво, сода-вода,
Така гнеска нова мода.
У Сорокы все весело
За столиком, ци при касні
Забавитесь прекрасні.

KONSTANTIN SOROKA

85 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

Phone: MAin 0040

РУССКИЙ АДВОКАТ
Attorney at Law

William Bawolak

Як мате даякы справы судовы або
иншы потребы, удавайтесь до свого
адвоката, он радо Вам посовітуе
и поможе:

942 Standard Bank Bldg.
Cleveland, Ohio

ПЕРВОКЛЯССНА РУССКА БУЧЕРНЯ
ОНУФРИЯ ЮНАКА

Даю Вам знати, Лемкы братья,
И Вам там из Закарпатья,
Тоже от Дніпра и Волгы,
Што у мене колбасы добры и долги.
А и куркы, гуси, солонина,
Всяке мясо уженина
Першой кляссы и то така —
Достанете лем в Юнака.

312 E. 71-st ST. NEW YORK, N. Y.

Phone: MEtuchen 6-0885

ГРОСЕРНЯ И БУЧЕРНЯ

Юанна Губика

Гей, крайне, памятайте,
И я лемко, о том знайте,
Тай и мене не минайте!

SOUTH END STORE

First Class Groceries, Meats—Provisions.

137 S. MAIN ST. — METUCHEN, N. J.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт и пожелания
для членов Л. С.

от

АДВОКАТСКОЙ ФИРМЫ
Patlen & Amlicke

Attorneys at Law
308 MONROE ST.

PASSAIC, N. J.

ПИВНА САЛОНА И РЕСТОРАН
ТЕОДОРА ДОКЛИ

Лемка из Ясюнки. Для своих гостей
даст всегда добры напитки, и обслу-
жит честно и по приятельски. Як бу-
дете в Нью Йорку за потребом, то
вступте до краяна.

BEER GARDEN & RESTAURANT

233 E. 3-rd St. — New York, N. Y.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт членам Л. С.
и всім русским людям
в Пассайской околиці

от

Адвокатской фирмы
Tulenko
and
Micklus

126 MARKET ST.

PASSAIC, N. J.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт для всіх
лемков на
Пассайской околиці
и наилучшы пожелания

от

Николая и Михаила
Мандаков

представителей ассекурационных
компаний.

Nickolas Mandak
and

Michael Mandak

ALL FORMS OF INSURANCE

50 MONROE ST. — PASSAIC, N. J.

Phone: PAssaic 2-0317

Phone: MAin 0885

ПАВЕЛ
ГОЛОВЧАК

Русский Погребник
и **Бальзаматор**

Вынанимае автомобилі на всякы оказии.
Братья Лемкы — в потребі удавайтесь
до своего!

2387 PROFESSOR ST. CLEVELAND, O.

Прочітайте то Уважно!

Пару Слов к Людям Доброї Волі

Мы призываємє всіх людей, котрых здо-
ровье не єст в добром стані, начати ужи-
вати **Лекоторию**, лікарство, приготовлене
из ружных європейских цілебных рослин,
котре было зарєгистрованоє в Вашингтоні,
в федеральном бюро патентов.

Независимо от того, як долго Вы хоры
и якы медицины Вы ужывали перше без-
результатно, начнийте ужывати **Лекоторию**
и по ужытью одной бутелькы согласно
предписанию Вы сами переконаєтєся, якым
помочным лікарством єст **Лекотория**.

Найбольше недовірчывы хоры люде му-
сят признати, што **Лекотория** єст правдиве,
чєстне, помочне лікарство, єсли ужыют ці-
лу бутельку регулярно так, як предписано.

1. Ци Вы терпите на запор, газы в жо-
лудку, катар жолудка и кышок, згагу,
отрыжку, нестравност и утрату апетита?
Єсли так, то купте собі велику бутельку
Лекотории, ужывайте ю регулярно, як пред-
писано, и увидите, же буде Вам ліпше.

2. Єсли у Вас не в порядку почки або
печенка, єсли терпите на вздутост, болі
головы и болі в мускулах, заворот головы,
безсонницу, безпричинне огорченьє, то
купте собі велику бутельку **Лекотории** и
ужывайте, як предписано, а увидите, же
поліпшат Вам.

3. Єсли мате нечысту або слабу кров, на-
кожны выметы, лишай и сухы струпы, пры-
щы на тілі або на лиці, предвчасны змор-
щкы, и возможно Вы ужывате всякы масти
и помады, котры не помагают, а умножают
прыщы, то купте велику бутельку **Лекото-
рии** и начнийте ужывати регулярно, як
предписано, а увидите, же по первой бу-
тельці прыщы начнут высыхати и крушы-
тєся. Природный румянец появиться и тіло
стане здоровым и свіжым.

4. Єсли терпите на ревматизм або астму,
не можете отдыхати свободно и кашель
Вас мучыт, не можете їсти ани спати, то
начнийте ужывати **Лекоторию** постоянно и
регулярно и увидите, же буде Вам ліпше.

5. Єсли Вы в старшом віку и чуетєся
так ни не здоровым ни не хорым, як то
звычайно быват со старшыми людьми, ко-
тры потратили силы в жытью, то начнийте
принимати одну столову ложку **Лекотории**
перед спаньєм, и увидите, же буде Вам
ліпше.

6. **Лекотория** дуже помочна и в других
недомаганьях, запричинєных неправильном
роботом жолудка, захоладжыньєм и слабєм
и нечыстом кырвьєм.

7. Єсли Ваша хворота тягнєся долго, то
Ваша кров, жолудок, кышкы и цілый Ваш
организм єст отравлений нечыстотом,—в
таком случаю ужывайте постоянно хоц три
великы бутелькы **Лекотории**, и увидите,
як много то Вам поможе.

8. Оно трудно повірити, штобы одно лі-
карство было так помочне против многих
слабєстей, но мате очы и мозок, то єсли
будете ужывати **Лекоторию**, як предписано,
переконаєтєся сами.

Ціна за 16 унцову бутельку \$1.95; 3 бу-
телькы \$5.40; 6 бутельок \$10.00.

KORNACK---AMBROSIA COMPANY

Box 190, Dept. 25

Scranton, Pa.

Русский Народный Дом

В ПАССАИК, Н. ДЖ.

Ціла околиця знає Русский Народный Дом в Пассайкі, на 4 ул. Кто лем из русских людей приїде в Пассайк, тот найперше приходит до нашого Р. Н. Д., где достане информации о всем, што му треба знати.

Не оминайте свого Дома, ци поодиначку, ци робите весіля, гостину, забавы, представления.

* * *

RUSSIAN NATIONAL HOME

159 FOURTH ST. PASSAIC, N. J.

Phone: LAkewood 6488-W.

Тимофтей Гамбаль

РУССКИЙ БУДОВНИЧИЙ

Коли мате до будовы новый дом, або иншу роботу коло будинков в околиці Кливланда, то звернийтеся до свого краяна карпаторосса-лемка, а даст Вам добру пораду, первокляссну и честну роботу за приступну ціну

* * *

2149 LEWIS DR. LAKEWOOD, O

ГАЗОЛИНОВА СТАНЦИЯ

Pure Oil

и штор с кендами, сигарами и т. д.
нашого краяна-лемка

Василя Поливкы

SALISBURY CENTRE, N. Y.

При стейтовой дорогі № 29, 2 милі на
полноч от

Dolgeville, N. Y.

Коли вам трафитися переїзджати тыми
сторонами, не забудьте вступити до
свого краяна, члена Л. С.

Tel. STamford — 3-4705

Samuel A. Telep

FANCY FRUIT & VEGETABLES

MEAT, GROCERIES

and

DELICATESSEN

Компанічны бизнес-шторы
Нашы вспольны сут ворогы,
Бизнесмена, работника
И бідного человека.
Не купуйте у ворога
И сдалека го минайте,
Зато свого Вы шторника,
Все в потребі посіщайте!

779 ATLANTIC ST. STAMFORD, CONN.

Учение — Світ! Незнание — Тьма!

ЧЫТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ
ЄДИНСТВЕННУ В АМЕРИКИ
карпаторусску народно-робочу газету

“ЛЕМКО”

Придбайте больше читателей для той
газеты.

* * *

Адрес:

2490 PROFESSOR ST. CLEVELAND, O.

У КАЖДОГО КАРПАТОРОССА-

ЛЕМКА МАЄ БЫТИ

Мапа Лемковины

Точна мапа западной части Карпатской
Руси от Попрада по Уж и Сян. Кажде
наше русске и наименьше село означене
на той мапі.

* * *

Стінна, на полотні ----- \$2.00

На пепері ----- 0.50

* * *

LEMKO ASSOCIATION

2490 Profesor St. Cleveland, Ohio.

В ЄДНОСТИ НАША НАРОДНА СИЛА!

Ставайте

В РЯДЫ ЧЛЕНОВ

Лемко-Союза

ОБЪЯСНЯЙТЕ

Идеи, задачи и ціли

НАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

НАУЧТЕСЯ САМИ И СВОИ ДІТИ

ЧЫТАТИ ПО РУССКЫ ИЗ

КАРПАТОРУССКОГО БУКВАРЯ

ВАНЯ ГУНЯНКИ

* * *

Буквар выпущеный в роспродажу по

15 центов примірник.

8 примірников за \$1.00.

* * *

LEMKO ASSOCIATION

2490 Professor St Cleveland, Ohio.